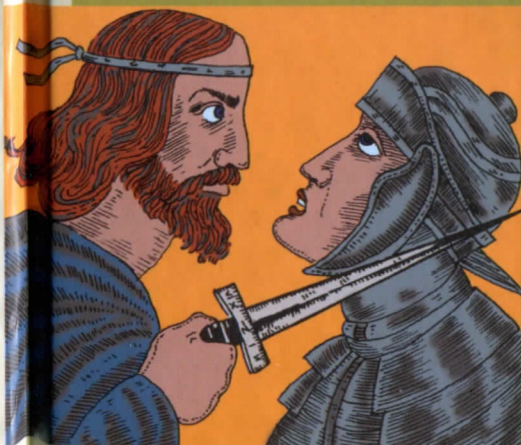

история / география / этнография

Древние германцы

ревние
германцы

Ломоносовъ

Аревние
германцы

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(363)
ББК 63.3(0)3
Д73

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-119-9

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Настоящий сборник в основном охватывает древнейший период в истории германцев — от кимврской войны в конце II века до н. э. до событий II века н. э. Все отрывки из античных писателей даны в хронологической последовательности.

Все латинские авторы переведены А. И. Неусыхиним, за исключением «Германии» Тацита, переведенной С. П. Моравским, и «Записок» Цезаря, переведенных А. И. Неусыхиним и С. П. Моравским совместно; кроме того, в «Истории» Аммиана Марцеллина отдельные места даны в переводе Ю. Кулаковского. Греческие тексты переведены: «География» Страбона — Г. А. Стратановским, «Гай Марий» Плутарха — С. А. Ошеровым, «Римская история» Аппиана и «Римская история» Диона Кассия — В. Н. Граковым.

Поскольку у большинства авторов сведения о германцах перемежаются с другими темами, соответствующие части текста даются в кратком изложении для сохранения связности повествования. Такие вставки, а равно небольшие дополнения в одно, два, три слова для ясности текста даются в прямых скобках курсивом.

Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar; 100–44 до н. э.) — древнеримский политический деятель и полководец, один из предшественников будущего принципата, создатель единоличной диктатуры как переходной формы от республики к монархии (фактический диктатор с 48 по 44 год); с 58 по 52 год — наместник Галлии, ход завоевания которой он изобразил в своих «Записках о галльской войне» (Commentarii de bello gallico) в семи книгах с дополняющей их восьмой книгой, написанной консулом Римской республики 43 года Авлом Гирцием. Сведения о германцах содержатся главным образом в I, IV и VI книгах, а также отчасти во II книге (данные о левобережных племенах). Весь относящийся к германцам материал распадается по своему характеру на две категории: а) общие этнографические описания хозяйства, общественного строя и быта германцев (кн. IV, гл. 1–3 и кн. VI, гл. 21–24) и б) изложение хода военных столкновений Цезаря с отдельными германскими племенами (свевами, тенктерами и узипетами, сугамбрами и пр.).

ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

Книга I

Гл. 30–31. [После того как Цезарь окончил войну с гельветами, к нему явились в качестве послов вожди галльских племен. Представитель племени эдуев Дивитиак обратился к Цезарю с речью, в которой указал, что уже много лет назад вся Галлия разделалась на две враждующие партии: во главе одной из них стоят эдуи, во главе другой — арверны. Последствия этой борьбы и вызванного ею найма германских войск Дивитиак изображает в следующих словах:]

Гл. 31. ...Арверны и секваны пригласили [на помощь] германцев за плату. Сначала германцев перешло к ним через Рейн около 16 тысяч человек. Но после того как этим диким варварам понравились и земля, и образ жизни, и богатства галлов, их переправилось очень много: в настоящее вре-

мя их набралось в Галлии до 120 тысяч. Эдуи и подвластные им племена не раз вступали с ними в битву, но потерпели тяжелое поражение и потеряли всю свою знать, всех членов совета старейшин и всю конницу. [*В результате этого поражения эдуи принуждены были подчиниться владычеству секванов.*] Но победители секваны попали в еще худшее положение, чем побежденные эдуи, так как король германцев Ариовист во дворился в их стране и захватил третью часть земли секванов, которая является лучшей во всей Галлии; теперь же он приказывает им освободить ему еще одну треть, потому что несколько месяцев назад к нему прибыли 24 тысячи гарудов, которым нужно приготовить место для их поселения. И будет так, что через несколько лет всех галлов прогонят из пределов Галлии, а [*на их место*] через Рейн переправятся все германцы, так как ни землю галльскую нельзя сравнивать с землей германцев, ни образа жизни тех и других. А Ариовист, после того как однажды победил боевые силы галлов в сражении при Адмагетобриге¹, стал властвовать надменно и жестоко, требовать в заложники детей самых знатных [*галлов*] и подвергать их всяческим жестоким наказаниям и мучениям, если только какое-нибудь его приказание не исполняется немедленно. Человек он дикий, заносчивый, дерзкий. Его владычество невозможно долее переносить. И если нельзя будет добиться помощи у Цезаря и у римского народа, то всем галлам придется сделать то, что сделали гельветы, — выселиться из своей страны и искать себе новую родину, новых мест для поселения, подальше от германцев, попытаться счастья на чужбине, что бы там ни случилось. Узнавши об их обращении к Цезарю, Ариовист, без сомнения, подвергнет самым тяжким мучениям всех находящихся у него заложников.

Но Цезарь может либо своим личным авторитетом, либо [*силами*] своего войска, недавно одержавшего победу, либо от имени римского народа воспротивиться тому, чтобы еще более великое множество германцев перешло через Рейн, а также защитить всю Галлию от насилий со стороны Ариовиста.

Гл. 32. [*После окончания речи Дивитиак разъяснил Цезарю, что секваны еще больше страдают от владычества Ариовиста, чем прочие галльские племена,*] ибо остальным галлам по крайней мере открыта возможность бегства, в то время как секва-

ны, которые приняли Ариовиста в пределы своей территории и города которых (*oppida*) находятся в его власти, принуждены безропотно сносить всякие мучения [*какие только можно себе представить*].

Гл. 33. [*Цезарь обещал галлам свою поддержку.*] Целый ряд соображений побуждал его обдумать это дело и вмешаться в него: прежде всего он считал пред лицом римского могущества унижительным для достоинства своего и всего римского государства, что эдуи, которых сенат неоднократно именовал братьями и кровными родичами римлян, попали теперь под власть германцев и в рабство к ним и что они принуждены были дать заложников Ариовисту и секванам. Кроме того, он видел, что если германцы постепенно привыкнут переходить Рейн и их наберется в Галлии много, то это явится большой опасностью для самого римского народа; он понимал, что, овладевши всей Галлией, германцы — эти дикие варвары — не удержатся от нашествия на римскую провинцию², а оттуда на Италию, как это некогда и сделали кимвры и тевтоны, тем более что провинция отделяется от страны секванов всего лишь рекой Роданом... К тому же Ариовист набрался такой спеси и наглости, что терпеть этого больше нельзя.

Гл. 34. [*Ввиду всего этого Цезарь решил вступить с Ариовистом в переговоры. В ответ на предложение Цезаря избрать нейтральный пункт для этих переговоров Ариовист велит своим послам передать Цезарю следующее:*]

Если бы ему понадобилось что-нибудь от Цезаря, то он сам пришел бы к нему; если же тот чего-нибудь хочет от него, то ему и следует прийти [*к Ариовисту*]. Кроме того, он не решается явиться без войска в те части Галлии, которые занимает Цезарь; стянуть все войско в одно место он не может без большого количества припасов и всяческих затруднений. Наконец, ему кажется удивительным, что у Цезаря, да и вообще у римского народа может быть какое-нибудь дело до его Галлии, которую он [*Ариовист*] покорил войной.

Гл. 35. [*Тогда Цезарь послал сказать Ариовисту:*] если в благодарность за то, что римский сенат в консульство Цезаря³ признал его королем и другом, он хочет отплатить Цезарю и римскому народу отказом от личного свидания для переговоров по вопросу, касающемуся их общих интересов, то Це-

заль предъявляет ему следующие требования: во-первых, не переводить больше из-за Рейна людей в каком бы то ни было количестве; затем вернуть эдуям заложников, которых он от них имеет, и позволить секванам отдать тех, которые у них находятся; не раздражать эдуев никакими обидами, не затевать войны ни с ними, ни с их союзниками. [В случае невыполнения этих требований Цезарь угрожал Ариовисту своим вмешательством в галло-германские отношения и своим выступлением на стороне эдуев.]

Гл. 36. На это Ариовист отвечал: право войны таково, что победители распоряжаются побежденными, как хотят, и сам римский народ привык распоряжаться побежденными по своему произволу, а не по указаниям других. И если он не указывает римскому народу, как ему следует пользоваться своим правом, то и римскому народу не следует ставить ему препятствий к осуществлению его права. Эдуи сделались его данниками, потому что попытались военного счастья, вступили в борьбу с оружием в руках и были побеждены. Цезарь учинил по отношению к нему [Ариовисту] большую несправедливость тем, что своим прибытием уменьшил его доходы. Он не вернет эдуям заложников; воевать с ними и с их союзниками он не станет, если они будут соблюдать уговор и ежегодно платить ему дань; если же они этого не будут делать, то титул братьев римского народа нисколько им не поможет. Что касается того, что Цезарь не намерен оставлять обиды эдуев безнаказанными, то [пусть знает, что] никто еще из тягавшихся с ним [Ариовистом] не остался цел. Пусть Цезарь вступит с ним в борьбу с оружием в руках когда угодно: он узнает тогда, что значит храбрость непобедимых германцев, в высшей степени искусных в войне и в течение четырнадцати лет не видавших над собой крова.

Гл. 37. [В это самое время к Цезарю явились послы от эдуев и треверов. Эдуи жаловались на то, что] недавно переправленные в Галлию гаруды опустошают их страну и что они не могут купить себе покоя даже тем, что дали Ариовисту заложников. Треверы же сообщили, что свевы из ста округов расположились на берегу Рейна и собираются переходить через него и что во главе их стоят два брата Назуа и Цимберий. Цезарь, сильно встревоженный этим [известием], решил, что ему нуж-

но торопиться, чтобы не затруднить самому себе [*предстоящее*] сопротивление [*германцам*], если бы новый отряд свевов соединился с прежними боевыми силами Ариовиста. Поэтому, собрав с возможно большей быстротой запасы провианта, Цезарь ускоренным маршем двинулся против Ариовиста.

Гл. 38. [*На третий день похода он узнал, что Ариовист*] идет со всем своим войском, чтобы захватить Везонцион, самый большой город секванов, и что он уже продвинулся на три дня пути от занимаемой им территории.

[*Цезарь считал нужным во что бы то ни стало помешать Ариовисту занять Везонцион, который представлял собою в стратегическом отношении весьма выгодную позицию. Цезарю удалось занять его раньше Ариовиста, и он поставил там свой гарнизон.*]

Гл. 39. В продолжение нескольких дней, которые Цезарь провел под Везонционом, собирая запасы продовольствия, его воины собирали сведения о германцах со слов галлов и купцов, и те им сообщили, что германцы — люди огромного роста, невероятной храбрости и в высшей степени опытные в военном деле; что у них не раз бывали стычки с германцами и они не могли вынести одного их вида и пронзительного взгляда. [*Под влиянием таких рассказов в войске Цезаря стала распространяться паника; поговаривали даже, что воины откажутся от выступления.*] Некоторые, не желая признаваться в своей трусости, уверяли, что их страшат не враги, но теснины, встречающиеся по дороге, и расположенные между обоими войсками огромные леса и что они опасаются, возможно ли будет в достаточном количестве и надлежащим образом подвозить провиант.

Гл. 40 и 41. [*Однако Цезарю удалось поднять дух своего войска искусно построенной речью, в которой он указал, что Ариовист раньше очень добивался дружбы римского народа, что римляне уже не раз одерживали победы над германцами, например в войне Мария с кимврами и тевтонами, а также при усмирении восстания рабов в Италии⁴, и что если Ариовист одолел галлов, то не столько своей храбростью, сколько хитро рассчитанным планом. Выступивши в поход, Цезарь на седьмой день ускоренного марша узнал от своих разведчиков, что войско Ариовиста находится в двадцати четырех тысячах шагов от римского⁵.*]

Гл. 42. [Узнав о приближении Цезаря, Ариовист сам предложил ему устроить личное свидание, но с условием, чтобы обоих вождей сопровождала при этом не пехота, а конница.]

Гл. 43. [Во время этого свидания] Цезарь предъявил те же требования, с которыми он [раньше] обращался к Ариовисту через послов, [а именно]: чтобы Ариовист не затевал войну с эдуями и их союзниками; чтобы он вернул эдуям заложников; и наконец, если Ариовист не может отослать никого из германцев [на их прежнюю] родину, чтобы он [по крайней мере] не допускал перехода других [германцев] через Рейн.

Гл. 44. Ариовист мало ответил на самые требования Цезаря, но много распространялся о своих доблестях: [он заявил], что перешел через Рейн не по собственному побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; он оставил свой дом и своих родичей не без великой надежды на большую награду; в Галлии у него есть земля для поселения, уступленная ему самими галлами; заложники даны ими по их собственному желанию; дань, которую победители обычно накладывают на побежденных, он берет по праву войны; не он затеял войну с галлами, а галлы с ним; все племена Галлии явились для нападения на него и пошли войной против него; и все эти войска он рассеял и победил в одном сражении; если они хотят еще раз попробовать, то он готов сразиться еще раз; если же они хотят пользоваться миром, то было бы несправедливо отказываться от дани, которую они до сих пор платили по своей воле. Что же касается дружбы римского народа, то следует, чтобы она была ему в честь и в защиту, а не в ущерб; в надежде на это он и добивался ее; если же из-за римского народа прекратится дань и отнимутся у него подданные, то он сам откажется от дружбы римского народа не менее охотно, чем раньше стремился к ней. А что он переправил в Галлию множество германцев, то сделал он это для своей защиты, а не для нападения на Галлию; доказательством служит то, что он не явился бы, если бы его не просили, и что он не начинал враждебных действий, а только отражал их. Пришел он в Галлию раньше римлян. И никогда еще до сих пор римское войско не выходило из пределов провинции Галлии. Чего Цезарь хочет? Зачем он пришел в его владения? Эта Галлия — его провинция, как та — рим-

ская. Как не подобало бы уступать ему [Ариовисту], если бы он вторгся в римские пределы, так же точно римляне поступают несправедливо, нарушая его права. А что Цезарь сказал, что сенат назвал эдуев братьями, то он [Ариовист] не настолько варвар и невежествен в делах, чтобы не знать, что ни эдуи не оказали помощи римлянам в последнюю войну их с аллоброгами, ни они не пользовались поддержкой римского народа в той борьбе, которую они вели с ним и с секванами. И он должен заподозрить Цезаря в том, что эта притворная дружба с эдуями служит Цезарю лишь поводом для того, чтобы держать в Галлии войско в целях нападения на Ариовиста. И если Цезарь не отступит и не выведет своего войска из этой страны, то Ариовисту придется считать его не другом, а врагом. А если он убьет Цезаря, то сделает этим приятное многим знатым и высокопоставленным римлянам. Об этом он имеет точные сведения от них самих через их посланцев, и умерщвлением Цезаря он мог бы заслужить благодарность и дружбу всех их. Если же Цезарь удалится и предоставит ему свободное владение Галлией, то он вознаградит его очень щедро, и все войны, какие Цезарь захочет, он завершит [для него], избавив Цезаря от всяких трудов и опасностей.

Гл. 45 и 46. [*Цезарь возражал, что не может не помочь эдуям и что он не признает за Ариовистом больших прав на Галлию, чем за римлянами.*]

Гл. 46. Во время обсуждения этих вопросов Цезарю сообщили, что всадники Ариовиста приближаются к холму [на котором происходили переговоры], подсакивают к римским воинам, бросают в них камни и мечут копья. Цезарь прервал переговоры, но вернулся к своим войскам и запретил им направлять против неприятеля какое бы то ни было оружие.

Гл. 47. [*Через два дня Ариовист предлагает возобновить переговоры, Цезарь посылает к нему Гая Валерия Процилла и Марка Меттия — последнего потому, что тот был связан с Ариовистом узами гостеприимства, а первого потому, что он знал галльский язык, которым Ариовист владел благодаря долгой привычке.*] Но лишь только Ариовист увидел их в своем лагере, он закричал в присутствии своего войска: «Зачем вы ко мне при-

шли? Для того чтобы шпионить?» Он не дал им говорить и заключил их в оковы.

Гл. 48. В тот же день Ариовист продвинул свой лагерь и стал под холмом на расстоянии 6 тысяч шагов⁶ от лагеря Цезаря. На следующий день он провел свое войско мимо лагеря Цезаря и устроил свой в двух тысячах шагов за ним с тем умыслом, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и продовольствия, которые доставляли ему эдуи и секваны. С этого дня в течение пяти дней кряду Цезарь выводил свои войска и ставил их перед лагерем в боевом порядке для того, чтобы, если Ариовист захочет померяться силой в сражении, у него была возможность к этому. Однако Ариовист все эти дни удерживал свою пехоту в лагере, но ежедневно состязался в кавалерийском бою. Это был тот род сражения, в котором германцы усовершенствовались. Их было 6 тысяч всадников и столько же пехотинцев, самых храбрых и проворных, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всего войска для своей защиты. Они сопровождали всадников во время сражений; под их прикрытием всадники отступали; они сбегались [на их защиту], когда всадникам приходилось туго; если кто-нибудь падал с лошади, получивши тяжелую рану, они его окружали. В случаях продвижения на необычно далекое расстояние или особенно быстрого отступления их скорость благодаря упражнению оказывалась такой большой, что, держась за гриву лошадей, они не отставали от всадников⁷.

Гл. 49. Видя, что Ариовист все время держится в своем лагере, и не желая, чтобы он продолжал мешать подвозу припасов, Цезарь выбрал удобную позицию на расстоянии 600 шагов⁸ от лагеря германцев и вывел на нее свое войско, построенное в три линии; первым двум он велел оставаться в боевой готовности, а третьей — строить укрепленный лагерь...

Ариовист выслал против римлян туда же 16 тысяч легко вооруженных воинов и всю свою конницу, чтобы они устрашали римлян и мешали им возводить укрепления; несмотря на это, Цезарь приказал, согласно своему прежнему решению, двум боевым линиям отбиваться от неприятеля, а третьей — заканчивать работу. Построивши лагерь, Цезарь оставил в нем два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные 4 легиона увел обратно в больший лагерь.

Гл. 50. [*Ариовист и на следующий день после этого продолжал уклоняться от решительного сражения и ограничился нападением на меньший лагерь.*]

Когда Цезарь стал расспрашивать пленных, почему Ариовист не вступал в сражение, он узнал, что причиной этого был существующий у германцев обычай, [*а именно*]: матери семейств на основании гаданий по жеребьевым палочкам и прорицаний провозглашают, целесообразно ли вступать в битву или нет, и они сказали так: не дозволено германцам победить, если они вступят в сражение до наступления новолуния⁹.

Гл. 51. [*Однако на другой день Цезарю удалось ловким маневром вынудить Ариовиста принять генеральное сражение. Тогда германцы*] вывели из лагеря свое войско и построили его по племенам так, что все племена — гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седузии, свевы — находились на равном расстоянии друг от друга; они окружили всю свою боевую линию дорожными повозками и телегами, чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые, простирая к ним руки, со слезами умоляли идущих в битву воинов не отдавать их в рабство римлянам.

Гл. 52. [*Начавшееся сражение сразу приняло характер рукопашного боя, и вместо метательных копий римляне пустили в ход мечи.*] Но германцы, построившись, по своему обычаю, фалангой, выдержали натиск мечей. [*Однако в дальнейшем левое крыло германцев было обращено в бегство; зато правое стало теснить римлян. Тогда юный Публий Красс, командовавший кавалерией, выслал на помощь находящимся в затруднительном положении частям третью линию, что и решило исход сражения.*]

Гл. 53. [*в конце концов германцы были побеждены.*] Все они повернули в тыл и бежали, не останавливаясь, до самого Рейна, находившегося на расстоянии приблизительно 5 тысяч шагов¹⁰. Там очень многие из них, надеясь на свои силы, попытались перебраться на тот берег вплавь, некоторые же достали лодки и в них нашли себе спасение. Среди них был и Ариовист, который нашел привязанную к берегу лодку и на ней бежал. Остальные, настигнутые римской конницей, были перебиты. У Ариовиста были две жены: одна свевка родом, которую он привел с собой из дому, другая из Норика, сестра

короля Вокция, на которой Ариовист женился в Галлии, куда ее прислал брат; обе они погибли во время бегства; из двух дочерей Ариовиста одна была убита, другая взята в плен.

[Во время погони римлянам удалось освободить Марка Меттия и Гая Валерия Процилла, которого германцы тащили за собой, скованного тройной цепью.] Он рассказал, что о нем трижды гадали по жребию в его присутствии — следует ли его сжечь тотчас же или оставить до другого времени; [по его словам,] он обязан своим спасением жеребьевым палочкам.

Гл. 54. Когда известие об этом сражении распространилось за Рейном, то те свевы, которые дошли было до его берегов, стали возвращаться на родину. Убии, жившие недалеко от Рейна, принялись преследовать устрешенных свевов и многих из них перебили...

Книга IV

Гл. 1. Следующей зимой, в год консульства Гнея Помпея и Марка Красса¹¹, германские племена узипетов и тенктеров большими массами перешли Рейн недалеко от впадения его в море. Причиной перехода было то обстоятельство, что их в течение многих лет тревожили свевы, которые теснили их войной и мешали им возделывать поля.

Племя свевов — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов и каждый [округ] ежегодно высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания.

Они питаются не столько хлебом, сколько — и главным образом — молоком и за счет скота; они много охотятся. Все это вместе взятое, а также свойства пищи, ежедневные военные упражнения, свободный образ жизни, в силу которого они, не приучаясь с самого детства ни к повиновению, ни к порядку, ничего не делают против своей воли, [все это] укрепляет их

силы и порождает людей столь огромного роста. Кроме того, они приучили себя, [*живя*] в странах с очень холодным [*климатом*], не носить никакой другой одежды, кроме звериных шкур, которые вследствие их небольших размеров оставляют значительную часть тела открытой, а также привыкли купаться в реках.

Гл. 2. Купцам они открывают доступ к себе больше для того, чтобы иметь кому продать захваченное на войне, чем потому, что они сами нуждаются в каком бы то ни было ввозе. Германцы не пользуются даже привозными лошадьми, которыми галлы так дорожат и которых они приобретают за высокую цену, а используют своих туземных лошадей, низкорослых и невзрачных, и доводят их ежедневными упражнениями до величайшей выносливости. Во время конных боев они часто соскакивают с коней и сражаются пешими; коней же они приучили оставаться на том же месте, а в случае надобности они быстро вновь садятся на них¹²; по их понятиям нет ничего более постыдного и малодушного, как пользоваться седлами. Поэтому они осмеливаются — даже будучи в незначительном количестве — делать нападение на какое угодно число всадников, употребляющих седла. Вино они вовсе не позволяют к себе ввозить, так как полагают, что оно изнеживает людей и делает их не способными к труду.

Гл. 3. Они видят самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались ненаселенными и неводеланными: это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли противостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пустует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов¹³. С другой стороны к ним примыкают убии; их страна была, по понятиям германцев, обширной и цветущей, а народ несколько более культурным, чем прочие германцы, так как убии живут на берегу Рейна, к ним заходит много купцов, и благодаря близости к галлам они усвоили их нравы. Свевы часто мерялись с ними силами в многочисленных войнах; и хотя они благодаря значительности и могуществу [*убиев*] не смогли изгнать [*этих последних*] из их страны, они превратили их, однако, в своих данников и сделали их гораздо более слабыми и малосильными.

Гл. 4. В таком же положении были узипеты и тенктеры, о которых речь шла выше. Много лет они выдерживали натиск свевов, но в конце концов были изгнаны ими из своей земли. [Целых] три года бродили они по Германии, побывали в очень многих местах и, наконец, пришли к Рейну. Эту область населяли менапии, у которых на обоих берегах Рейна были возделанные поля, хутора и деревни. Испугавшись появления такого множества людей, менапии покинули свои жилища на том берегу Рейна и, расставивши стражу на этом берегу, препятствовали германцам переходить реку. Те, испробовавши все средства и не имея возможности ни вступить в открытую борьбу за неимением лодок, ни переправиться тайком из-за сторожевых постов менапиев, сделали вид, будто возвращаются в свои прежние владения и области, и в течение трех дней двигались по направлению к ним, но затем внезапно повернули обратно; их кавалерия в один день покрыла пройденное за три дня пространство и нагрянула на совершенно неподготовленных к этому менапиев, которые, узнав через своих лазутчиков об уходе германцев, вернулись без всяких опасений за Рейн в свои селения. Перебив менапиев, они завладели их судами и переправились на другой берег, прежде чем та часть менапиев, которая находилась на левом берегу, могла быть извещена об этом. Захватив все жилища менапиев, они питались остаток зимы найденными там запасами.

[В следующей — пятой, а также в начале шестой главы Цезарь рассказывает о том, как оправдались его предположения относительно возможного вероломства галлов, которые попытались использовать узипетов и тенктеров в качестве противовеса против римлян.]

Гл. 6. [Некоторые галльские племена отправили послов к германцам, то есть к узипетам и тенктерам,] приглашая их пойти от берегов Рейна [в глубь страны] и обещая исполнять все их требования. Понадеявшись на это, германцы стали устраивать более отдаленные набеги [на внутренние области Галлии] и продвинулись уже до территории, занятой эбурунами и кондрузами, «клиентами» треверов. Цезарь созвал вождей галльских племен, которым и вида не подал, что он что-либо узнал, и которых, наоборот, успокоил, укрепив их преданность ему;

затем он потребовал с них поставки конницы и объявил о своем решении начать войну с германцами.

Гл. 7. [*Когда он подошел к ним на расстояние нескольких дней пути, к нему явились послы от германцев, обратившиеся к Цезарю с таким заявлением:*] Германцы¹⁴ не затевают первые войны с римским народом, однако если их вызовут на это, то они от войны не откажутся. Таков уж обычай германцев, унаследованный ими от предков, — сопротивляться всякому, кто начнет с ними войну, и не молить о пощаде. Тем не менее они должны сказать следующее: пришли они против своего желания [*лишь*] потому, что были изгнаны из своей страны. Если римляне хотят их благодарности, то они могут быть им полезными друзьями: пусть только римляне либо отведут им земли, либо позволят им удержать за собою те, которые они [*уже*] захватили силой оружия. Они отдают первенство только одним свевам, с которыми даже бессмертные боги не могут сравняться, а больше нет никого на земле, кого бы они не могли одолеть.

Гл. 8. Цезарь отвечал им на это так, как считал нужным; заключительная часть его ответа сводилась к следующему: у него не может быть никакой дружбы с ними, пока они остаются в Галлии. Несправедливо, чтобы те, кто не мог защитить свою землю, захватывали чужую. В Галлии нет пустующих земель, которые можно было бы отдать, не нарушив справедливости, в особенности такому множеству людей. Но если бы они захотели, то могли бы поселиться в области убиев, послы которых, находящиеся в данный момент у Цезаря, жалуются на насилие со стороны свевов и просят у него помощи. Он добьется у них согласия на это.

Гл. 9. [*Послы обещали передать о его предложении и вернуться с ответом через три дня, а пока просили Цезаря не идти дальше. Но Цезарь на это не согласился, подозревая, что они хотят только оттянуть время.*] Ибо Цезарь узнал, что несколько дней назад германцы послали значительную часть своей конницы в область амбиваритов по ту сторону Мозы за добычей и хлебным провиантом. [*Цезарь полагал, что они ждут ее возвращения.*]

Гл. 10. Моза вытекает из гор Вогеца, находящихся в области лингонов; соединившись с одним из рукавов Рейна, но-

сящим название Вакал, она образует остров Батавов и на расстоянии не более восьмидесяти тысяч шагов¹⁵ от него впадает в Океан¹⁶. Рейн же берет свое начало в стране лепонтиев, живущих в Альпах, и быстро течет на большом протяжении через земли нантуатов, гельветов, секванов, медиоматриков, трибоков и треверов, а приближаясь к Океану, разделяется большим количеством огромных островов на очень много рукавов; значительная часть [*этих островов*] населена дикими варварскими народами; некоторые из них, как думают, живут рыбой и птичьими яйцами¹⁷. В Океан Рейн втекает многими устьями.

Гл. 11. Когда Цезарь был не далее 12 тысяч шагов¹⁸ от неприятеля, к нему вновь явились послы германцев, как это и было уговорено. Встретив его уже в пути, они опять стали настоятельно просить его не двигаться дальше. Получивши отказ, они попросили Цезаря приказать шедшей в авангарде коннице не вступать в битву, чтобы дать им возможность отправить послов к убиям. И если вожди и сенат¹⁹ убиев заверят их клятвой, то они обещают подчиниться условиям Цезаря. Для устройства этих дел пусть он даст им 3 дня сроку. Цезарь по-прежнему полагал, что все эти [*предложения*] преследуют ту же цель — выиграть 3 дня, в течение которых вернется [*германская*] конница. Тем не менее он обещал не продвигаться более чем на 4 тысячи шагов²⁰ (что было необходимо для пополнения запасов воды) и предложил германцам собраться на другой день в этом же месте в возможно большем количестве, чтобы он мог узнать их требования. Вместе с тем он приказал префектам шедшей впереди конницы не затевать битвы с неприятелем, а если тот их сам заденет, держаться крепко, пока он не подойдет со всем войском.

Гл. 12. Но лишь только германцы увидели римскую конницу (в числе 5 тысяч человек), они тотчас же бросились на нее, хотя у них было не более 800 всадников, так как те, что отправились за Мозу для добывания провианта, еще не вернулись; римляне совершенно не ожидали такого нападения, так как только что ушли от Цезаря послы германцев, сами просившие о перемирии как раз на этот день. Поэтому германцы быстрым натиском смяли ряды римлян. Когда же римляне оправились, германцы по своему обычаю спешились и,

подкалывая снизу лошадей римлян, многих всадников сбросили на землю. Остальные обратились в бегство; преследуемые неприятелем, они пришли в такой ужас, что остановились только в виду своего войска. Римская конница потеряла в этой битве 74 человека...

Гл. 13. *[В следующей главе Цезарь рассказывает, как он убедился в необходимости при первой же возможности дать германцам решительное сражение и как сами германцы облегчили ему выполнение этого решения.]* На утро следующего же дня они явились к нему в лагерь, чтобы продолжать свою вероломную и лицемерную игру. Их пришло очень много, между прочим все вожди и старейшины. *[Они старались выпросить прощение за произведенное накануне нападение и добиться продолжения перемирия. Но Цезарь арестовал их и вывел все свое войско из лагеря.]*

Гл. 14. Пройдя быстро расстояние в 8 тысяч шагов²¹, отделившее их от неприятельского лагеря, римляне напали на германцев, прежде чем те успели понять, что происходит. Пораженные внезапным ужасом и от быстроты появления римлян, и от отсутствия своей собственной *[конницы]*, они не имели даже времени ни обдумать свое положение, ни взяться за оружие; в смятении они не знали, что лучше — вывести свое войско из лагеря, чтобы напасть на неприятеля, или защищать лагерь, или же искать спасения в бегстве. Кто успел наскоро схватить оружие, некоторое время сопротивлялись римлянам и завязали сражение между повозками и походным багажом. А вся остальная масса — дети и женщины, ибо они покинули родину и перешли через Рейн со всеми своими *[чадами и домочадцами]*, — бросилась бежать врассыпную. Для их преследования Цезарь послал конницу.

Гл. 15. Слыша за своей спиной крики и видя, как избивают их близких, германцы побросали оружие и воснные значки и пустились вон из лагеря. Прибежавши к месту слияния Мозы и Рейна, они увидели, что дальнейшее бегство было безнадежно. Очень большое число их было перебито, а остальные бросились в реку и там погибли; их доконали страх, утомление и сила течения. Не потеряв *[убитыми]* ни одного человека и с небольшим числом раненых римляне вернулись в лагерь из похода, внушавшего им такой страх. Всех германцев

было 430 тысяч; тем из них, которые были задержаны в римском лагере, Цезарь позволил уйти, но так как они боялись, что галлы, земли которых они опустошили, предадут их мучительной смерти, то они сами просили у Цезаря разрешения остаться...

Гл. 16. Кончивши войну с германцами [*узипетами и тенктерами*], Цезарь решил, что ему по многим соображениям следует совершить переход через Рейн. Самым главным из этих соображений было то, что следует заставить германцев, которые с такой легкостью решились явиться в Галлию, опасаясь за свою собственную страну, показавши им, что и римское войско может и не боится переходить Рейн. Кроме того, конница узипетов и тенктеров, отправившаяся, как было уже выше упомянуто²², по ту сторону Мозы за добычей и хлебным провиантом, не успела принять участия в сражении [*своих со-племенников*] с римлянами, а после их разгрома перешла через Рейн и укрылась у сугамбров, с которыми она и соединилась. Цезарь послал к ним гонцов с требованием выдать ему тех людей, которые напали на Галлию и на него. Сугамбры на это отвечали: «Рейном кончается римское государство. И если Цезарь считает, что несправедливо, чтобы германцы самовольно переходили через Рейн, зачем же он требует, чтобы что-нибудь за Рейном подчинялось его приказанию или власти?» В то же время убии — единственный из зарейнских народов, который прислал к Цезарю послов, вступил с ним в дружбу и дал заложников, — настоятельно просили его защитить их от свевов, которые тяжело угнетают их, а если государственные дела мешают ему сделать это самому, то по крайней мере переправить свое войско через Рейн. И этого было бы, по их мнению, достаточно, для того чтобы помочь им в настоящем и обнадежить их на будущие времена. Ибо после изгнания Ариовиста и после этого последнего сражения [*с узипетами и тенктерами*] слава его войска так велика даже у самых отдаленных германских племен, что убии могли бы считать себя в безопасности благодаря авторитету и дружбе римского народа. При этом убии предлагали очень много лодок для переправы войска.

Гл. 17. Ввиду всего этого Цезарь решил перейти через Рейн, Но он считал недостаточно надежным и в то же время не со-

ответствующим достоинству своему и римского народа переправляться через Рейн в лодках. И хотя было очень трудно построить мост через эту реку вследствие ее ширины, глубины и быстроты течения, он все-таки решил попытаться сделать это, в случае же неудачи — совсем отказаться от мысли о переходе его войска через Рейн...

Гл. 18. Через десять дней после начала доставки строительного материала мост был готов, и переправа совершилась. Оставивши сильное прикрытие у обоих концов моста, Цезарь с остальным войском отправился в страну сугамбров. К нему стали являться депутации от многих племен просить мира и дружбы. Он принимал их благосклонно и всем им приказывал привести заложников. Что же касается сугамбров, то, как только Цезарь начал строить мост, они по совету тех узипетов и тенктеров, которые у них находились, стали готовиться к бегству. Они и ушли из своей страны, захвативши с собой все свое добро, и укрылись в пустынных местах и лесах.

Гл. 19. Цезарь задержался в их стране всего на несколько дней, сжег все деревни и хутора и сжал хлеб. [*После этого*] он отправился в область убиев; когда он предложил им свою помощь в случае нападения на них свевов, то узнал от убиев следующее: как только свевы разузнали через своих лазутчиков, что строится мост, они тотчас же созвали по своему обычаю народное собрание и разослали во все стороны гонцов с приказанием [*всем членам племени*] выселиться из городов, спрятать детей, жен и все свое добро в лесах, а всем способным носить оружие собраться в одном месте; место это было намечено приблизительно в середине округов, которые были заняты свевами. Здесь они решили дожидаться прихода римлян и дать им решительное сражение. Узнавши об этом, Цезарь решил, что он выполнил все, ради чего перешел Рейн, а именно: заронил страх в германцах, наказал сугамбров, освободил убиев от угрозы со стороны свевов и, следовательно, в течение восемнадцати дней пребывания за Рейном достаточно послужил славе и выгоде римлян. Поэтому он разрушил сооруженный им мост через Рейн²³ и вернулся в Галлию.

Книга VI

Гл. 9. [*Усмирив восстание некоторых галльских племен,*] Цезарь решил по двум причинам перейти Рейн²⁴: во-первых, потому, что зарейнские германцы послали свои отряды на помощь треверам против Цезаря, и, во-вторых, потому, что хотел помешать найти у них убежище [*вождю эбурунов*] Амбиоригу. Согласно этому решению, Цезарь начал постройку моста через Рейн немного выше того места, где он переправлял свои войска через реку в прошлый раз. Известным и испытанным способом при большом усердии солдат работа была закончена в несколько дней. Цезарь оставил сильное прикрытие у моста в области треверов, чтобы они внезапно не подняли восстания, а остальные войска — пехоту и конницу — переправил [*на правый берег*]. Убии, которые уже раньше дали заложников и вполне покорились Цезарю, отправили к нему послов, чтобы очистить себя от всяких подозрений: послы уверяли Цезаря, что убии не посылали помощи треверам и что они не нарушали верности; они просили пощадить их, чтобы, вследствие ненависти Цезаря к германцам вообще, им, невинным, не пришлось понести наказание вместо виновных; если Цезарь хочет получить от них еще заложников, то они обещают дать их. Расследовавши это дело, Цезарь узнал, что помощь посылали свевы. Он признал объяснения убиев удовлетворительными и стал собирать сведения о путях и подступах к свевам.

Гл. 10. Через несколько дней он узнал через убиев, что свевы собрали все свои войска в одно место и разослали всем подвластным им племенам распоряжение прислать вспомогательные отряды, пешие и конные. Узнавши об этом, Цезарь принял меры для обеспечения своего войска продовольствием, выбрал подходящее место для устройства лагеря и приказал убиям увести в безопасное место их мелкий скот и транспортировать все имущество с полей в города. Цезарь надеялся, что [*свевы, как*] варвары и люди неопытные, вследствие недостатка съестных припасов падут духом и ему удастся поставить их в положение, неблагоприятное для сражения. Он поручил убиям также возможно чаще посылать к свевам разведчиков, чтобы узнавать, что у них происходит. Убии исполнили приказание Цезаря и по прошествии нескольких дней

донесли, что по получении более точных сведений о римском войске все свевы вместе со всеми своими и союзными войсками, какие им только удалось набрать, отступили внутрь своей страны до самых крайних ее пределов; там находится бесконечно большой лес, который называется Баценским; он простирается далеко в глубь страны и, являясь как бы природной стеной, защищает херусков от свегов, а свегов от херусков и препятствует их набегам друг на друга и взаимным обидам; у начала этого леса свевы и решили дожидаться прихода римлян.

Гл. 11. Теперь, после того как мы дошли [*в нашем изложении*] до этого пункта²⁵, не будет неуместным дать понятие о быте [*обитателей*] Галлии и Германии и о том, чем отличаются друг от друга эти [*два*] народа...²⁶

Гл. 21. [*Быт*] германцев сильно отличается от этого образа жизни²⁷. Ибо у них нет друидов, руководящих обрядами богослужения, и они не особенно усердствуют в жертвоприношениях. В качестве богов они почитают лишь солнце, огонь и луну, то есть только те [*силы природы*], которые они видят [*собственными глазами*] и в благоприятном влиянии которых имеют возможность воочию убедиться; об остальных богах они даже не слышали²⁸. Вся их жизнь проходит в охоте и военных занятиях: с раннего детства они [*закаляются*], приучаясь к тяготам их сурового образа жизни. Те, кто дольше всего остаются девственными, заслуживают наибольшую похвалу среди своих [*соплеменников*]: они полагают, что это увеличивает рост и укрепляет силы. А уж иметь половые сношения с женщинами до достижения двадцатилетнего возраста они считают одним из самых позорных дел; [*в этой сфере отношений*] у них ничего нельзя скрыть, ибо они совместно купаются в реках и носят одежду из звериных шкур или из небольших кусков оленьей кожи, оставляющих обнаженной значительную часть тела.

Гл. 22. Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. И никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка или владений в частной собственности; но должностные лица и старейшины ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников²⁹, где и сколько они найдут

нужным земли, а через год принуждают их перейти на другое место. [Германцы] приводят многочисленные основания [для объяснения] такого порядка: [по их словам,] он не дает им прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческую работу; благодаря ему никто не стремится к расширению своих владений, более могущественные не стоняют [с земли] более слабых, и никто не посвящает слишком много забот постройке жилищ для защиты от холода и зноя; [наконец, этот порядок] препятствует возникновению жадности до денег, из-за которой происходят партийные распри и раздоры, и [помогает] поддерживать спокойствие в простом народе ощущением имущественного равенства его с самыми могущественными людьми.

Гл. 23. Величайшей славой пользуется у них то племя, которое, разорив ряд соседних областей, окружает себя как можно более обширными пустырями. [Германцы] считают отличительным признаком доблести [данного племени] то обстоятельство, что изгнанные из своих владений соседи его отступают и никто не осмеливается поселиться вблизи этого племени; вместе с тем оно может считать себя [благодаря этому] в большей безопасности на будущее время и не бояться внезапных неприятельских вторжений. Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица, несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью. В мирное время у племени нет общего правительства; старейшины отдельных областей и округов творят там суд и улаживают споры. Разбойничьи набеги, если только они ведутся вне территории данного племени, не считаются позором; [германцы] выставляют на вид их необходимость как упражнения для юношества и как средства против праздности. И вот, когда кто-либо из первых лиц в племени заявляет в народном собрании о своем намерении предводительствовать [в военном предприятии] и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому, тогда поднимаются те, кто одобряет и предприятие, и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь; те из обещавших, которые не последовали [за вождем], считаются беглецами и изменниками и лишаются впоследствии всякого доверия.

Оскорбить гостя [*германцы*] считают грехом; по какой бы причине ни явились к ним [*гости*], они защищают их от обиды, считают их личность как бы священной и неприкосновенной, предоставляют в их распоряжение свой дом и разделяют с ними свою пищу.

Гл. 24. Некогда было время, когда галлы превосходили германцев доблестью, по собственному почину затевали войны с ними и вследствие густоты населения и недостатка земель выводили колонии за Рейн. В результате вольки-тектосаги заняли и заселили плодороднейшие области Германии, расположенные вокруг Герцинского леса, который, как я вижу, был известен Эратосфену и некоторым другим греческим писателям понаслышке... Но так как германцы и сейчас пребывают в той же нужде и бедности и ведут такой же суровый образ жизни, что и раньше, питаются и одеваются по-прежнему, а галлам близость провинции³⁰ и знакомство с заморскими изделиями дали возможность жить более широко, то они постепенно привыкли к [*военному*] превосходству [*германцев*] и, потерпев поражения в многочисленных сражениях с ними, уже и сами не думают меряться доблестью с германцами.

Гл. 25. Герцинский лес, о котором мы выше упоминали, имеет в ширину шесть дней пути, если идти налегке; другим способом определить его размеры нельзя, так как германцы не имеют мер длины для определения расстояний. Начинается этот лес в стране гельветов, неметов и рауриков, идет прямо вдоль берега Днубия и доходит до границ даков и анартиев; здесь он поворачивает налево в разных направлениях от реки, и так как он очень велик, то подходит к границам территорий многих племен. И нет никого из этой части Германии, кто мог бы сказать, что он дошел до [*восточного*] конца этого леса, хотя бы и шел в течение шестидесяти дней, или что он узнал, откуда лес начинается.

Известно, что в этом лесу водится много пород диких зверей, которые в других местах не встречаются; из них вот какие особенно отличаются от других и заслуживают того, чтобы о них сохранилась память.

Гл. 26. Есть [*среди них*] бык, видом похожий на оленя, у которого посредине лба между ушами выступает один рог, более прямой и высокий, чем [*все*] известные нам рога: от его

верхушки широко расходятся ветви, подобно пальцам от ладони. И у самца, и у самки одинаковый вид, одинаковая форма и величина рогов.

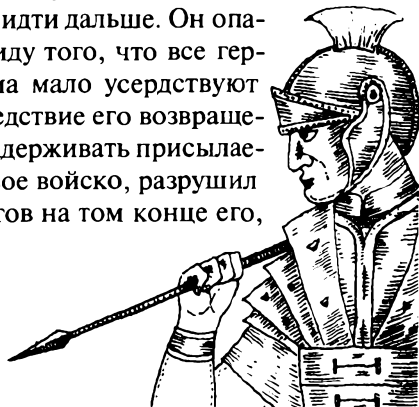
Гл. 27. Есть также такие [*животные*], которые называются лосями; видом своим и пестротой меха они похожи на коз, но только немного превосходят их величиной; [*кроме того,*] рога у них притуплены, а голени без лодыжек и не расчленены. Для отдыха они не ложатся, а если, поваленные по какому-нибудь случаю, они упадут, то уж не могут подняться. Ложе им заменяет дерево: они прислоняются к нему, лишь немного наклонившись, и таким образом отдыхают. И когда охотники заметят по следам, куда они удаляются на отдых, то на этом месте они подкапывают у всех деревьев корни или надрубают ствол, но так, чтобы дерево сохраняло вид стоящего [*нетронутым*]. И когда они по своему обыкновению прислонятся к этим шатким деревьям, то тяжестью своей повалят их, а вместе с ними и сами упадут.

Гл. 28. Третий вид [*животных*] это те, которые называются зубрами. Они по своим размерам немного меньше слонов, а по наружному виду, строению и окраске похожи на быков. Они отличаются большой силой и быстротой: увидевши какого-нибудь человека или животное, они не дают пощады никому. [*Германцы*] усердно их ловят при помощи ям и убивают. Этому особенно предаются юноши, упражняясь в такой охоте. И тот, кто убьет много зубров, публично показавши в виде доказательства их рога, заслуживает большую похвалу. Привыкнуть к человеку и сделаться домашними зубры не могут, даже если их берут маленькими. Рога их по величине и виду своему во многом отличаются от рогов наших быков; их тщательно собирают, отделывают по краям серебром и пользуются ими как чашами на самых роскошных пирах³¹.

Гл. 29. Узнав от разведчиков из племени убиев, что свевы отступили в свои леса, Цезарь решил не идти дальше. Он опасался недостатка в продовольствии ввиду того, что все германцы, как мы выше показали, весьма мало усердствуют в земледельческом труде. Но чтобы вследствие его возвращения не исчез страх у варваров и чтобы задерживать присылаемую ими помощь, он, переправивши свое войско, разрушил часть моста на протяжении двухсот футов на том конце его,

который выходит к берегу убиев; кроме того, на другом краю моста он воздвиг четырехэтажную башню и поместил в ней для охраны моста гарнизон из двенадцати когорт; все это место он сильно укрепил...

Гл. 35. *[В предыдущих главах Цезарь изображает следующий эпизод.*

Одно из левобережных племен, эбуроны, вождем которых был Амбиориг, напали на римский отряд. Тогда Цезарь двинулся со своим войском в сторону эбуронов, но Амбиоригу удалось спастись бегством. Соседние с эбуронами германские племена, сегны и кондрузы, послали к Цезарю послов с уверениями, что они ничем не помогали эбуронам и Амбиоригу. Убедившись из рассказов пленных в справедливости их слов, Цезарь потребовал от сегнов и кондрузов выдачи ему бежавших в их страну эбуронов. Затем Цезарь сложил весь войсковой багаж в римском лагере Адуатуке, для охраны которого оставил один легион, прибавивши к нему еще 200 всадников. Остальное войско он разделил на три части, по 3 легиона в каждой; одну из них послал к морскому берегу по соседству с областью менапиев, другую отправил опустошать территорию, примыкающую к области адуатуков, а сам с третьим отрядом пустился в погоню за Амбиоригом, обещая вернуться на седьмой день. Перед этим он разослал ко всем соседним с областью эбуронов племенам гонцов с приказом грабить и опустошать ее.]

Приближался седьмой день, в который Цезарь обещал вернуться в лагерь. За это время весть о приглашении всех соседних племен опустошать и грабить страну эбуронов дошла и до зарейнских германцев; живущие ближе других к Рейну сугамбры, те самые, у которых, как мы рассказывали, когда-то укрылись бежавшие от римлян тенктеры и узипеты, собрали 2 тысячи всадников и на кораблях и лодках переправились через Рейн в 30 тысячах шагах³² ниже того места, на котором Цезарь построил свои *[второй]* мост и где он оставил гарнизон. Явившись прежде всего в ближайшую от них область эбуронов, они захватили многих из рассеявшихся по всей стране беглецов, а также очень много мелкого скота, до которого так жадны варвары³³. Привлекаемые добычей, они шли все дальше и дальше: ни болота, ни леса не могли задержать этих людей, родившихся и выросших среди войн и грабежей.

Они расспрашивали пленных, где находится Цезарь, и узнали от них, что он далеко и все его войско ушло. При этом один из пленников сказал: «Стоит ли вам гнаться за такой жалкой и ничтожной добычей, когда вы можете быть очень счастливы? В [каких-нибудь] три часа вы можете добраться до Адуатуки, где собраны все богатства римского войска; а гарнизон там так мал, что не может даже занять весь вал, окружающий лагерь, и никто из них не смеет выйти из укрепления». Соблазненные этой надеждой, германцы [сугамбры] спрятали в укромных местах всю захваченную ими до сих пор добычу и направились в Адуатуку, причем проводником их был тот самый пленник, от которого они получили эти сведения.

[В главе 36 Цезарь рассказывает, что начальник оставленного в римском лагере гарнизона Квинт Туллий Цицерон сначала твердо выполнял его распоряжение никого не выпускать из лагеря. Но потом он решил послать на фуражировку пять когорт. Хотя поля, с которых предполагалось взять хлеб, находились недалеко от лагеря и были отделены от него только холмом, тем не менее сугамбры решили воспользоваться уходом части войск из лагеря даже на небольшое расстояние.]

Гл. 37. Как раз в это время и при этих обстоятельствах к лагерю подскочили сугамбры и тотчас же, не останавливаясь, попытались ворваться в него через задние ворота. Скрытые находившимся возле этой стороны лагеря лесом, германцы стали видны только тогда, когда так близко подошли к лагерю, что расположившиеся под лагерным валом торговцы не успели даже спрятаться в лагерь...

Гл. 41. Германцы, видя, что римляне утвердились под защитой лагерных укреплений, потеряли надежду захватить лагерь; тогда они взяли ту добычу, которая была ими спрятана в лесах, и отступили за Рейн.

Страбон (Στράβων) родился в знатной и состоятельной греческой семье в городе Амасия на северном побережье Малой Азии в 64 или 63 году до н. э. и умер в 19 году н. э. Он считал географию частью философии и тесно связывал ее с историей. Из его «Географии» сохранились почти целиком 17 книг. Первые две книги посвящены раскрытию его взглядов на землеведение и полемике с предшественниками. В книгах III–X Страбон дает описание Европы. Сведения о Германии даются в разных местах. Особенно важные из них заключаются в книге IV, где говорится о пограничных кельтам германцах, и в первых главах книги VII, где сначала описываются страны, прилегающие к Дунаю с севера. Критически относясь к своим предшественникам, Страбон больше опирается на греческие, нежели на римские источники.

ГЕОГРАФИЯ

Книга I

Гл. I, 17. [*Доказывая политическое значение географии, Страбон сообщает об использовании германцами при борьбе с римлянами местных условий.*]

Но, оставив в стороне древность, я считаю, что современный поход римлян против парфян¹ является достаточным подтверждением моих слов, как и поход против германцев и кельтов², так как в последнем случае варвары вели партизанскую войну, укрываясь в болотах, в непроходимых лесных чащах и пустынях; и они заставляли незнакомых с местностью римлян считать близкое в действительности отдаленным и держали их в неведении относительно дорог, запасов продовольствия и прочего.

Книга II

Гл. V, 30. [*Из общего описания Европы.*] После Италии и Кельтики к востоку следуют остальные части Европы, которые ре-

ка Истр рассекает надвое. Эта река течет с запада на восток в Евкийский Понт, налево оставляя всю Германию...

Книга IV

Гл. I, 8. [*При описании Роны Страбон сообщает об очистке ее устья Марием во время войны с кимврами и тевтонами.*] [*Марий*] велел прорыть новый канал; затем, пропустив через канал большую часть реки, он передал его массалиотам в награду за доблесть, проявленную ими в войне с амбронами и товгенами³; от этого дара массалиоты сильно разбогатели, взимая пошлину с судов...

Гл. III, 3. [*В конце этой главы, сравнив Рейн и Сену, Страбон говорит о расположении по отношению к этим рекам Британии и затем сообщает о гельветам.*] Говорят также, что гельветы, хотя и богатые золотом, тем не менее обратились к разбою, увидев богатство кимбров.

[*Сообщается о разгроме гельветов Цезарем.*] Цезарь дал возможность спастись остальным [*гельветам*] (около 8000), чтобы не оставлять в добычу их соседям германцам безлюдную страну.

Гл. III, 4. [*При перечислении галльских племен, живущих по Рейну, Страбон сообщает о германцах:*] ...За медиоматриками и трибокхами вдоль Рена живут треверы, в области которых римлянами, ведущими германскую войну⁴, построен теперь мост. По ту сторону Рена, напротив этой страны, жили некогда убии, которых Агриппа⁵ с их согласия перевел в область на этом берегу Рена. К треверам примыкают нервии, также германское племя. Последние — это менапии, живущие по обоим берегам реки вблизи ее устья, в болотах и лесах, невысоких, но густых и колючих. Против них живут сугамбры, германское племя. За всей этой речной областью обитают германцы, называемые свевами; они превосходят всех прочих силой и численностью. Вытесненные свевами племена в наше время нашли убежище на этой стороне Рена. Другие германские племена проявляют свое могущество в разных областях, они неизменно раздувают тлеющие искры войны, хотя прежние [*восстания*] постоянно подавлялись римлянами.

Гл. III, 5. В настоящее время все племена, занимающие эту сторону Рена и живущие мирно, находятся под владычеством римлян⁶.

Гл. IV, 2. [*Страбон пишет о прежних нравах и воинственности галлов, затем об их покорении римлянами и дальше говорит о германцах.*] ...Я дал это описание на основании древних обычаев, которые еще сохраняются у германцев до настоящего времени. Ведь эти племена по природе и по общественному строю не только похожи, но даже родственны друг другу; они живут в сопредельной стране, разделяемой рекой Реном; большинство их областей сходны (хотя Германия расположена севернее), если сопоставить южные области одной страны с южными другой, а северные сравнивать с северными... Переселения у них совершаются легко, так как они движутся толпами со всем войском или, вернее, поднимаются всем родом, теснимые другими, более сильными племенами.

Гл. IV, 3. [*В ней описываются белги.*] Из этих племен⁷ белги, как говорят, самые храбрые... только они одни могли оказать сопротивление вторжению германцев — кимвров и тевтонов.

Книга VII

Гл. I, 1. [*В седьмой книге Страбон дает описание Европы на восток от Рейна и начинает его с тех стран, которые расположены к северу от Дуная.*] ...Эта река⁸ делит все упомянутые выше земли почти на 2 равные части. Эта самая большая река в Европе сначала течет на юг, а затем круто поворачивает с запада на восток и к Понту. Начало свое Истр берет в западных оконечностях Германии, но вблизи впадины Адриатического моря (приблизительно в 1000 стадиях от него) Истр оканчивает течение у Понта, недалеко от устьев Тираса и Борисфена, отклоняясь несколько к северу. К северу от Истра лежат, таким образом, области за Реном и Кельтикой. Это — территории галатских и германских племен вплоть до земель бастарнов, тирегетов и реки Борисфена... Сначала я опишу области за Истром, потому что описание их гораздо проще тех, что находятся на другой стороне реки.

Гл. I, 2. Области за Реном, обращенные на восток и лежащие за территорией кельтов, населяют германцы. Последние

мало отличаются от кельтского племени: большей дикостью, рослостью и более светлыми волосами; во всем остальном они схожи: по телосложению, нравам и образу жизни они таковы, как я описал кельтов. Поэтому, мне кажется, и римляне назвали их «германцами», как бы желая указать, что это «истинные» галаты. Ведь слово *germani* на языке римлян означает «подлинные».

Гл. I, 3. Первые части этой страны — это области у Рена, от его истоков и до устьев. Протяжение речной области в целом равняется приблизительно ширине страны в западной ее части. Часть племен этой речной области римляне перевели в Кельтику, другие не успели раньше переселиться далеко в глубь страны, как, например, марсы. Остались лишь немногие, в том числе часть сугамбров. За племенами, живущими по течению реки Рена, следуют остальные между Реном и рекой Альбием; последняя течет приблизительно параллельно первой к Океану, пересекая не меньшую территорию, чем Рен. Между этими реками есть и другие судоходные реки (например, Амасия, где Друз одержал победу над бруктерами в сражении на кораблях⁹), которые также текут с юга на север и к Океану. Дело в том, что страна эта поднята по направлению к югу и образует горную цепь, которая соединяется с Альпами и тянется на восток, составляя как бы часть Альп. Действительно, некоторые считали эту цепь частью Альп, во-первых, из-за ее указанного выше положения, во-вторых, потому, что на ней растет лес той же породы. Однако горные вершины в этой стране не достигают такой высоты. Здесь находится также Герцинский лес и обитают племена свевов, которые живут частью в самом лесу, как племена коадуев; на их территории находится Бойаймон¹⁰ — царская резиденция Маробода, куда он переселил не только разные другие племена, но и своих соплеменников — маркоманов. Дело в том, что по возвращении из Рима этот человек, [в прошлом] частный гражданин, был назначен верховным правителем племени. Еще юношей он жил в Риме, пользуясь расположением Августа, а возвратившись на родину, добился власти и подчинил, кроме упомянутых лугиев (большое племя), зумов, гутонов, мушлонов, сибинов, а также семнонов (большое свевское племя). Однако свевские племена, как я

уже сказал, живут частью в самом лесу, частью вне его, на границе с гетами. Таким образом, свевы — самое большое племя, так как его территория простирается от Рена до Альбия; часть его даже живет на другой стороне Альбия, как гермондоры и лангобарды; теперь они все до единого изгнаны и бежали на другой берег реки. Общей особенностью всех племен в этой местности является способность легко переселяться из-за простоты их образа жизни и из-за того, что они не занимаются земледелием и даже не делают запасов [пищи], а живут в хижинах временного характера. Средства пропитания они подобно кочевникам получают преимущественно от скота, так что по примеру кочевников нагружают свою утварь на повозки и со своими стадами направляются куда угодно. Есть, однако, другие, более бедные германские племена, как херуски, хатты, гамабривы и хаттуарии; на Океане же — сугамбры, хавбы, бруктеры, кимвры, а также кавки, каулки, кампсианы и многие другие. В одном направлении с Амасией текут реки Висургий и Лупия; последняя находится от Рена приблизительно в 600 стадиях¹¹, протекая через область меньших бруктеров. Есть также в Германии река Сала; между этой рекой и Реном, победоносно ведя войну, нашел свой конец Друз Германик¹². Он покорил большинство племен и прибрежные острова, в том числе и Бурханий¹³, взятый осадой.

Гл. I, 4. Эти племена получили известность от войны с римлянами, в ходе которой они покорялись, снова восставали или покидали свои поселения. О них мы получили бы лучшие сведения, если бы Август позволил своим полководцам перейти Альбий для преследования переправившихся туда врагов. Август рассчитывал, однако, вести войну поблизости с большим успехом, если воздерживаться от нападения на мирные племена за Альбием и тем самым не подстрекать их к объединению в общей вражде против него. Начали эту войну сугамбры, живущие поблизости от Рена; вождем их был Мелон¹⁴. С этого времени различные германские племена в разных местах приходили им на смену, то становясь могущественными, то снова теряя власть и затем опять поднимая восстание, предавая выданных ими заложников и нарушая клятвы верности. В отношении с этими племенами недоверие весьма полезно, потому что те, кому было оказано доверие, причи-

нили величайший вред, как, например, херуски и подвластные им племена, в области которых погибли в засаде, став жертвой вероломства, 3 римских легиона во главе с полководцем Квинтилием Варом¹⁵. Но все они понесли наказание за это и доставили молодому Германику¹⁶ самый блестящий триумф, в котором вели самых знатных пленников мужчин и женщин: Сегимунта, сына Сегеста, вождя херусков, и сестру его Туснельду, жену Арминия, который во время нарушения договора против Квинтилия Вара командовал войском херусков и еще теперь продолжает воевать, трехлетнего сына Туснельды Тумелика; Сеситака, сына Сегимера, вождя херусков, жену его Рамис, дочь вождя хаттов Укромира и сугамбра Девдорига¹⁷, сына Беторига, брата Мелона. Но Сегест, тесть Арминия, который даже с самого начала не сочувствовал планам зятя и, воспользовавшись удобным случаем, перешел на сторону римлян, окруженный почетом, присутствовал, когда вели в триумфальной процессии самых дорогих ему людей. В триумфальной процессии шел также Либей, жрец хаттов, и многие другие пленники из истребленных племен: каулков, кампанов, бруктеров, узипов, херусков, хаттов, хаттуариев, ландов, тубаттиев.

От Рена до реки Альбия около 3000 стадий, если идти прямым путем; теперь, однако, необходимо идти окольной дорогой, которая кружит по болотам и дебрям.

Гл. I, 5. Герцинский лес довольно густой, деревья в нем больших размеров; он охватывает большое пространство в округности в пределах области, укрепленной [самой] природой; в середине леса находится местность, вполне удобная для поселения... Вблизи нее находятся истоки Истра и Рена; между ними лежат озеро¹⁸ и болота, образовавшиеся от разлива Рена. Округность озера свыше 600 стадий, а длина переправы почти 200. На озере есть остров, который служил Тиберию опорным пунктом в сражении на кораблях с винделиками. Озеро находится южнее истоков, как и Герцинский лес, так что тот, кто направляется из Кельтики в Герцинский лес, должен сначала пересечь озеро и Истр, а потом уже по более легко проходимым местностям — по плоскогорьям — продолжать путь до леса. Пройдя от озера расстояние однодневного пути, Тиберий увидел истоки Истра. Область ретов

примыкает к озеру только на небольшом пространстве, тогда как гельветии, винделики, а также «пустыня бойев» соприкасаются с большей частью его. Все эти племена вплоть до паннониев, особенно гельветии и винделики, живут на плоскогорьях... Есть и другой большой лес — Габрета, лежащий по эту сторону страны свевов, а по ту сторону ее — Герцинский лес, где также обитают свевы.

Гл. II, 1. Что касается кимвров, то одни рассказы о них неточны, а другие — совершенно невероятны. Ведь нельзя считать причиной превращения их в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным наводнением, когда жили на полуострове. В действительности они еще и теперь владеют той страной, которую занимали раньше; они послали в дар Августу котел¹⁹, почитаемый у них самым священным, прося императора о дружбе и забвении прошлых проступков, когда просьба их была удовлетворена, они вернулись назад. И смешно думать, что кимвры в гневе на естественное и постоянное явление, происходящее дважды в день, могли покинуть свою страну!..

Гл. II, 2. Посидоний справедливо критикует историков за эти высказывания и делает удачное предположение о том, что кимвры, как разбойничье и кочевое племя, совершали поход даже до области Меотиды; от них-то и Боспор получил название Киммерийского, как бы Кимврского, так как грски называли кимвров киммерийцами. Он говорит также, что бойи жили прежде в Герцинском лесу, а кимвры проникли в эту область, но были отброшены боями и спустились к Истру и в страну скордисских галатов, затем — в область тевристов и тавриков (также галатов) и, наконец, в страну гельветиев — племени, богатого золотом, но мирного. Когда гельветии увидели, что богатство, приобретенное кимврами разбоем, превосходит их собственное, то они (особенно их племена тигиренов и товгенов) пришли в такое возбуждение, что поднялись вместе с кимврами. Но всех их, как самих кимвров, так и тех, кто выступил вместе с ними, одолели римляне, частью после перехода через Альпы в Италию²⁰, а частью еще по ту сторону Альп²¹.

Гл. II, 3. Передают, что у кимвров существует такой обычай: женщин, которые участвовали с ними в походе, сопровождали седовласые жрицы-прорицательницы, одетые в бе-

лые льняные одежды, прикрепленные [на плече] застежками, подпоясанные бронзовым поясом и босые. С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь навстречу пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью около 20 амфор²²; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадания, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу. Во время сражений они били в шкуры, натянутые на плетеные кузова повозок, производя этим страшный шум.

Гл. II, 4. Что касается германцев, то... северные германцы населяют океанское побережье. Известны, однако, только те племена, что живут от устьев Рена до Альбия; из этих племен наиболее известны сугамбры и кимвры. Области же за Альбием близ Океана нам совершенно неведомы. Действительно, я не знаю никого из людей прежнего времени, кто бы совершил это прибрежное плавание в восточные области вплоть до устья Каспийского моря; и римляне еще не проникали в земли за рекой Альбием; равным образом и сухим путем никто не проходил туда... Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — язиги или роксоланы или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно. Нелегко решить, обитают ли они вплоть до Океана, по всей длине побережья, или какая-либо часть страны необитаема из-за холода или по другой причине, или даже другая народность, сменившая германцев, живет между морем и областью восточных германцев. То же самое неведение господствует у нас и относительно прочих, непосредственно следующих за ними северных народностей.

Гл. III, 1. Южную часть Германии за Альбием, как раз ту, что примыкает к реке, занимают свевы. Затем непосредственно следует земля гетов, вначале узкая; она тянется вдоль Истра на южной стороне, а на противоположной стороне — вдоль гористого склона Герцинского леса (впрочем, страна гетов охватывает также некоторую часть гор); затем она расширяется к северу вплоть до тирететов.

Гай Веллей Патеркул (Gaius Velleius Paterculus), начальник конного отряда в войске Тиберия, совершил под его командованием походы в Германию и Паннонию; написал краткий очерк римской истории в двух книгах — от основания Рима до 30 года н. э.

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Книга I

Гл. 105. [*Тиберий*] тотчас вступил в Германию и покорил каннифатов, хаттуариев, бруктеров, а херуски, вскоре прославившиеся нанесенным нам поражением, сами отдались в наше подданство; затем он переправился через Визургис и стал продвигаться дальше, по ту сторону этой реки...

Гл. 106. ...Римское оружие проложило себе путь через всю Германию; были покорены племена, до тех пор едва известные по имени. Племена хавков¹ были приняты в наше подданство. Все их боеспособное юношество — бесчисленная масса огромного роста людей, защищенных природными особенностями их страны от всяких опасностей, — вместе со своими вождями сложило оружие и склонилось перед трибуналом императора, окруженное нашими войсками в блеске их сверкающего оружия. Сломлена была мощь лангобардов, народа еще более дикого, чем [*остальные*] дикие германцы. Наконец, было сделано то, о чем до сих пор никто еще не помышлял, не говоря уже о попытках привести [*эти замыслы*] в исполнение: римское войско сделало под своими знаменами переход в 400 тысяч шагов² от Рейна до реки Альбис, которая омывает страну семнонов и гермундунов. В силу все того же, совершенно изумительного счастья, [*а также*] благодаря предусмотрительности военачальника и стечению благоприятных обстоятельств, нашему флоту удалось после плаванья по заливам Океана, о котором раньше никто не слышал и ничего не знал, войти в Альбис и, нагрузившись в качестве победителя целого множества племен всяческими богатства-

ми, воссоединиться с сухопутным войском и с Цезарем [*Тиберием*].

Гл. 108. В Германии уже не осталось [*ни одного племени*], которое [*Тиберию*] предстояло бы покорить, кроме маркоманов; они покинули под предводительством Маробода свою [*прежнюю*] территорию, удалились в глубь страны и поселились на равнине, окруженной Герцинским лесом. Как мне ни следует торопиться [*в моем повествовании*], но об этой личности упомянуть необходимо. Маробод, человек знатного происхождения, выдающейся физической силы и воинственного духа, был варваром более по национальности, нежели по свойствам ума; он достиг среди своих [*соплеменников*] верховной власти, не насильно навязанной, случайной и неустойчивой, а напротив, прочной и основанной на согласии подданных; обладая твердой властью и королевским могуществом, он задумал увести свой народ как можно дальше от римлян и дойти до такого места, где он мог бы, отступив перед превосходящей его вооруженной силой, [*по крайней мере*] увеличить свои собственные силы до наивысшего могущества. Заняв вышеуказанную территорию, он подчинил себе всех соседей отчасти при помощи оружия, а отчасти путем мирных договоров. При нем самом всегда была стража из его соплеменников. Привив своим войскам постоянными упражнениями чуть не римскую дисциплину, он быстро довел свою мощь до такого значительного уровня, что она грозила стать опасной даже нашему господству. Он вел себя по отношению к римлянам так, что не давал им повода к войне, но стремился дать им понять, что в случае нападения у него найдутся силы и охота к сопротивлению.

Гл. 109. Послы, которых он посылал к Цезарю [*Августу Октавиану*], то смиренно отдавали себя под покровительство этого последнего, то разговаривали с нами, как равные с равными. Отпавшие от нас племена и отдельные лица находили у него убежище. Ему с трудом удавалось скрыть, что он намерен соперничать с Римом. Его войско, которое он довел до 70 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всадников, упражнялось в военном деле, постоянно воюя с соседями; Маробод подготавливал его к какому-то более значительному делу, чем то, которым был занят в данное время. Его следовало опасаться еще

и потому, что на западе и на севере его владения граничили с Германией, на востоке — с Паннонией и на юге — с Нориком. Он мог в любой момент вторгнуться в каждую [из этих областей], и поэтому в каждой из них его боялись. Даже Италия не могла без тревоги смотреть на рост его мощи: ведь от альпийских горных хребтов, составляющих границу Италии, до границ владений Маробода было не более 200 тысяч шагов³. На этого-то человека и его державу Тиберий решил напасть в следующем году⁴ с двух различных сторон: Сентию Сатурнину было поручено провести легионы через страну хаттов и затем, прорубив себе дорогу через задерживающий продвижение Герцинский лес, [проникнуть] в Бойгемум (так называлась область, в которой обитал Маробод). Сам же Тиберий намеревался выступить из Карнунтума, самого близкого от Норикума пункта по сю сторону Данувия, и двинуть в страну маркоманов войска, расположенные в Иллирии.

Гл. 110. [Однако поход Тиберия не был доведен до конца, так как этому помешало восстание в Паннонии и Далмации, вспыхнувшее в тот момент, когда войска Тиберия и Сентия Сатурнина были на расстоянии всего пятидневного перехода от неприятеля.]⁵

Гл. 117. Едва только Тиберий закончил войну в Паннонии и Далмации — всего лишь через пять дней после свершения такого великого дела, — пришла из Германии печальная весть о гибели Вара и уничтожении трех его легионов, стольких же отрядов конницы и шести когорт.

[Стараясь выяснить причины этого поражения, Веллей характеризует начальника римских легионов в Германии Квинтилия Вара как человека, мало пригодного к военному командованию, но весьма склонного к личному обогащению, что и обнаружилось во время его пребывания наместником в Сирии.]

Бедняком пришел он в богатую страну и богачом ушел из нищей страны.

Поставленный во главе войск, находившихся в Германии, он вообразил, что в германцах нет ничего человеческого, кроме способности речи и строения тела, и что их, не поддающихся усмирению оружием, можно смягчить при помощи [римского] права. Держась такого убеждения, он зашел в глубь Германии и, словно находился среди людей, наслаждающихся

ся благами мира, провел все лето в том, что творил суд и созывал судебные собрания перед своим трибуналом.

Гл. 118. Но эти люди, несмотря на всю свою дикость, чрезвычайно изворотливы (этому трудно было бы поверить, если бы это не было проверено на опыте); они представляют собой племя, как бы рожденное для лжи; и вот они для виду стали подсовывать Вару целый ряд нарочно придуманных судебных дел; то они жаловались друг на друга, измышляя [фиктивные] обиды; то благодарили Вара за то, что он решает дела согласно римскому правосудию, смягчает их дикость при помощи новых, дотоле неизвестных им порядков и разрешает споры судом, а не оружием, как это принято было раньше. Таким образом, они привели Вара в состояние величайшей беспечности, так что он воображал себя скорее претором, творящим суд на римском форуме, нежели начальником войск, находящихся в самом сердце Германии.

В то время в Германии жил юноша знатного происхождения, по имени Арминий, сын Сегимера, главы своего племени⁶. Он отличался личной храбростью, живостью ума и сообразительностью в большей степени, чем это свойственно варварам; в его лице и взгляде светился огонь его духа; до тех пор он постоянно сопровождал наши походы⁷; он приобрел права римского гражданства и сословное достоинство всадника. Он-то и использовал беспечность нашего полководца в преступных целях, благоразумно рассчитав, что легче всего победить того, кто не предвидит опасности, и что в большинстве случаев уверенность в полной безопасности и есть начало гибели.

Итак, он посвятил в свои планы сначала некоторых, а потом многих: он говорил, что сможет осилить римлян, и убедил в этом [своих соучастников]; за решением последовало выполнение [плана]: Арминий назначил срок для засады и нападения.

Вар был предупрежден об этом Сегестом⁸, верным нам человеком и знатным членом того же племени... Но Вар отказался верить [этому предупреждению] и лишь заверил Сегеста в том, что умеет ценить как должно это проявление его преданности. После этого первого предупреждения уже не оставалось времени для второго.

Гл. 119. ...Лучшее римское войско, занимавшее первое место по дисциплинированности, храбрости и военной опытности, попало в ловушку: столь злосчастная судьба [*постигла его*] из-за бездеятельности вождя и вероломства врагов; римские воины не имели даже возможности сражаться и не могли свободно пробиться вперед, как они этого хотели; многие из них были жестоко наказаны за то, что владели римским оружием с римским мужеством: запертые среди лесов, болот и засад, они были перебиты чуть не все до одного теми самыми врагами, которых они постоянно убивали подобно скоту, жизнь и смерть которых зависела от гнева и милости римлян.

Сам полководец готов был скорее умереть, чем сражаться. По примеру своего отца и деда⁹ он пронзил себя сам мечом... Лсгат Вара Вала Нумоний — обычно человек благоразумный и дельный — совершил на этот раз ужасный поступок: оставив пехоту без всякой защиты, он бежал со своей конницей по направлению к Рейну. Но судьба отомстила ему за это деяние: он не пережил тех, от кого дезертировал, и был убит во время бегства... Полусожженный труп Вара враги растерзали в диком бешенстве, голову отрезали и передали Марободу, который послал ее Цезарю [*Августу Октавиану*], все-таки удостоившему ее погребения в фамильной гробнице Вара.

Гай Плиний Старший

Гай Плиний Старший (Gaius Plinius Secundus; между 22 и 24–79) — древнеримский писатель, автор «Естественной истории» («Naturalis Historia») в 37 книгах, в которой сделал попытку подвести итог всему античному знанию в области астрономии, гидрографии, географии, антропологии, зоологии, ботаники и минералогии. Черпал сведения как из греческих (Теофраст, Посидоний и др.) и римских (Катон, Варрон) писателей, так и из личных наблюдений, которые являются отчасти источником сообщаемых Плинием сведений о древней Германии и ее обитателях. Остальные работы Плиния — по грамматике, риторике и истории — утеряны.

Плиний Старший погиб в 79 г. во время извержения Везувия, которое он наблюдал с палубы корабля и которое подробно описал его племянник Плиний Младший.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Книга IV

Гл. 99–101. Германские племена распадаются на пять групп:

1) *вандилиев*, часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны; 2) *ингвеонов*, к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков; 3) *иствеонов*, ближе всего живущих к Рейну и включающих в себя сикамбров; 4) живущих внутри страны *гермионов*, к которым относятся свевы, гермундуры, хатты, херуски; 5) пятую группу — *невкинов* и *бастарнов*...¹

Из знаменитых рек в Океан² впадают: Гуталус, Вискулус, или Вистла, Альбис, Визургис, Амизис, Рейн и Моза. А внутри страны проходит Герцинский горный хребет, который не уступит в славе своей никакому другому горному хребту. В дельте самого Рейна расположен знаменитый остров батавов и каннинефатов, имеющий в длину около 100 тысяч шагов³, и другие острова — фризов, хавков, фризиавонов, стуриев, марсаков, которые тянутся между Гелинием и Флевым.

Так называются устья, которыми Рейн изливается в море, разветвляясь на севере на ряд озер, а на западе — на реку Мозу и на небольшое русло в устье между этими рукавами, сохраняющее свое прежнее название...

Гл. 105—106. Вся Галлия, называемая одним именем Косматая⁴, распадается [*по составу населения*] на три племенные группы и делится [*на 3 части*] течением рек. От Скальды до Секваны она называется Белгийской Галлией, от Сены до Гарумны Кельтийской, или Лугдунской, а от Гарумны до предгорий Пиренеев — Аквитанией, раньше носившей название Арморики. А на Рейне в пределах той же провинции обитают следующие германские племена: неметы, трибоки и вангионы; в стране убиев [*расположена*] Агриппинская колония; [*затем идут*] куберны, батавы и те племена, которые мы перечислили в качестве обитателей Рейнских островов⁵.

Книга X

Гл. 53—54. ...Лучшим считается [*гусиный пух*] из Германии. Там белых гусей — правда, меньших размеров, — зовут *ganae*⁶. Этим [*высоким качеством пуха германских гусей*] объясняются такие проступки, как тот, что префекты вспомогательных отрядов часто во время пребывания на сторожевой службе отпускают целые когорты на ловлю гусей; [*солдаты*] делают это весьма охотно, ибо без этих [*подушек из гусиного пуха*] не могут покоиться даже головы мужей⁷.

Гл. 72. Они [*скворцы и дрозды*] не меняют оперения и не прячутся, и их можно часто видеть там, где они снискивают себе зимнее пропитание. Поэтому дроздов можно наблюдать в Германии особенно часто именно зимою.

Гл. 132. Сообщают, что в Германии, в Герцинском лесу, встречаются неизвестные нам породы птиц, перья которых светятся ночью наподобие огня.

Книга XI

Гл. 33. В некоторых местностях, как, например, в Сицилии, пчелиные соты дают замечательный воск; в других — на Крите, Кипре, в Африке — приносят много меда, а в третьих, как,

например, в северных странах, они отличаются своей величиной: в Германии приходилось наблюдать соты длиною в 8 футов, в полой части черные.

Гл. 55. [*Пчелиный рой*] спустился в лагере Друза, когда [*римляне*] весьма счастливо сражались при Арбалло, ибо толкования прорицателей по внутренностям жертвенных животных, согласно которым [*появление пчелиного роя*] есть дурной знак, приложимы далеко не ко всем подобным случаям.

Гл. 126. Северные варвары пьют из рогов зубра, наливая [*напиток*] из сосудов в оба рога, взятые с головы одного животного.

Книга XII

Гл. 98. [*Волчник*⁸] произрастает и в нашей части света; в самых отдаленных областях Римской империи — там, где ее омывает Рейн, — я видел, как его разводят на пчельниках.

Книга XV

Гл. 103. Лучшим сортом вишневого дерева считается тот, который в Кампанье называется Плинианским, а в провинции Белгика и даже на берегах Рейна — Лузитанским⁹. Этот сорт имеет третью окраску, смешанную из черной, красной и зеленой и всегда похожую на цвет зреющих плодов.

Книга XVI

Гл. 2—4. При описании Востока мы упоминали ряд племен вблизи Океана, живущих в такой же нужде [*в местности, где нет ни деревьев, ни кустарников*]. Но [*подобные народы*] встречаются и на севере, где мы видели племена, которые зовутся большими и малыми хавками. Здесь вода в Океане поднимается дважды в течение суток через равные промежутки времени и заливает огромные пространства. Прикрывая, таким образом, вечную противоположность элементов природы¹⁰, Океан оставляет нерешенным вопрос, следует ли назвать данное место сушей или частью моря. Здесь живет это убогое племя, занимая либо высокие бугры, либо возвышения,

сооруженные руками человеческими¹¹ на уровне наибольшей высоты, которой когда-либо достигал прилив. На этих [*высоких местах*] расположены их хижины; когда вся окрестность покрыта водой, их обитатели похожи на мореходов, плывущих на кораблях, а когда вода отступает, они становятся похожими на потерпевших кораблекрушение. Тогда они ловят вблизи своих хижин уплывающую вместе с морской водой рыбу. У них нет возможности держать скот и питаться молоком, как это могут делать их соседи; они не в состоянии даже охотиться на диких зверей, ибо возле них нет вообще никакой древесной поросли. Из тростника и болотного камыша плетут они веревки и сети для рыбной ловли; они собирают руками ил, сушат его — более при помощи ветра, чем солнца — и употребляют эту землю¹² в качестве топлива для приготовления пищи и для согревания иззябшего от северных ветров тела. У них нет никаких напитков, кроме дождевой воды, которую они собирают в ямах, устроенных в преддвериях домов¹³. И эти племена, будучи ныне побеждены римским народом, еще говорят о рабстве! Но так и есть: многих судьба щадит лишь для того, чтобы наказать их¹⁴.

Гл. 5. Другое поразительное явление представляют собою леса: они покрывают всю остальную Германию и увеличивают холод своей тенью; самые высокие из этих лесов находятся не очень далеко от вышеупомянутых хавков, преимущественно в окрестностях двух озер¹⁵. Их берега покрывают дубы, которые особенно склонны быстро и буйно разрастаться. Подмываемые волнами и вырываемые с корнем ветрами, они увлекают за собой благодаря широко разветвленным корням большие куски земли, как бы островки, на которых они плывут стоя¹⁶. Своими огромными ветвями они похожи па оснастку корабля и потому не раз повергали в ужас наш флот. Иногда волны как бы нарочно направляли их против носа наших кораблей, стоявших ночью неподвижно; и так как [*наши моряки*] не знали, как защититься от них, то они вступали в морской бой с деревьями.

Гл. 6. В той же северной стране света буйная растительная сила девственной чащи Герцинского леса — которая стара, как мир, и остается нетронутой в течение столетий — своей почти бессмертной длительностью превосходит все чудеса.

Оставляя в стороне многое, что показалось бы невероятным, все же можно утверждать, что переплетающиеся корни этих деревьев образуют возвышения наподобие холмов; а там, где земля не поддается давлению корней, они подымаются дугою до самых ветвей, сталкиваются с ними и, изгибаясь, образуют нечто вроде открытых ворот, сквозь которые может пройти эскадрон римской конницы.

Гл. 203. Германские пираты¹⁷ предпринимают плавания па лодках из целых выдолбленных стволов; некоторые лодки [такого типа] могут вмстить до 30 человек.

Книга XVII

Гл. 26. И обильное произрастание растений, употребляемых в пищу, не всегда свидетельствует о тучной почве. Ибо что может сравниться с идущими в пищу растениями Германии?¹⁸ А между тем там под тончайшим слоем дерна залегают песок.

Гл. 47. Из всех племен, нам известных, одни только убии хотя и возделывают плодороднейшую почву, тем не менее вскапывают каждый участок земли до глубины 3 футов и посыпают землю слоем [мергеля] толщиной в фут, делая ее таким образом еще более плодородной. Но это [удобрение] действительно не болес чем на 10 лет. Эдуи и пиктоны достигают большого плодородия почвы путем удобрения ее известью, которая оказывает самое благотворное влияние и на произрастание слив и винограда¹⁹.

Книга XVIII

Гл. 121. Бобы растут и без посева [и притом] во многих местностях, как, например, на островах Северного океана (Северного моря), которые наши соотечественники называют поэтому бобовыми.

Гл. 149. Первым порождением болезненных изменений хлебных злаков является овес; и ячмень в результате вырождения превращается в него, так что овес сам становится чем-то вроде хлебного злака: ведь сеют же его германские племена, которые и питаются именно овсяной кашей, а не какой-ли-

бо иной. Такое вырождение хлебных злаков происходит главным образом от влажности почвы и сырого климата.

Гл. 183. Не могу обойти молчанием один недавний случай, имевший место два года назад в стране треверов. А именно: когда их посевы пострадали от очень сильных зимних холодов, они вновь засеяли поля в марте и затем собрали исключительно обильную жатву.

Книга XIX

Гл. 8—9. ...Вся Галлия носит льняные ткани, да и наши зарейнские враги — тоже; [более того:] германские женщины считают такую одежду самой красивой...

...В Германии [женщины] занимаются прядением, скрываясь в подземных помещениях²⁰.

Гл. 83. Редьку надо сеять в сырой, взрыхленной земле. Удобрения она не любит и довольствуется мякиной. Холода она переносит так хорошо, что в Германии достигает высоты роста ребенка...

Гл. 90. Ранункул²¹ сделал широко известным принцепс Тиберий, ежегодно требовавший, [чтобы его присылали] из Германии. На Рейне есть крепость, по имени Гельдуба, где он особенно хорош, из чего явствует, что он произрастает и в холодных странах.

Гл. 145. Из всех садовых растений наиболее тщательного ухода требует спаржа... Но есть и другой вид ее, менее культивированный, чем [садовая] спаржа, но более нежный, чем дикая, которая растет всюду, даже на горах; и этого вида спаржей полны поля Верхней Германии. И Цезарь Тиберий был прав, утверждая, что там растет трава, похожая на спаржу.

Книга XXII

Гл. 8. В древности²² самым явным признаком победы считалась передача побежденными [победителю] зеленого стебля. Она обозначала отказ от обладания землею, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле; этот обычай, как я знаю, до сих пор сохранился у германцев.

Книга XXVIII

Гл. 191. Полезно и «мыло»²³, изобретенное галлами для окраски волос в красный цвет; оно делается из сала и золы — лучший сорт из золы букового и грабинового дерева — и готовится в двух видах: в твердом и жидком состоянии. Оба его вида употребляются германцами, причем оно больше в ходу у мужчин, чем у женщин.

Книга XXXI

Гл. 20. И в Германии за Рейном имеются в стране маттиаков²⁴ теплые источники, в которых вода каждые 3 дня кипит и по берегам которых отлагается известковая накипь.

Гл. 82. В Галлии и в Германии льют соленую воду на горящие деревья.

Книга XXXVII

Гл. 42. Установлено, что [янтарь] происходит с островов Северного моря и у германцев носит название «glacsum»; ввиду этого и наши соотечественники, участвовавшие в военных операциях флота Цезаря Германика, назвали один из этих островов Glacaria²⁵ (у варваров он назывался раньше Austeravia).

Публий Корнелий Тацит

Публий Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus; сер. 50 — ок. 117) — древнеримский историк. Одно из его произведений «Германия» («De origine et situ Germanorum» — «О происхождении и местожительстве германцев»), написанное около 98 года, специально посвящено описанию жизни и быта современных германцев. Здесь оно приводится целиком. Кроме того, сведения о германцах встречаются также в его больших исторических трудах по римской истории: «Анналах» и «Историях», отрывки из которых помещены далее.

ГЕРМАНИЯ

«Германия» написана Тацитом на основании имевшихся в то время произведений других авторов (главным образом Плиния Старшего, а также Тита Ливия, к сожалению, до нас не дошедших), донесений римских полководцев в сенат, сообщений бывавших в стране германцев римских купцов и воинов, а также рассказов германских рабов-военнопленных.

Гл. I. Германия в целом отделяется от [страны] галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, а от сарматов и даков — взаимным страхом, а также горами¹; остальное окружает Океан, заключающий в себе обширные заливы и огромные пространства островов²; некоторые из тамошних народов и королей недавно [лишь] стали известны благодаря войне³. Рейн, берущий начало на обрывистых и недоступных вершинах Ретийских Альп, делает небольшой поворот к западу и вливается в северный Океан. Дунай, вытекающий с отлогого и мягко поднимающегося хребта Абнобских гор, проходит через земли многих народов, пока не извергнет своих вод в Понтийское море шестью рукавами; седьмое устье поглощается болотами.

Гл. II. Я думаю, что сами германцы являются коренными жителями [своей страны], совсем не смешанными с другими народами... Океан же, простирающийся по ту сторону Германии на огромное пространство и, так сказать, противопо-

ложный нам, редко посещается кораблями с нашей стороны. Притом, не говоря уж об опасностях плавания по страшному и неизвестному морю, кто же оставит Азию, Африку⁴ или Италию для того, чтобы устремиться в Германию с ее некрасивыми ландшафтами, суровым климатом и наводящим тоску видом вследствие невозделанности, если только она не его родина?

В своих старинных песнях, являющихся у германцев единственным видом исторических преданий и летописей, они славят рожденного землей бога Туискона и его сына Манна как основателей своего племени, от которых оно происходит. Они приписывают Манну трех сыновей, по имени которых ближайšie к Океану⁵ германцы называются ингевонами, живущие внутри страны — герминонами, а остальные — истевонами. Впрочем, как это бывает, когда дело касается очень давних времен, некоторые утверждают, что у бога [Туискона] было больше сыновей, от которых произошло больше названий племен — марсы, гамбровии, свевы, вандалии, — и что все это действительно подлинные и древние имена⁶. Имя же «Германия» новое и недавно вошедшее в употребление: сначала «германцами» называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми. Таким образом укрепилось имя целого народа, а не одного племени: сначала [галлы] так стали называть всех [жителей Германии] по имени победителя из страха, а потом те и сами усвоили себе имя германцев, приданное им [галлами].

Гл. III. Рассказывают, что у них был и Геркулес⁷, которого они, идя в битву, воспевают прежде всех героев. С ним связаны и существующие у них песни, исполнением которых, называемым *barditus*, они воспламеняют свои сердца; по самому же звуку они гадают об исходе предстоящей битвы: в зависимости от того, как *barditus* прозвучит в рядах войска, они или устрашают [неприятеля], или сами пугаются; при этом обращается внимание не столько на стройность голосов, сколько на единодушие в выражении мужества. Особая свирепость придает ся звуку [этого клича], имеющего характер прерывистого гула, тем, что ко рту прикладывается щит, отчего голос делается сильнее и глуше. Некоторые думают, что и Улисс во время своего продолжительного, прославленного в сказаниях блуждания был занесен в этот Океан и причаливал к земле Германии

и что им основан и назван Асцибург, расположенный на берегу Рейна и до сего дня обитаемый; что когда-то на этом месте был найден жертвенник, посвященный Улиссу с прибавлением имени его отца Лаэрта, а на границе Германии и Реции еще и сейчас находятся памятники и курганы с надписями, сделанными греческими буквами. Я не имею в виду ни подтверждать всего этого доказательствами, ни опровергать; пусть каждый по своему разумению придает этому веру или нет.

Гл. IV. Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто думает, что народы Германии не смешивались посредством браков ни с какими другими народами и представляют собой особое, чистое и только на себя похожее племя; вследствие этого у них у всех одинаковый внешний вид, насколько это возможно в таком большом количестве людей: свирепые темно-голубые глаза, золотистого цвета волосы, большое тело, но сильное только при нападении, а для напряженной деятельности и трудов недостаточно выносливое; жажды и зноя они совсем не могут переносить, к холоду же и голоду они приучены [*своим*] климатом и почвой.

Гл. V. Хотя [*их*] страна и различна до некоторой степени по своему виду, но в общем она представляет собой или страшный лес, или отвратительное болото. Та часть ее, которая обращена к Галлии, — более сырая, а в части, примыкающей к Норику и Паннонии, больше ветров; для посевов она плодородна, но не годится для разведения фруктовых деревьев; скотом изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю уж, по благосклонности к ним или же потому, что разгневались на них. Я, однако, не утверждаю, что в Германии совсем нет месторождений серебра и золота; но кто их разведывал? Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [*драгоценными металлами*] и к пользованию ими [*как другие народы*]; у них можно видеть подаренные их послан и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [*к Рейну и Дунаю племена*] ценят золото и серебро для употребления в торговле: они ценят некоторые виды

наших монет и отдают им предпочтение; живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные — серраты и бигаты⁸; вообще они домогаются больше серебра, чем золота, не из любви к нему, а потому что при торговле обыкновенными и дешевыми предметами удобнее иметь запас серебряных монет.

Гл. VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями, а действуют дротиком, или, как они его называют, фрамея, с узким и коротким железным наконечником, оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются и врукопашную и издали. Даже всадники довольствуются фрамеей и щитом, пехотинцы же пускают и метательные копья, каждый по нескольку штук, причем они, голые или в коротком плаще, мечут их на огромное расстояние. У германцев совсем нет хвастовства роскошью [оружия]; только щиты они расцвечивают изысканнейшими красками. У немногих [имеется] панцирь, а шлем, металлический или кожаный, едва [найдется] у одного или двух. Их лошади не отличаются ни внешней красотой, ни быстротой; да германцы и не научились делать разные эволюции по нашему обычаю: они гонят [своих лошадей] или прямо, или вправо⁹ таким сомкнутым кругом, чтобы никто не оставался последним.

Вообще они считают, что пехота сильнее [конницы], и поэтому сражаются смешанными отрядами, вводя в кавалерийское сражение и пехоту, быстротой своей приспособленную к этому и согласованную с конницей; таких пехотинцев выбирают из всей молодежи и ставят их впереди боевой линии. Число их определенное — по сотне из каждого округа; они так и называются у германцев [сотнями]; а то, что раньше действительно обозначало количество, теперь стало названием [отряда] и почетным именем¹⁰.

Боевой строй [германцев] составляется из клиньев¹¹. Отступить, но с тем чтобы вновь наступать, [у них] считается не трудностью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит — особенно позорный поступок: обеспе-

стившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Гл. VII. Королей¹² [германцы] выбирают по знатности, а военачальников — по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, и вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать, тем, что они смелы, выделяются [в бою], сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволено никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они всерьез, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят взятые из рощ священные изображения и значки¹³. Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их турмы¹⁴ и клинья представляют собой не случайные скопления людей, а состояются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слышат вопль женщин и плач младенцев; для каждого это самые священные свидетели, самые ценные хвалители: свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся считать их и осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их.

Гл. VIII. Рассказывают, что иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, благодаря их неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои груди¹⁵ и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче связаны бывают своими обязательствами те германские племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек.

Они думают, что в женщинах есть нечто священное и вешее, не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний. В царствование божественного Веспасиана мы сами видели Вследу¹⁶, которая у многих германцев долго считалась божественным существом; да и раньше Авриния и многие другие почитались ими, притом не из лести и не превращая их в богинь¹⁷.

Гл. IX. Из богов германцы больше всего почитают Меркурия, которому в известные дни разрешается приносить также и человеческие жертвы¹⁸. Геркулеса и Марса они умилоствуют назначенными для этого животными¹⁹. Часть свесов приносит жертвы также Изиде²⁰. Я недостаточно осведомлен, откуда и как появился этот чужеземный культ, но то, что символ этой богини изображается в виде барки, показывает, что культ этот привезен из-за моря²¹. Однако германцы считают несоответствующим величию божественных существ заключать их в стены храмов, а также изображать их в каком-либо человеческом виде; они посвящают им рощи и дубравы и именами богов называют то сокровенное, что созерцают только с благоговением.

Гл. X. Гадание по птицам и по жеребьевым палочкам они почитают, как никто. Способ гадания по жеребьевым палочкам [очень] простой: отрубивши ветку плодоносящего дерева²², разрезают ее на куски, которые отмечают какими-то знаками и разбрасывают как попало по белому покрывалу. Затем жрец племени, если вопрошают по поводу общественных дел, или же сам отец семейства, если о делах частных, помолившись богам и смотря на небо, трижды берет по одной палочке и на основании сделанных раньше значков дает толкование. Если получалось запрещение [*предпринимать то дело, о котором вопрошали*], то в этот день о том же самом деле нельзя было вопрошать никаким образом²³; если же разрешение, то требовалось удостоверить его гаданием по птицам. И это также им известно [*как римлянам*] — гадать по голосам и полету птиц²⁴. Особенностью же этого народа является то, что он ищет предзнаменований и предостережений также и от лошадей²⁵. В тех же рощах и дубравах [*которые посвящены богам*] на общественный счет содержатся [*такие лошади*], белые и не оскверненные никакой работой для смертных. Их, запряженных в священную колесницу, сопровождают жрец вместе с королем или вождем племени и примечают их ржание и фыркание; и ни к какому гаданию германцы не относятся с большей верой, и притом не только простолюдины, но и знать; жрецы считают себя служителями богов, а коней — посвященными в их тайны. Есть у германцев и другой способ наблюдать за знаменами, при помощи которого

они стараются узнать исход важных войн. Они сводят взятого каким-нибудь образом в плен воина того народа, с которым ведется война, с избранным из числа своих соплеменников, каждого со своим национальным оружием: и победа того или другого принимается как предзнаменование.

Гл. XI. О менее значительных делах совещаются старейшины, о более важных — все, причем те дела, о которых выносит решение народ, [*предварительно*] обсуждаются старейшинами. Сходятся в определенные дни, если только не произойдет чего-нибудь неожиданного и внезапного, а именно в новолуние или полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела. Они ведут счет времени не по дням, как мы, а по ночам; так они делают при уговорах и уведомлениях; они думают, что ночь ведет за собой день. Из свободы у них вытекает тот недостаток, что они собираются не сразу, как бы по чьему-нибудь приказанию, но у них пропадает два и три дня из-за медлительности собирающихся. Когда толпе вздумается²⁶, они усаживаются вооруженные. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старейшин, сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями: восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения.

Гл. XII. Перед народным собранием можно также выступать с обвинением и предлагать на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь. Наказания бывают различны, смотря по преступлению: предателей и перебежчиков вешают на деревьях, трусов и дезертиров, а также осквернивших свое тело топят в грязи и болоте, заваливши сверху хворостом. Эта разница в способах казни зависит от того, что, по их понятиям, преступление надо при наказании выставлять напоказ, позорные же деяния — прятать. Более легкие проступки также наказываются соответствующим образом: уличенные в них штрафуются известным количеством лошадей и скота; часть этой пени уплачивается королю или племени, часть самому истцу или его родичам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин, которые творят суд по округам и деревням. При каждом из них находится по сто человек свиты из народа для совета и придания его решениям авторитета²⁷.

Гл. XIII. [Германцы] не решают никаких дел, ни общественных, ни частных, иначе как вооруженные. Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич²⁸ в самом народном собрании вручает юноше щит и копье; это у них заменяет тогу²⁹, это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства. Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным [в боях]³⁰, и нет никакого стыда состоять в [чьей-нибудь] дружине. Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того, за кем она следует³¹. Велико бывает соревнование и среди дружинников, кому из них занять у своего вождя первое место, и среди [самых] вождей, у кого более многочисленная и удалая дружина. В ней его почет, в ней его сила: быть всегда окруженным большой толпой избранных юношей составляет гордость в мирное время и защиту во время войны. И не только у своего, но и у соседних племен вождь становится знаменитым и славным, если его дружина выдается своею многочисленностью и доблестью: его домогаются посольства, ему шлют дары, и часто одна слава его решает исход войны.

Гл. XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя. Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей [по своему собственному почину] отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабе-

жом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обагренное кровью победоносное копье, а вместо жалования для них устраиваются пиры, правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж и война. [Этих людей] легче убедить вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают ленью и малодушием приобретать потом то, что можно добыть кровью.

Гл. XV. Когда они не идут на войну, то все свое время проводят частью на охоте, но больше в [полной] праздности, предаваясь сну и еде, так что самые сильные и воинственные [из них] ничего не делают, предоставляя заботу и о доме, и о пенах³², и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым³³ из своих домочадцев; сами они прозябают [в лени], по удивительному противоречию природы, когда одни и те же люди так любят бездействие и так ненавидят покой.

У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей. [Вожди] особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер³⁴ и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги.

Гл. XVI. Достаточно известно, что германские народы совсем не живут в городах и даже не выносят, чтобы их жилища³⁵ соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, где [кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес. Деревни они устраивают не по-нашему — в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но каждый окружает свой дом [большим] пространством или для предохранения от пожара, или же по неумению строить. У них также нет обыкновения пользоваться [для построек] щебнем и делать черепичные крыши. [Строительный] материал они употребляют не обделанным и не заботятся о красивом и радующем глаз виде [построек]. Впрочем, некоторые места они обмазывают землей³⁶, такой чистой и яркой, что получается впечатление цветного узора. У них в обычае для убежища на зиму и хранения про-

дуктов вырывать подземелья, наваливая сверху много навозу; такие места смягчают суровость холодов, а в случае нашествия неприятеля все открытое разграбляется, спрятанное же и зарытое или остается неизвестным, или ускользает, потому что его [еще] надо искать.

Гл. XVII. Одеждой для всех служит короткий плащ, застегнутый пряжкой или, за ее отсутствием, колючкой. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни перед огнем у очага. Самые зажиточные отличаются одеждой, но не развевающейся, как у сарматов или парфян, а в обтяжку и обрисовывающей каждый член³⁷. Носят и звериные шкуры, ближайшие к берегу³⁸ — какие попало, более отдаленные — с выбором, так как у них нет нарядов [получаемых] от торговли. Они выбирают зверей и, содравши с них шкуру, разбрасывают по ней пятна из меха чудовищ, которых производит отдаленный Океан и неведомое море³⁹.

Одежда женщин такая же, как и у мужчин, с той только разницей, что они часто носят покрывала из холста, которые расцвечивают пурпуровой краской; верхняя часть их одежды не удлиняется рукавами, так что остаются обнаженными руки и ближайшая к ним часть груди.

Гл. XVIII. Несмотря на это⁴⁰, браки там строги, и никакая сторона их нравов не является более похвальной, ибо они почти единственные из варваров, которые довольствуются одной женой, за исключением очень немногих, которые имеют нескольких жен, но не из любострастия, а потому что их из-за знатности осаждают многими брачными предложениями⁴¹.

Приданое не жена приносит мужу, а муж дает жене. При этом присутствуют родители и сородичи, которые и расценивают [его] подарки; дары эти выбираются не для женской услады и не для того, чтобы в них наряжалась новобрачная, — это волаы, взнузданный конь, щит с копьем и мечом. За эти подарки берется жена, а она, в свою очередь, приносит мужу какое-нибудь оружие. Это⁴² считается у них самыми крепкими узами, заменяет священные таинства и брачных богов⁴³. Для того чтобы женщина не считала чуждыми себе мысли о подвигах и случайностях войны, уже первые брачные обряды напоминают ей о том, что она должна явиться товарищем [мужа] в трудах и опасностях, переносить и в мирное время

и на войне то же [*что и муж*] и на одно с ним отваживаться: такое именно значение имеет упряжка волов, взнузданный конь и данное ей оружие — что она должна так жить и так погибнуть, и принять то, что нерушимо и честно отдаст [*потом*] детям⁴⁴, а от них это получают [*ее*] невестки, которые, в свою очередь, передадут [*ее*] внукам.

Гл. XIX. Так живут женщины, целомудрие которых охраняется, не развращаемые никакими соблазнительными зрелищами, никакими возбуждающими пиршествами. Тайны письмен равно не ведают ни мужчины, ни женщины. Прелюбодеяния у столь многочисленного народа чрезвычайно редки: наказание [*производится*] немедленно и предоставляется мужу: с обрезанными волосами, раздетую донага изгоняет ее муж из дома в присутствии сородичей и ударами гонит через всю деревню. К ставшему всеобщим достоянием целомудрию никакого снисхождения: ни красотой, ни [*юным*] возрастом, ни богатством [*такая женщина*] не сыщет себе мужа. Потому что никто там не смеется над пороком и не называет «духом времени», когда кто-нибудь развращает или бывает развращаем. Еще лучше у тех племен, где замуж выходят только девушки и где с ожиданиями и пожеланиями при замужестве имеют дело лишь однажды навсегда. Таким образом, они получают одного мужа, как и одно тело и одну жизнь, чтобы дальше этого не шли их мечты и их страсть и чтобы они не столько любили супруга, сколько супружество. Ограничивать число детей или убивать кого-нибудь из после родившихся⁴⁵ считается постыдным. Там добрые нравы имеют большую силу, чем в других странах хорошие законы.

Гл. XX. [*Дети*] в каждом доме растут голые и грязные [*и*] вырастают с теми [*мощными*] членами и телосложением, которому мы удивляемся. Каждого [*из них*] кормит мать своей грудью, не передавая служанкам или кормилицам. При этом господин не отличается какой-нибудь роскошью воспитания от раба. Они живут среди того же самого скота, на той же земле, пока возраст не отделит свободных [*от рабов*] и их не признают по доблести⁴⁶. Юноши не рано познают любовь, поэтому способность к деторождению остается у них неистощенной. Также и девушек не торопят [*с замужеством, у них*] тот же возраст, та же стройность, и сходятся они соответствующие своим мужьям и крепкие; и силу родителей воспроизводят дети.

Сын сестры в такой же чести у своего дяди, как и у отца, некоторые даже считают этот вид кровной связи более тесным и священным, и при взятии заложников предпочтительно требуют [именно таких родственников], так как ими крепче удерживается душа и шире охватывается семья⁴⁷. Однако наследниками и преемниками каждого являются его собственные дети; завещания никакого [у германцев не бывает]. Если [у кого] нет детей, то во владение [наследством] вступают ближайшие по степени [родства] — братья, [затем] дядья по отцу, дядья по матери. Чем больше сородичей, чем многочисленнее свойственники, тем большей любовью окружена старость... Бездетность не имеет [у них] никакой цены⁴⁸.

Гл. XXI. [У германцев] обязательно принимать на себя как вражду [своего] отца или сородича, так и дружбу. Впрочем, [вражда] не продолжается [бесконечно и не является] непримиримой. Даже убийство может быть искуплено известным количеством скота крупного и мелкого, [причем] удовлетворение получает вся семья⁴⁹. Это очень полезно в интересах общества, так как при свободе [расправляться с личным врагом своими собственными силами] вражда [гораздо] опаснее.

Ни один народ не является таким щедрым в гостеприимстве [как германцы]. Считается грехом отказать кому-либо из смертных в приюте. Каждый угощает лучшими кушаньями сообразно своему достатку. Когда [угощения] не хватает, то тот, кто сейчас был хозяином, делается указателем пристанища и спутником, и они идут в ближайший дом без [всякого] приглашения, и это ничего не значит: обоих принимают с одинаковой сердечностью.

По отношению к праву гостеприимства никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если, уходя, гость чего-нибудь потребует, то обычай велит предоставить ему [эту вещь], также просто можно потребовать [чего-нибудь] в свою очередь [и от него]. Они любят подарки, но ни данный [подарок] не ставится себе в заслугу, ни полученный ни к чему не обязывает. Отношения между хозяином и гостем определяются взаимной предупредительностью.

Гл. XXII. Вставши от сна, который часто захватывает у них и день, [германцы] тотчас же умываются, чаще всего теплой водой, так как зима у них продолжается большую часть года. Умывшись, они принимают пищу, причем каждый сидит от-

дельно за своим особым столом. Потом идут вооруженные по своим делам, а нередко и на пирушку. У них не считается зазорным пить без перерыва день и ночь. Как это бывает между пьяными, у них часто бывают ссоры, которые редко кончаются [только] перебранкой, чаще же убийством и нанесением ран. Однако во время этих пиров они обыкновенно также совещаются о примирении враждующих, о заключении брачных союзов, о выборах старейшин, наконец, о мире и о войне, так как, по их понятиям, ни в какое другое время душа не бывает так открыта для бесхитростных мыслей и так легко воспламеняема на великие дела. Народ этот, не лукавый и не хитрый, среди непринужденных шуток открывает то, что раньше было скрыто на душе. Высказанная таким образом и ничем не прикрытая мысль на другой день снова обсуждается. Для выбора того и другого времени есть разумное основание: они обсуждают тогда, когда не способны к лицемерию, а решение принимают, когда не могут ошибиться.

Глава XXIII. Напитком им служит жидкость из ячменя или пшеницы, превращенная [посредством брожения] в некоторое подобие вина⁵⁰. Ближайшие к берегу покупают и вино. Пища [у них] простая: дико растущие плоды, свежая дичь или кислое молоко; без особого приготовления и без приправ они утоляют ими голод. По отношению к жажде они не так умеренны. Если потакать [их] пьянству и давать [им пить] вволю, то при помощи пороков их не менее легко победить, чем оружием.

Гл. XXIV. У них один вид зрелищ и на всех собраниях тот же самый: нагие юноши в виде забавы прыгают между [воткнутыми в землю острием вверх] мечами и страшными копьями. Упражнение превратило это в искусство, искусство придало ему красоту; но [это делается] не из корысти или за плату — достаточной наградой отважной резвости [плясунов] является удовольствие зрителей.

Они играют в кости и, что удивительно, занимаются этим как серьезным делом и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и при проигрыше, что, когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Победенный добровольно идет в рабство и, хотя бы он был моложе и сильнее, дает себя связать и продать. Таково их упорство в дурном деле; сами же они называют это верностью.

Такого рода рабов они сбывают с рук продажей, чтобы избавиться от стыда [*подобной*] победы.

Гл. XXV. Остальными рабами они пользуются не так, как у нас, с распределением служебных обязанностей между ними как дворовой челядью⁵¹: каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его подобно колону⁵² известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды⁵³ [*в виде оброка*]; и лишь в этом выражается его обязанность как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [*господина*]. Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие строгости, а сгоряча и в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным⁵⁴.

Вольноотпущенники немногим выше рабов⁵⁵. Редко они имеют значение в доме и никогда — в государстве, за исключением тех народов, у которых существует королевская власть, где они иногда возвышаются над свободными и [*даже*] над знатными; у других же народов низкое положение вольноотпущенников является доказательством свободы⁵⁶.

Гл. XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов; [*и таким неведением*] они лучше защищены [*от этого зла*], чем если бы оно было запрещено [*законом*].

Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников⁵⁷, и вскоре они делят ее между собой по достоинству⁵⁸; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню, и [*все-таки*] еще остается [*свободное*] поле. Они ведь не борются с [*естественным*] плодородием почвы и ее размерами при помощи труда — они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов; они требуют от земли только [*урожая*] посеянного [*хлеба*]. От этого они и год делят не на столько частей, как мы: у них существуют понятия и соответствующие слова для зимы, весны и лета, названия же осени и ее благ они не знают.

Гл. XXVII. При устройстве похорон [*германцы не проявляют*] никакого тщеславия, они только заботятся о том, чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялось дерево известных пород⁵⁹. [*Погребальный*] костер они не загроможда-

ют коврами и благовониями; на нем сжигается оружие каждого [покойника], а некоторых — и конь. Могила покрывается дерном. Они с пренебрежением относятся к почести высоких и громоздких памятников как тяжелых для покойника. Вопли и слезы у них быстро прекращаются, скорбь же и печаль остаются надолго. Вопли [по их мнению] приличны женщинам, мужчинам же — память.

Вот, что я узнал о происхождении и нравах всех вообще германцев, теперь же расскажу об учреждениях и обычаях отдельных племен, поскольку они отличаются [своеобразием], и о том, какие народы переселились из Германии в Галлию.

Гл. XXVIII. О том, что когда-то галлы были сильнее [чем германцы], говорит величайший авторитет, божественный Юлий⁶⁰, поэтому можно поверить даже и тому, что галлы переходили в Германию. Как мало, в самом деле, могла препятствовать этому река⁶¹, тем менее, что [в данном случае] менял место жительства сильный народ и захватывал территорию, тогда еще доступную для всех и не поделенную между могущественными государствами. Таким образом [пространство] между Герцинским лесом и реками Рейном и Менем заняли гельветы, а дальше бойи, оба народа галльского племени. Еще и теперь существует название «Voithaemum», которое свидетельствует о давнем прошлом этого места, хотя его население и переменилось⁶². Но неизвестно, арависки ли отделились от германского племени озов и переселились в Паннонию, или же озы ушли от арависков в Германию, — [во всяком случае] у тех и других одинаковый язык, учреждения и нравы; [и то и другое возможно], так как в прежние времена на обоих берегах вследствие равной бедности и свободы были одинаковые — и плохие, и хорошие условия [для поселения]⁶³.

Треверы и нервии хвастаются своим германским происхождением и в этом отношении проявляют большую настойчивость, как будто такое тщеславие кровным родством может оградить их от сходства с галлами и их вялостью. Самый берег Рейна населяют уж бесспорно германские племена — вангионы, трибоки, неметы. Но и убии не стыдятся своего [германского] происхождения, хотя они и удостоились сделаться римской колонией и охотнее называют себя по имени ее основательницы агриппинцами; они давно уже перешли Рейн,

и, убедившись в их верности, мы поселили их на самом берегу — не для того, чтобы иметь их под надзором, а чтобы они [сами] удерживали натиск [других германцев].

Гл. XXIX. Храбрейший из всех этих народов⁶⁴ — батавы — населяет отчасти берег, но главным образом остров на реке Рейне⁶⁵; когда-то они входили в состав народа хаттов, но вследствие внутренних раздоров переселились на эти места, где им пришлось сделаться частью римского государства. Они [до сих пор] сохраняют почетное отличие [своего] старинного союзничества: они не унижены податями, и их не разоряет откупщик; они изъяты от всяких налоговых тягот и чрезвычайных сборов, и подобно тому как наступательное и оборонительное оружие откладывается на случай сражения, так и их сохраняют для войн. В подобном же послушании находится и племя маттиаков, так как величие римского народа продвинуло почтение [к нему] за Рейн, за старые пределы государства. Таким образом, они по своему месту жительства и границам находятся на своем берегу, а по настроению и духу — с нами; в остальном они похожи на батавов с той только разницей, что они и до сих пор более воодушевляются самой почвой и небом своей страны.

Я не стану причислять к германским народам, хотя они и поселились по ту сторону Рейна и Данувия, тех, которые обрабатывают «декуматные поля»⁶⁶: самые легкомысленные из галлов, отважные вследствие бедности, вступили в сомнительное владение этой землей; вскоре благодаря тому, что была проведена граница и выдвинуты укрепления, эта территория вошла в состав римского государства и стала частью провинции⁶⁷.

Гл. XXX. За ними⁶⁸, начиная от Герцинских лесистых гор, крепко сидят на своей земле хатты, страна которых не представляет собой такой болотистой равнины, как у других племен, входящих в состав Германии, потому что здесь идут холмы, лишь постепенно становящиеся все реже и реже, и Герцинский лес все время сопровождает своих хаттов и их охраняет⁶⁹. У хаттов еще более крепкие [чем у других германцев] тела, плотные члены, грозное выражение лица и большая сила духа. Для германцев они очень разумны и искусны: они поручают командование избранным и слушаются тех, кому

оно поручено, знают строй, применяются к обстоятельствам, умеют вовремя удержаться от нападения, распределить день, окапываться на ночь, считать счастье чем-то сомнительным, а храбрость — надежным, и что особенно редко и свойственно лишь римской дисциплине — они больше полагаются на вождя, чем на войско. Вся сила их в пехоте, которая нагружена, кроме оружия, еще и железными инструментами⁷⁰ и припасами. Другие [германцы] идут в сражение, хатты же снаряжаются на войну; у них редки набеги и случайные стычки. И действительно, это кавалерийскому натиску свойственно срывать победу и быстро отступать; а от проворства недалеко и до страха, медлительность же близка к стойкости.

Гл. XXXI. И то, что у других германских народов встречается изредка и является делом личной инициативы, у хаттов обратилось в обычай: только что достигший юношеского возраста отпускает волосы и бороду и до тех пор не изменяет такого вида, свидетельствующего о данном обете и обязывающего к храбрости, пока не убьет врага. Только после крови и [военной] добычи открывают они лицо, считая, что только тогда они расплатились за свое рождение и стали достойны своего отечества и родителей. У трусливых и невоинственных этот ужасный вид [так и] остается. Наиболее храбрые носят на себе железное кольцо, как бы оковы, [и носят его] до тех пор, пока не убьют неприятеля. Очень многим из хаттов такой наряд нравится, и они в нем доживают до старости, обращая на себя своим странным видом внимание как неприятелей, так и своих. Они начинают все битвы, в строю они всегда первые, страшные на вид. Но и в мирное время они не утрачивают своей дикости и не придают более кроткого вида своей наружности. Нет у них ни дома, ни поля, никакой другой заботы. К кому они придут, у того и кормятся. [Так они и живут], пренебрегая своим, расточая чужое, пока благодаря бледной старости такая суровая доблесть не станет им не под силу.

Гл. XXXII. Ближайшие к хаттам — узипы и тенктеры, которые живут на Рейне, могущем [здесь] быть достаточной границей благодаря своему определенному руслу⁷¹. Тенктеры сверх обычной [у германцев] военной славы отличаются искусством кавалерийского маневрирования, и даже хатты не больше славятся своей пехотой, чем тенктеры конницей. Так

уж это пошло от предков, а потомки им подражают. В этом — забава детей, соревнование юношей, [заниматься этим] упорно продолжают старики. Вместе с челядью, домом и наследственными правами передаются и кони. Но их получает не старший из сыновей, как все остальное, а тот, кто превосходит других [своей] неустранимостью на войне.

Гл. XXXIII. Возле тенктеров были в прежние времена бруктеры, но теперь, как рассказывают, сюда переселились хамавы и ангриварии, которые прогнали их и совершенно истребили⁷² с общего согласия соседних племен вследствие ли их ненависти к высокомерию [бруктеров], или привлекательности добычи, или же благодаря какому-то особому расположению к нам богов, так как они не отказали нам в зрелище сражения: было убито более 60 тысяч [человек], и пали они не от римского оружия, но, что прекраснее, для услаждения наших глаз⁷³. И я молю, пусть останется и в будущем продлится у [этих] народов если не любовь к нам⁷⁴, то по крайней мере ненависть друг к другу, так как при тревожных обстоятельствах ничто уж не может помочь [нам], кроме раздоров между врагами.

Гл. XXXIV. Ангривариев и хамавов сзади замыкают дулгубнии и хазуарии и другие племена, также ничем не обращающие на себя внимания, а спереди⁷⁵ к ним примыкают фризы. Они разделяются на больших и малых фризов, называясь так по степени своей силы. [Область] тех и других окаймляет Рейн вплоть до самого Океана, и кроме того, они живут вокруг огромнейших озер, по которым плавали и римские корабли⁷⁶; отсюда мы отваживались даже пускаться в Океан. Молва идет, что и до сих пор там существуют Геркулесовы столбы⁷⁷, потому ли, что [туда действительно] приходил Геркулес, или потому, что все мы охотно приписываем его славе все, что есть где-нибудь величественного. У Друза Германика⁷⁸ не было недостатка в смелости, но [сам] Океан воспротивился исследованию как себя, так и того, что касается Геркулеса. С тех пор [на это] никто больше не решался, считая, что благочестивее и почетнее верить в деяния богов, чем постигать их разумом.

Гл. XXXV. До сих пор мы познакомились с Германией на западе. На севере она поворачивает очень большим изгибом⁷⁹. Здесь мы тотчас же встретим племя хавков; хотя они начинаются от фризов и занимают часть [морского] берега, но краем

они примыкают ко всем тем племенам, о которых я говорил, пока не сделают загиб в сторону хаттов. Таким огромным пространством земли хавки не только владеют, но они и густо населяют его. Это — самый благородный народ среди германцев, который предпочитает охранять свое могущество справедливостью. Без жадности, без властолюбия, спокойные и обособленные, они не затевают никаких войн, никого не разоряют грабежом и разбоем. В том главное доказательство [их] храбрости и силы, что, занимая первенствующее положение, они достигают его без насилия. Однако все у них не мешкая берется за оружие, и, если обстоятельства потребуют, является многочисленное пешее и конное войско. В мирное время они пользуются такой же славой [как и на войне].

Гл. XXXVI. Бок о бок с хавками и хаттами [живут] херуски, которые, никем не тревожимые, поддерживали мир, слишком долгий и расслабляющий. Это было более приятно, чем безопасно, ибо среди властолюбивых и сильных держаться в стороне — ошибка: там, где действуют кулаками, на скромность и честность могут претендовать только те, кто взял верх. Таким образом, те самые херуски, которые когда-то назывались добрыми и справедливыми, теперь стали называться малодушными и глупыми... Крушение херусков увлекло за собой и соседнее племя фозов: при несчастье они оказались товарищами на равных правах, тогда как в счастливые времена они были в подчиненном положении.

Гл. XXXVII. У того же изгиба Германии живут кимвры, ближайшие к Океану⁸⁰. Теперь это — незначительное племя, но великое по своей славе. Обширные следы этой старинной славы остаются и до сих пор, [а именно:] занимающие большое пространство лагеря на обоих берегах⁸¹, окружностью которых можно измерить, какое огромное количество людей было в них, и в частности воинов, и какова была уверенность в успехе такого великого переселения. Наш город переживал 640-й год своего существования, когда, в консульство Цецилия Метелла и Папирия Карбона, впервые был услышан звук оружия кимвров. Если мы сосчитаем время от этого [события] до второго консульства Траяна⁸², то получится приблизительно 210 лет: так долго преодолевается Германия. За такой долгий промежуток времени много было потерь с обеих сторон.

Ни Самний, ни Карфаген, ни Испании или Галлии⁸³, ни даже Парфия не напоминали нам так часто о себе, так что свобода германцев жесточе [для нас], чем неограниченная власть Арсак. В самом деле, что, кроме убийства Красса⁸⁴, может противопоставить нам Восток, сам потерявший Пакора и усмиренный Вентидием? Германцы же, разбивши или взявши в плен Карбона и Кассия, Скавра Аврелия и Сервилия Цепиона и Гнея Маллия, отняли у римского народа пять консульских войск и даже у Цезаря [Августа Октавиана] отняли Вара вместе с тремя легионами. Да и поражения им наносили не безнаказанно Гай Марий в Италии⁸⁵, божественный Цезарь в Галлии⁸⁶, Друз⁸⁷, Нерон⁸⁸ и Германик⁸⁹ в их собственной стране. Вскоре после этого грозные приготовления Г. Цезаря⁹⁰ были обращены в посмешище. Затем наступило спокойствие, пока по случаю наших раздоров и гражданских войн⁹¹ германцы, овладевши зимними лагерями наших легионов, не покусились даже на Галлию. [Правда], оттуда они были прогнаны, но в последние годы больше устраивались триумфы⁹² [по случаю побед над германцами], чем они [действительно] побеждались.

Гл. XXXVIII. Теперь следует сказать о свевах, о народе, в состав которого входит не одно племя, как у хаттов или тенктеров. Они занимают большую часть Германии, и хотя делятся на ряд племен, имеющих свои собственные названия, но все вместе обозначаются общим именем свевов. Отличительным признаком этого народа является то, что они зачесывают волосы набок и связывают их в пучок. Этим свевы отличаются от других германцев, а у свевов — свободные от рабов. Вследствие какого-нибудь родства со свевами или, что чаще случается, из подражания такая прическа встречается и у других племен, но редко и только у молодежи, а у свевов и до старости торчащие волосы зачесывают в направлении, обратном [естественному], и часто связывают их только на макушке. Старейшины устраивают [такую прическу] с большим щегольством. Это, конечно, забота о внешности, но невинная; они принаряжаются не для того, чтобы любить или быть любимым, а, идя на войну, стараются казаться выше и страшнее — они украшаются для вражеских глаз.

Гл. XXXIX. Самыми древними и благородными из свевов называют себя семноны. И эта уверенность в их древности

подтверждается религией. Все народы одной с ними крови сходятся в лице своих представителей в определенное время в лес, священный для них, благодаря верованиям их предков и внушаемому им издревле трепету; здесь они от имени всего народа убивают в жертву человека и таким ужасным действием начинают торжественно справлять свой варварский обряд. И в других формах выражается благоговение к этой роще: никто не может в нее войти, иначе как в оковах, чтобы этим подчеркнуть свою приниженность и величие божества; если он случайно упадет, то нельзя ему подняться и встать на ноги, а должен он выкатиться по земле. Весь этот обряд имеет целью показать, будто бы именно здесь колыбель всего народа, где над всеми властвует бог и все остальное находится у него в подчинении и послушании. Авторитет семнонов поддерживается их благополучием: они населяют сто округов, и вследствие такой многочисленности своего народа они верят, что являются главой свевов.

Гл. XL. Наоборот, лангобарды своей славой обязаны малочисленности. Окруженные многими и очень сильными племенами, они обеспечивают себя не послушанием, а битвами и тем, что не боятся опасностей. За ними следуют ревидигны, авионы, англы, варины, эвдозы, сварины и нуитоны, защищаемые реками и лесами. Каждое из этих племен в отдельности ничем не замечательно, но все они вместе поклоняются Нерте, то есть Матери-Земле, и думают, что она вмешивается в дела людей и объезжает народы. На одном из островов Океана есть девственная роща, а в ней посвященная богине колесница, накрытая покрывалом. Доступ к ней разрешается одному только жрецу. Он знает, когда богиня находится внутри [колесницы], и с великим благоговением следует за ней, влекомой телками. Тогда наступают радостные дни, праздничный вид приобретают те места, которые она удостоит своим прибытием и где гостит. Никто [тогда] не затевает войн, не берется за оружие; все железо спрятано; лишь тогда познают они мир и спокойствие, только тогда любят их, пока тот же жрец не возвратит в священную рощу богиню, пресытившуюся общением со смертными. Тотчас же после этого в скрытом от нескромных глаз озере обмываются и колесница, и покровы, и, если угодно верить, само божество. Все это

делают рабы, которых немедленно вслед затем поглощает то же самое озеро. Отсюда тайный ужас и благочестивое неведение по отношению к тому, что видеть могут только те, кто должен умереть.

Гл. XLI. Эта часть свевов простирается до самых отдаленных мест Германии. Ближе к [нам] — теперь я буду следовать по течению Данувия, как раньше Рейна — [живет] племя гермундугов, верное римлянам. Поэтому они единственные из германцев ведут торговлю не только на берегу, но и внутри страны, а также в самой цветущей из колоний провинции Реции⁹³. Они переходят [реку] везде и без страха, и в то время как другим племенам мы показываем только оружие наше и лагери, им, как людям не жадным, мы открываем наши дома и виллы. В области гермундугов берет свое начало Альбис, река когда-то знаменитая и [нам] известная; теперь же мы ее знаем только по слухам.

Гл. XLII. Рядом с гермундурами живут наристы, а далее квады и маркоманы. Особенно велики слава и силы маркоманов, которые даже населенную ими область приобрели благодаря своей храбрости, прогнав из нее некогда бойев. Но наристы и квады также не вырождаются. Там находится как бы граница Германии, поскольку она опоясывается Дануviем. У маркоманов и квадов вплоть до наших дней держались короли из их собственного племени, из знатного рода Маробода и Тудра; но теперь они уже терпят и чужестранных; впрочем, сила и власть этих королей поддерживаются авторитетом Рима. Мы помогаем им изредка оружием, но чаще деньгами; от этого, однако, не умаляется их значение.

Гл. XLIII. Сзади к маркоманам и квадам примыкают марсигны, котины, озы и буры. Из них марсигны и буры своим языком и образом жизни походят на свевов; котины же своим галльским языком, а озы паннонским доказывают, что они не германцы, а также и тем, что терпят подати; часть податей на них, как на инородцев, накладывают сарматы, часть — квады. Котинам это тем более стыдно, что они добывают железо.

Все эти народы занимают частью равнины, главным же образом лесистые горы и вершины гор и горных цепей, так как свевов разделяет и расщепляет непрерывная цепь гор, по ту сторону которых живут многие народы; из них шире всех распро-

страняется народ лугиев, разделяющийся на много племен. Среди этих последних достаточно назвать наиболее значительных — гариев, гельвеонов, манимов, гелизиев, наганарвалов. У наганарвалов имеется роша, относящаяся к древнему культу. Ею заведует жрец в женском наряде, а боги⁹⁴, при истолковании на римский лад, напоминают Кастора и Поллукса. Такова сущность этих божеств, а имя им Алки. [*Не существует*] никаких изображений [*этих божеств*] и никаких признаков [*занесенного извне*] чужеземного культа; однако они почитаются как братья, как юноши⁹⁵.

Всех только что перечисленных племен превосходят гарии своей силой; кроме того, впечатление от своего [*и без того*] свирепого вида они усиливают искусственно, придавая ему необычную дикость, а также выбором времени для сражения; щиты [*у них*] черные, тело выкрашено, а для битвы они выбирают темные ночи; и уже одним своим страшным видом войска, состоящего из привидений, они наводят ужас. И никто из неприятелей не выдерживает такого необычного и как бы адского зрелища, так как прежде всего побеждаются их глаза.

Гл. XLIV. За лугиями живут готоны, управляемые королями уже несколько строже, чем остальные германские племена, однако не настолько, чтобы совершенно лишиться свободы. Дальше, у самого Океана, — ругии и лемовии: особенностью всех этих племен является то, что щиты у них круглые, мечи короткие и что они повинуются королям.

Отсюда [*на север*] на самом Океане живут племена свионов, которые сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом. Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно за другим; они свободны... и подвижны, так что грести ими можно и в ту, и в другую сторону, смотря по надобности. Богатство у свионов в чести, поэтому ими повелевает один [*человек*], без всяких ограничений, а не с условным правом на повиновение. Оружие у них не находится на руках у всех, как у остальных германцев, но заперто и стережется именно рабом; это делается потому, что внезапному нападению неприятелей препятствует Океан, а кроме того, праздные руки вооруженных людей [*легко*] пе-

реходят границы дозволенного; и действительно, не в интересах короля поручать надзор за оружием кому-нибудь из знати или из свободных и даже из вольноотпущенников.

Гл. XLV. За свионами находится другое море⁹⁶, тихое и почти неподвижное; что это море опоясывает и замыкает земной круг⁹⁷, удостоверяется тем, что последнее сияние уже заходящего солнца продолжается до восхода и настолько ярко, что помрачает звезды. Воображение прибавляет к этому, что, когда солнце выплывает из воды, слышен шум и видны очертания лошадей и лучи вокруг головы⁹⁸...

Итак, правым берегом Свевского моря омывается земля племен эстиев, у которых обычаи и внешний вид, как у свевов, а язык больше похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображение кабанов. Это у них заменяющая оружие защита от всего, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же дубинами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют *glaesum*. Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведений. Он даже долго валялся у них [без употребления] среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы⁹⁹. Сами же они его совсем не употребляют¹⁰⁰. Собирается он в грубом виде, приносится [на рынок] без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением. Видно, однако, что это сок деревьев, так как в янтаре очень часто просвечивают животные, водящиеся на земле, даже крылатые, которые, завязши в жидкости, потом, когда вещество это затвердеет, застревают [в нем]. И я думаю, что как в отдаленных местах Востока есть особенно плодоносные рощи и леса, где сочатся ладан и бальзам, так и на островах и в землях Запада есть такие места, в которых [выжатый] под влиянием близких лучей солнца жидкий янтарь падает в близко находящееся море и силой бурь выбрасывается волной на встречаемые ею берега. Если захотеть испытать свойства янтаря, приблизивши к нему огонь, то

он загорится, как факел из смолистого дерева, и получится густое и сильно пахучее пламя, после чего он делается мягким и липким, как смола.

Следом за свионами живут племена ситонов, во всем на них похожие. Ситоны отличаются только одним тем, что над ними господствует женщина — до такой степени они пали даже в рабстве своем, не говоря уже о свободе.

Гл. XLVI. Здесь конец Свевии. Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут, как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, — грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились наподобие сарматов. Венеды многое заимствовали из нравов последних, так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между [областями, занятыми] певкинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам, ввиду того что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить, и даже быстро, — все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне. Фенны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью; у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов¹⁰¹; пищей им служит трава, одеждой — шкура, ложем — земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит и мужчин, и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют другого убежища от диких зверей и непогоды, кроме сплетенных между собой ветвей, под которыми они скрываются; сюда возвращается молодежь, здесь пристанище стариков. Но это они считают большим счастьем, чем изнывать в поле, трудиться в доме, рисковать своим и чужим добром, [постоянно находясь] между надеждой и страхом¹⁰². Не опасаясь ни людей, ни богов, они достигли самого трудного — им даже нечего желать.

Остальное уж [вовсе] баснословно: [например, что] у геллузиев и оксионов черты лица человеческие, а туловище и члены звериные¹⁰³. Так как я об этом не имею точных сведений, то оставляю нерешенным.

АННАЛЫ

«Анналы» («*Ab excessu divi Augusti*»), законченные Тацитом незадолго до его смерти, около 116 года, излагали в шестнадцати книгах события римской истории от смерти Августа (14 год) до 1 января 69 года. До нас дошли лишь книги I–IV, начало книги V, книга VI (за исключением начала) и книги XI–XVI (не полностью). Описание римско-германских военных столкновений и сведения о германцах содержатся в I, II, IV, XI, XII и XIII книгах «Анналов» и основаны (помимо других, в том числе устных источников) в значительной мере на утерянной работе Плиния Старшего «Германские войны в 20 книгах» («*Bellorum Germaniae viginti*»), написанной в последние годы царствования императора Клавдия (41–54 годы) и в первые годы царствования Нерона (54–68 годы). События конца 40-х и начала 50-х годов в Германии Плиний излагал в этой работе как очевидец, лично участвовавший в походах Домиция Корбулона и служивший в разных частях провинции Германии в 47–52 годах. При изложении предшествующей истории римско-германских войн, в частности походов Германика в 14–16 годах, Плиний пользовался сообщениями их участников, которые косвенно, через посредство Плиния, использовал и Тацит в «Анналах». Кроме того, многие данные о германцах в первых двух книгах «Анналов» почерпнуты Тацитом из труда неизвестного нам анналиста; этот труд, которым пользовался, по-видимому, и Плиний, содержал весьма достоверный и ценный материал.

Книга I

[В 14 году римский полководец Германик после усмирения мятежа в легионах Нижней Германии продвинулся в область германского племени марсов, обитавшего по течению реки Рур. Это должно было подготовить почву для дальнейших, более крупных походов римлян в глубь Германии, состоявшихся в 15 и 16 годах. Тацит рассказывает о набеге на марсов в 49–51 главах книги I «Анналов».]

Гл. 50. ...Римское войско форсированным маршем расчистило себе путь через Цезийский лес¹⁰⁴ и вышло на проложенную Тиберием дорогу, где и разбило лагерь, защищенный

с фронта и стыла валом, а с боков — засеками. Затем Германник пробрался через поросшие дремучими лесами возвышенности, и тогда перед ним встал вопрос, каким из возможных двух путей идти дальше: кратчайшим ли и общеупотребительным или же более трудным и неиспробованным, но именно поэтому и не занятым неприятелем. Он решил этот вопрос в пользу более продолжительного пути и поспешил с выполнением плана: ибо лазутчики сообщили, что как раз в эту ночь у германцев празднество, торжественный пир и игры. Цецина получил приказ двинуться вперед с легкими когортами и проложить путь через труднопроходимые леса; легионы следовали за ним на небольшом расстоянии. Римлянам благоприятствовала звездная ночь; они подошли уже к самым деревням марсов и окружили их поселки, а марсы все еще лежали, растянувшись на своих ложах и возле столов; совершенно беззаботные, они не выставили караулов. Их беспечность была так велика, что никто из них даже не опасался возможности военного нападения. Причиной такого спокойствия было не что иное, как то, что все они были пьяны, а потому ленивы и бессильны.

Гл. 51. Чтобы как можно больше опустошить страну, Цезарь [*Германник*] разбил свои рвавшиеся в бой легионы на четыре колонны и предал все огню и мечу на пространстве 50 миль. Не щадили ни пола, ни возраста; человеческие жилища и святилища — среди них священнейший у этих племен храм Танфаны¹⁰⁵ — все это было скрыто до основания. Среди римских солдат не было даже раненых: ведь они убивали полусонных, безоружных, либо разбежавшихся германцев. Эта кровавая баня подняла на ноги бруктеров, тубантов и узипетов; они заняли возвышенности, поросшие лесами, через которые должно было проходить римское войско во время обратного марша. Полководец знал это и выступил в путь, готовый к возможности нападения и битвы. Часть конницы и когорты союзников шли впереди; за ними следовал один легион; поклажа была взята в середину; левый фланг прикрывали солдаты 21-го легиона, а правый — 6-го легиона; шествие замыкали остальные отряды союзнических войск. Однако неприятель оставался совершенно неподвижным, до тех пор пока римское войско целиком не вошло в лесистое ущелье; тогда германцы выскочили из засады и ударили во фронт и во фланг

ги — правда, не слишком сильно, — но зато напали со всей присущей им силой на арьберггард. Легкие когорты чуть было не поддались напору густых толп германцев, но Цезарь [*Германик*], пробившись к 20-му легиону, громко воскликнул, обращаясь к солдатам: «Вот когда настал подходящий момент заставить всех забыть о вашем мятеже! Продолжайте идти вперед и торопитесь искупить вину доблестью!» Это подняло дух солдат. Одним ударом прорвались они сквозь строй врагов, оттеснили германцев на открытое место и изрубили их. В то же время передовые отряды выбрались из лесов и укрепились в лагере. Остальная часть пути прошла спокойно. Гордые недавними победами и не думая о происшедшем, солдаты расположились на зимние квартиры.

Гл. 55. В консульство Друза Цезаря и Гая Норбана состоялся триумф Германика, хотя война еще продолжалась. Германик готовил силы на лето, но уже ранней весной открыл враждебные действия неожиданным вторжением в страну хаттов. Ибо он надеялся на раскол в среде неприятеля на сторонников Арминия и Сегеста; из них первый был известен вероломством, а второй — верностью Риму. Арминий — возмутитель Германии. Сегест указывал Вару не раз на готовящееся восстание и еще на последнем пиру перед наступлением военных действий убеждал Вара приказать надеть оковы на него и на Арминия; тогда народ не решится ни на что, если будут устранены вожди, а у Вара будет время разобрать, кто виновен и кто невинен. Но Вар пал жертвою судьбы и силы Арминия. Сегест же хотя и был вовлечен в войну единодушным движением народа, но [*втайне*] оставался противником Арминия; его враждебные отношения к Арминию усиливали еще его личные счеты с ним: Арминий похитил дочь Сегеста, помолвленную за другого. Зять был ненавистен своему тестю и политическому противнику, и то, что укрепляет дружбу приятелей узами любви, лишь возбуждало взаимную ненависть двух врагов.

Гл. 56. Итак, Германик поручил Цецине 4 легиона, 5 тысяч человек союзников и поспешно набранные отряды левобережных германцев¹⁰⁶; точно такое же количество легионов и двойное количество союзников он повел сам; построив крепость на развалинах укрепления, заложенного его отцом в горах Таунуса, он поспешил с освобожденным от поклажи

войском в страну хаттов, а Люция Апрония оставил для проведения дорог и постройки мостов. При редкой в том климате засухе и низком уровне воды в реках Германик быстро и беспрепятственно продвигался вперед и опасался лишь ливней и разлива рек на обратном пути. Его появление было столь неожиданным для хаттов, что все те члены племени, которые оказались не способными к самозащите в силу их возраста или пола, были тут же либо взяты в плен, либо перебиты. Молодые боеспособные мужчины переплыли через Адрану и попытались помешать римлянам наводить мост через эту реку; но их рассеяли метательным оружием и стрелами, а попытки начать мирные переговоры оказались тщетными; тогда многие из них перешли на сторону Германика, остальные же покинули свои округа и деревни и разбежались по лесам.

Цезарь [*Германик*] сжег Маттиум — главный населенный пункт хаттов, опустошил поля и затем повернул обратно к Рейну, причем неприятель не осмелился нападать на аррьергард возвращающихся римских войск, как он это делал в тех случаях, когда отступал больше из хитрости, чем из страха. Херуски хотели было оказать помощь хаттам, но их отпугнул Цецина, который напал на них со своими войсками то в одном, то в другом месте их владений; и марсов, осмелившихся дать бой, Цецина отразил в удачном сражении.

Гл. 57. Вскоре после этого к Германику явились послы от Сегеста и просили защиты от насилия со стороны соплеменников, которые осадили его лагерь. Арминий имел тогда большее влияние на херусков, ибо он советовал начать войну; а у варваров тот, кто отважнее, тот и пользуется в смутное время наибольшим доверием и весом.

Вместе с послами Сегест отправил и своего сына Сегимунда, но юноша вначале колебался и медлил в сознании своей вины. Ибо в тот год, когда германские племена отпали от Рима¹⁰⁷, он, избранный жрецом при алтаре убиев¹⁰⁸, порвал жреческую повязку и убежал к мятежникам. Но, ободренный надеждой на милость римлян, он передал поручения отца; его приняли благожелательно и под военной охраной переправили на левый берег Рейна. Германик решил, что стоит еще раз вернуться; он дал бой осаждавшим, и Сегест был освобожден со своими многочисленными сородичами и клиента-

ми¹⁰⁹. Тут были и знатные женщины, а в их числе — жена Арминия, дочь Сегеста, которая была по духу ближе мужу, чем отцу: после поражения она не плакала и не умоляла победителей, а молча смотрела на свос бесрменное чрево, скрестив руки под складками одежды. Принесли и добычу, захваченную германцами при поражении Вара и доставшуюся тогда многим из тех, которые теперь сдались; тут же появился и сам Сегест, богатырь с виду, исполненный сознания своей ничем не нарушенной верности.

Гл. 58. Он сказал примерно следующее: «Сегодня не первый день моей нерушимой верности римскому народу. С тех пор как божественный Август даровал мне римское гражданство, я руководился при выборе друзей и врагов только соображениями вашей выгоды, и это не потому, что я ненавидел свою родину (ведь изменники противны даже тем, чью сторону они держат), а потому, что, по-моему, интересы римлян и германцев действительно совпадают и мир лучше войны. Вот почему я выступил перед тогдашним римским военачальником Варом с обвинениями против Арминия, похитителя моей дочери, нарушителя союза с вами. Но так как бездеятельный полководец¹¹⁰ меня удерживал и законным путем трудно было чего-нибудь добиться, то я потребовал, чтобы он надел оковы на меня, на Арминия и заговорщиков. Свидетельницей всего этого была та ночь, — о, я хотел бы, чтобы она была последней в моей жизни! То, что случилось потом, легче оплакивать, нежели оправдывать. Впрочем, как я тогда заковал в цепи Арминия, так и сам был закован его сторонниками. А теперь, когда мне представился случай встретиться с тобой, я предпочитаю старое новому, мир — участию в мятеже¹¹¹, и не из-за награды, а из желания очиститься от подозрения в измене; к тому же я — наиболее пригодный германцам посредник между ними и вами, если они только захотят предпочесть раскаяние гибели. Я прошу простить юношеское заблуждение сына, а относительно дочери сознаюсь, что ее удалось привести сюда¹¹² лишь силой принуждения. Тебе предстоит решить, что важнее: то ли, что она беременна от Арминия, или что она рождена мною». Цезарь [Германик] отвечал Сегесту милостиво и обещал гарантировать безопасность его детям и родственникам, а ему самому отвести место

жительства в старой провинции¹¹³. Войска Германик увел обратно и получил по предложению Тиберия титул императора. Жена Арминия родила мальчика, который рос в Равенне; в свое время расскажу, какие он претерпел издевательства¹¹⁴.

Гл. 59. Слухи о сдаче Сегеста и о его благосклонном приеме римлянами пробудили в одних надежду, в других скорбь, в зависимости от того, кто хотел или не хотел войны. Арминия, страстного и необузданного от природы, привело в бешенство похищение жены, которой предстояло беременной переносить рабство; он носился по стране херусков, призывая к войне с Сегестом и Цезарем [*Германиком*]. Он не скупился и на издевательства: «Вот так примерный отец! Какой великий полководец! Что за храброе войско! Столько рук понадобилось, чтобы утащить одну слабую женщину! Я победил три легиона и трех легатов, ибо веду войну не при помощи предательства и не с беременными женщинами, а в честном открытом бою с вооруженными воинами. В германских рощах до сих пор еще можно видеть знаки отличия римских воинов, которые я повесил там и посвятил отечественным богам. Пусть Сегест живет на покоренном римлянами [*левым*] берегу Рейна, пусть он возвратит сыну сан жреца: германцы никогда всецело не простят ему того, что им пришлось увидеть между Альбисом и Рейном ликторские прутья, секиры и тогу¹¹⁵. Другим народам, не знавшим римского владычества, неведомы были казни и дань; а мы, сбросившие с себя это иго, ставившие уйти ни с чем самого возведенного в боги Августа и избранного судьбою Тиберия, неужели мы испугаемся неопытного юноши и его войска, состоящего из мятежников? Если отечество, предки и старые обычаи вам дороже властителей [римлян] и новых поселений, то вы последуете за Арминием к славе и свободе, а не за Сегестом в позорное рабство».

Гл. 60. Эти речи подняли не только херусков, но и соседние племена; на их сторону перешел и дядя Арминия Ингвиомер, издавна пользовавшийся уважением у римлян; этим объясняются серьезные опасения Цезаря [*Германика*]. Для того чтобы война не обрушилась на него всею тяжестью, он послал Цецину с сорока римскими когортами через страну бруктеоров к реке Амизии, стремясь раздробить военные силы неприятеля; конница под начальством Педо направилась через

страну фризов. Сам Германик повел четыре легиона на судах через озера¹¹⁶. Пехота, конница и флот встретились у вышеназванной реки. Хавки, обещавшие выставить вспомогательные отряды, были присоединены к римскому войску. Бруктеров, которые сами выжигали все на своей территории, разбил по поручению Германика Люций Стертиний при помощи легкого отряда; при этом он нашел во время битвы среди захваченной добычи орла 19-го легиона, потерянного при Варе. Вслед за тем римское войско дошло до конца области бруктеров и опустошило земли между Амизией и Лупией, расположенные недалеко от Тевтобургского леса, где, как говорили, еще валялись непогребенными останки Вара и его легионов.

Гл. 61. Тут Цезарь [*Германик*] захотел воздать последние почести римским воинам и их вождю; всеми солдатами Германика овладела печаль при мысли о родных и друзьях, о переменчивости военного счастья и превратности судьбы человеческой. Цецина был послан вперед с поручением исследовать глухие места в лесистых горах и проложить мосты и дамбы по стоячим болотам и обманчивым зыбким равнинам. Затем римляне прибыли на печальное место, которое являло ужасное зрелище и было страшно воспоминаниями.

Размеры первого лагеря Вара и его главных квартир свидетельствовали о работе трех легионов; далее по полуразрушенному валу и неглубокому рву можно было догадаться, что здесь расположились уже разбитые остатки войска: посреди поля белели кости, местами рассеянные поодиночке, а кое-где целыми кучами — смотря по тому, как римские воины бежали или оказывали сопротивление. Тут же валялись обломки оружия и скелеты лошадей, а к стволам деревьев были прикреплены человеческие черепа. В соседних рощах находились алтари варваров, на которых они заклали трибунов и центурионов первого ранга. Участники битвы, пережившие ее, убежавшие во время самого сражения или из плена, рассказывали, где пали легаты, где были похищены орлы, где Вар получил первую рану, где он нашел смерть от злополучного удара своей собственной руки; с какого возвышения Арминий держал речь к своему народу, сколько было устроено виселиц и вырыто могил для пленных и как он высокомерно издевался над римскими знаками отличия и орлами.

Гл. 62. Так римское войско через шесть лет после поражения похоронило остатки трех легионов; а так как никто не мог разобрать, предавал ли он земле своих или чужих, то хоронили всех, как друзей и кровных родных, с чувством все возрастающей ненависти к врагу, полные скорби и озлобления. Первым положил кусок дерна для могильного холма Цезарь [*Германик*]...

Гл. 63. Германик следовал за Арминием, который удалялся в дикие непроходимые места. Как только представилась к тому возможность, Германик приказал своей коннице выступить вперед и захватить равнину, занятую неприятелем. Арминий собрал своих германцев, велел им дойти до самого леса и внезапно повернул назад; затем он дал знак к выступлению тем отрядам, которые скрывались в лесистых горах. Эти новые войска произвели замешательство в рядах римской конницы. Ей были посланы на помощь запасные когорты, но они, будучи увлекаемы бегущими, только увеличили беспорядок. Германцы чуть было не оттеснили римлян в болото, хорошо известное одолевавшим их [*германцам*], но пагубное для незнакомых с местностью римлян; но тут Германик продвинул вперед свои легионы и выстроил их в боевом порядке; это испугало врагов, ободрило римлян, и сражение кончилось вничью. Затем Германик повел легионы обратно к Амизии и переправил их назад на судах — так же, как и привел их в свое время сюда; часть конницы получила приказание идти берегом Океана к устью Рейна; Цецине, который вел свои войска, было приказано, несмотря на то, что он возвращался по знакомой дороге, перейти как можно скорее через «Длинные мосты»¹¹⁷.

Эти «Длинные мосты» представляют собою узкую дорогу, идущую по дамбе, проложенной некогда Люцием Домицием посреди обширных болот; вокруг дамбы почва была болотистая, вязкая благодаря толстому слою тины, ненадежная и опасная ввиду обилия ручьев; кругом тянулись отлого поднимающиеся по склонам холмов леса; они были теперь наполнены отрядами Арминия, который, идя кратчайшими путями и делая быстрые переходы, уже обогнал обремененное поклажей и оружием римское войско. Цецина, сомневавшийся в том, удастся ли ему восстановить обветшавшие мосты, одновременно отбиваясь от неприятеля, решил тут же

разбить лагерь, с тем чтобы часть его солдат занялась работой, а часть — борьбой с германцами.

Гл. 64. Варвары стремились прорваться за сторожевую линию и броситься на строителей сооружений, а потому всячески тревожили их попытками обхода и открытыми атаками. Крики работавших смешивались с криками сражавшихся. Все в равной мере было против римлян: и то, что местность представляла собою глубокое болото, где нельзя было ни удержаться, ни пройти, не поскользнувшись; и то, что тела римлян были отягчены панцирями; и то, что они не могли в воде бросать свои метательные копья. Херуски, напротив, привычны к сражениям среди болот, их тела стройны и гибки, а своими длинными копьями они могут наносить раны даже и на далеком расстоянии. Только ночь избавила уже начавшие приходить в замешательство легионы от сражения в таких неблагоприятных условиях. Германцы, неутомимые в случае успеха, все еще не могли успокоиться и направили вниз воды всех потоков, берущих начало на окрестных возвышенностях. Почва погрузилась в воду, и то, что было сделано, обвалилось, так что римским солдатам пришлось производить двойную работу.

Цецина служил уже сороковой год — частью в качестве подчиненного, частью в качестве начальника; он изведal удачи и неудачи, а потому не знал страха. Строя планы на будущее, он не нашел лучшего выхода, как удерживать неприятеля в лесах до тех пор, пока раненые и обремененные поклажей войсковые части не пройдут вперед; ибо между горами и болотами простиралась долина, которая позволяла стать узким строем. Цецина выстроил легионы так, что пятый легион стал на правом фланге, двадцать первый — на левом, первый — впереди, а двадцатый — в тылу.

Гл. 65. Ночь была беспокойна по многим причинам: варвары наполнили долину шумом своих праздничных пиров, радостным пением и дикими криками, которые эхо повторяло в лесах и на горах. У римлян горели лишь слабые огни, слышались прерывистые возгласы; они либо лежали врассыпную, либо бродили около палаток — скорее оттого, что не могли заснуть, чем от того, что бодрствовали на страже. Самого вождя [Цецину] испугал страшный сон: ему привиделся вы-

нырнувший из болот окровавленный Квинтилий Вар, и слышалось, будто он зовет его; но он не последовал за ним и оттолкнул простертую к нему руку. На рассвете легионы, поставленные во фланги, от страха или из непослушания покинули свои места и быстро заняли поле по ту сторону болота.

Хотя Арминий и мог беспрепятственно начать атаку, однако он не напал на римлян сейчас же. Но когда римский обоз застрял в грязи и во рвах и солдаты пришли в замешательство; когда расстроились ряды войска, расставленные [в *определённом порядке*] по знаменам и когда — как это обычно бывает в таких случаях — каждый думал лишь о том, как бы поскорее спасти себя и все плохо слушались приказаний, — тогда Арминий велел германцам идти в атаку. При этом он воскликнул: «Вот вам опять Вар и вторично тем же роком побежденные легионы!» В тот же момент он с отборными воинами прорвался сквозь строй римлян, стараясь главным образом наносить раны лошадям, которые, скользя в своей крови и в вязком болоте, стали сбрасывать седоков, опрокидывать встречных и топтать упавших на землю. Больше всего труда пришлось римлянам потратить на заботы о знаменах с орлами: их нельзя было ни нести навстречу дождю стрел, ни укреплять в тинистой почве. У Цецины, который стремился поддержать строй, была убита лошадь; он упал с нее и был бы окружен врагами, если бы первый легион не бросился навстречу неприятелю. Римлянам благоприятствовала жадность врагов, которые, оставив резню, бросились за добычей. К вечеру легионы выкарабкались из болота на твердую почву, в открытое поле...

[Вечером того же дня Цецина собрал свои легионы и произнес речь, в которой он призывал своих воинов оставаться в лагере и дать германцам подойти к нему, чтобы затем, прорвавшись сквозь их ряды, найти дорогу к Рейну. При этом Цецина сказал:]

Гл. 67. «...Если вы захотите бежать, то имейте в виду, что вы встретите еще больше лесов, более глубокие болота и жестоких врагов...»

Гл. 68. Не меньшее возбуждение охватило и германцев, которых волновали надежды, стремление к победе и различие во мнениях вождей. Арминий советовал дать римлянам отступить, с тем чтобы во время отступления вновь окружить их в болотистой и труднопроходимой местности. Ингвиомер

сделал более отважное и более приятное для варваров предложение — штурмовать римский лагерь со всех сторон. Штурм будет нетруден, пленных будет больше, и добыча достанется в неповрежденном виде. Сообразно этому плану германцы утром следующего дня засыпали рвы, набросали в них хворосту и влезли на верхушку вала, на котором стояли всего лишь несколько римских солдат, словно окаменевших от страха. В то время как германцы старались овладеть укреплениями, когортам дан был сигнал к выступлению; раздались звуки рогов и труб, и римляне с криком бросились в тыл германцам, укоризненно восклицая: «Здесь нет лесов и болот, а на ровном месте боги одинаково покровительствуют нам и вам». Германцев, которым разрушение укреплений казалось легким делом и которые рассчитывали лишь на немногочисленных и полувооруженных противников, звуки труб и блеск оружия поразили тем более, чем они были неожиданнее: столь же растерянные при неудаче, сколь необузданные в случае успеха, германцы потерпели поражение. Арминий оставил поле битвы целым и невредимым, Ингвиомер был тяжело ранен. Остальные были перебиты; их рубили до вечера, пока не утихла ярость. Лишь ночью вернулись легионы в лагерь...

Гл. 69. Между тем распространился слух, что германцы обошли римское войско и идут на Галлию; и если бы Агриппина не воспротивилась снятию моста через Рейн, то нашлись бы люди, которые совершили бы это позорное деяние из страха...

...Гай Плиний¹¹⁸, автор истории германских войн, рассказывает, что она стояла возле входа на мост, хвалила и благодарила возвращавшиеся легионы...

Гл. 70. Германик поручил второй и четырнадцатый из тех легионов, которые он переправил на судах, Публию Вителлию с тем, чтобы тот провел их сухим путем и чтобы [разруженный] флот благодаря этому мог легче плыть по полному отмелей морю и легче садиться на дно при отливе. Вначале путь Вителлия при сухости почвы и небольшом приливе был удобен; но вскоре вследствие сильного северного ветра и наступления осеннего равноденствия, во время которого вода в Океане поднимается особенно высоко, войско сделалось игральщем волн. Они залили сушу: бушующее море, берег и поле являли одинаковую картину, так что нельзя было от-

личить твердую почву от зыбкой, отмели от глубин. Волны опрокидывали людей, водовороты их поглощали; скот, вещи, трупы носились между ними и плыли им навстречу... Наконец-то удалось Вителлию выбраться на более возвышенное место, на которое он вывел и свое войско. Здесь солдаты переночевали без пищи и предметов первой необходимости, без огня... Когда занялся день, они вновь обрели твердую почву и добрались до реки Визургис¹¹⁹, куда как раз направился со своим флотом Цезарь [*Германик*]. Здесь легионы, о которых разнесся уже слух, что они потонули, были посажены на суда...

Гл. 71. Тем временем Стертиний, посланный вперед, чтобы принять в подданство брата Сегеста Сегимера, уже отвел его самого и его сына в город племени убиев. Им обоим даровано было прощение: Сегимера простили легко, его сына — не без колебаний, ибо он, как говорили, подверг поруганию тело Квинтилия Вара...

Книга II

Гл. 5. [*Вырабатывая план предстоящего летнего похода против херусков в 16 году н. э., Германик следующим образом расценивал трудности борьбы с германцами:*]

...В правильном бою и в обыкновенных условиях местности германцы всегда терпели поражение; зато им благоприятствуют леса и болота, а римские солдаты страдают не столько от ран, сколько от длинных переходов и потери оружия....

Гл. 6. [*Германик решил предпринять поход в Германию морским путем, с тем чтобы римская конница могла, поднимаясь вверх по рекам, проникнуть в глубь Германии. С этой целью он приказал построить флот в тысячу судов...*]

Сборным пунктом был назначен Батавский остров, ибо к нему легко было причалить, здесь удобно было посадить войска на суда и переправить их на театр военных действий. Рейн, который до тех пор течет одним руслом или образует лишь небольшие острова, разветвляется там, где начинается страна батавов, как бы на два рукава; один из них, протекающий ближе к Германии, сохраняет свое название и сильное течение вплоть до впадения в Океан, другой, протекающий по галльской стороне¹²⁰, шире и течет медленнее; местные

жители называют его уже иначе — Вагалом, но затем он вновь принимает другое название — Мозы и под этим именем широким устьем вливается в Океан.

Гл. 7. Пока собирались суда, Германик велел легату Силию произвести с легким отрядом набег в страну хаттов; сам же он, услышав об осаде крепости на реке Лупии, повел туда шесть легионов. Однако ввиду внезапных ливней Силию немногого удалось добиться: он захватил лишь небольшую добычу да жену и дочь вождя хаттов Арпа. Германику же осаждавшие не дали возможности вступить с ними в бой: они разбежались при слухах о его приближении...

Гл. 8. [*После того как римский флот дошел до устья Эмса, войско высадилось на левом берегу этой реки и занялось постройкой мостов; затем оно переправилось на правый берег, где и разбилло лагерь...*]

В тот момент, когда Германик велел разбить лагерь, ему сообщили, что в тылу отпали ангриварии: он тотчас послал туда Стертиния с конницей и легковооруженными отрядами; тот огнем и мечом отомстил ангривариям за их измену.

Гл. 9. Река Визургис отделяла римлян от херусков. На ее [правом] берегу появился Арминий вместе с прочими наиболее знатными лицами в племени и спросил, не прибыл ли Германик...

[*Получив утвердительный ответ, Арминий попросил разрешения поговорить со своим братом Флавием, служившим в римском войске и отличавшимся верностью римлянам. Результаты этих переговоров Арминия с Флавием Тацит излагает следующим образом:*]

Гл. 10. ...Флавий указывал на величие Рима, могущество Германика, на тяжкие наказания, ожидающие побежденных, и на милости, оказываемые подчиняющимся Риму; он подчеркивал также, что [*в случае сдачи Арминия*] с его женой и сыном не будут больше обращаться, как с врагами.

Арминий говорил о священном долге по отношению к родине, о свободе предков, о богах родной Германии, о матери, которая просит Флавия вместе с ним, чтобы он лучше предпочел стать германским военачальником, чем отщепенцем и предателем своих сородичей и свойственников и, наконец, всего своего народа. Дело дошло до ссоры, и даже разделяв-

шая их река не помешала бы им вступить в поединок, если бы Стертиний не удержал Флавия, который в гневе уже требовал себе коня и оружия. На том берегу виднелась фигура Арминия, который грозил римлянам и возвещал предстоящее сражение; он вставлял в свою речь много латинских слов, ибо он ведь служил [*раньше*] в римском лагере в качестве предводителя своих соплеменников.

Гл. 11. На следующий день германцы выстроились в боевой готовности на том берегу Визургиса. Но так как Германик считал стратегически нецелесообразным подвергать легионы риску битвы, пока не построены мосты и укрепления, то он послал сначала конницу вброд на ту сторону реки. Во главе конницы были: Стертиний и один из примипилариев¹²¹ Эмилий; они сделали нападение на германцев сразу в нескольких местах с тем, чтобы раздробить военные силы неприятеля. Но там, где было самое быстрое течение, вождь батавов Хариовальд пробился через реку и устремился на врага. Тогда херуски притворились, будто бы они бегут, и этим завлекли батавов в долину, окруженную лесистыми горами; затем они ринулись на врагов со всех сторон, оттеснили сопротивлявшихся, бросились за бегущими, а сбившихся в кучу батавов они рассеяли, частью сражаясь врукопашную, частью поражая их издали. Хариовальд долго выдерживал жестокий натиск врагов; затем он убедил своих сделать попытку сомкнутыми рядами разбить наступавшие отряды неприятеля; сам он бросился в самую гущу битвы; его лошадь закололи; он пал под ударами стрел, и много знатных — вокруг него. Остальных спасла от гибели собственная сила и подоспевшая конница Стертиния и Эмилия.

Гл. 12. Переправившись через Визургис, Германик узнал от перебежчика, что Арминий выбрал место для битвы, что в лесу, посвященном Геркулесу¹²², собрались и другие племена и что германцы решились ночью напасть на римский лагерь. Германик поверил этим сведениям, ибо видны были сторожевые огни, а лазутчики, подходившие ближе к неприятелю, сообщили, что слышно ржанье лошадей и шум огромного и нестройного войска...

Гл. 13. [*В ночь перед происшедшей в долине Идиставизо битвой возле римского вала разыгрался следующий инцидент...*]

...один из неприятельских воинов, знающий латинский язык, подскакал на коне к валу и громогласно обещал от имени Арминия каждому перебежчику на все время похода жену, участок земли и сто сестерциев ежедневного жалования. Это издевательство воспламенило гнев легионеров. «Погодите [ответили они] — придет день битвы, тогда мы сами завладеем землями германских воинов и уведем их жен; ваше предложение мы принимаем, как счастливое предзнаменование: жены и деньги наших врагов станут нашей добычей...»

Гл. 14. [*На следующее утро, перед самой битвой, Германик в своей речи к римским легионерам посвящает их в свои планы, дает им ряд ободряющих советов и в то же время делает сравнительную оценку римской и германской военной тактики и вооружения.*]

«Не только открытое поле может служить удобным местом сражения для римского солдата, но и леса и лесистые горы; надо только уметь повести дело, ибо германцам с их огромными щитами и длинными копьями труднее управляться среди древесных стволов и кустарника, чем римлянам с их дротиками, мечами и плотно облегающей тело боевой одеждой. Следует лишь наносить удар за ударом и целиться в лицо врага; у германцев ведь нет ни панциря, ни шлема; их щиты не обиты ни железом, ни кожей, а сплетены из прутьев или сделаны из тонких раскрашенных досок; только передние ряды германцев вооружены копьями, а остальные лишь короткими, на конце обоженными дротиками. На вид германцы страшны и при непродолжительном натиске очень сильны; но они очень плохо переносят раны и бегут, не стыдясь позора и не обращая внимания на вождей. При неудаче они трусливы, а в случае удачи не признают ни божеских, ни человеческих законов. Если вы устали от сухопутных походов и морского плаванья и жаждете окончания войны, то эта битва принесет вам исполнение ваших желаний: мы теперь уже ближе к Альбису, чем к Рейну, а за Альбисом ничто не угрожает нам войною...»

Гл. 15. Арминий и прочие наиболее знатные из германцев тоже не упустили из виду ничего, что могло бы поднять боевой дух воинов. «Перед вами, — уверяли они их, — те римляне из войска Вара, которые оказались трусами из трусов и, убежав оттуда, подняли мятеж, чтобы не идти на войну. Из

них одни вновь предоставят озлоблению врагов и гневу богов свои покрытые ранами спины, другие — ослабленные борьбой с бурями и ливнями тела, и те и другие без надежды на успех. Да они ведь для того только и пришли сюда именно на кораблях и по неприступному морю, чтобы не встретить на своем пути сопротивления и не бояться преследований в случае бегства; но в сражении врукопашную побежденным не помогут паруса и весла. Подумайте только о жадности, жестокости и высокомерии римлян! Разве у нас есть другой выбор, кроме как сохранить свою свободу или умереть, прежде чем нас обратят в рабство?»

Гл. 16. Воспламенив таким образом воинов и вызвав у них жажду битвы, они отвели их в долину, именуемую Идиставизо¹²³. Эта долина расположена между Визургисом и цепью холмов; в разных местах она принимает различную форму в зависимости от того, как далеко отступает течение реки от гор и в какой мере их предгорья сдавливают ее берега. В тылу германцев возвышался лес; деревья подымали свои ветви в высоту, а внизу стволы были голы. Германцы заняли открытое поле и опушку леса; одни только херуски засели в горах, чтобы во время битвы ринуться сверху на римлян...

Гл. 17. Видя, что отряды херусков в неистовой жажде боя слишком выдвинулись вперед, Германик приказал самой сильной части своей конницы ударить неприятелю во фланги, а остальным эскадронам обойти его и атаковать с тыла; сам он обещал вмешаться в бой в нужный момент... Пехота ударила неприятелю во фронт, и в то же время посланная вперед конница напала на него с тыла и атаковала фланги, и — как это ни странно звучит — два неприятельских отряда обратились в бегство в противоположные стороны: те, что стояли в лесу, ринулись в поле, а те, что стояли в долине, пустились бежать в лес. Херуски, находившиеся посередине между этими двумя отрядами, были оттеснены с холмов; среди них бросался в глаза Арминий, который старался поддержать порядок в битве делом собственных рук, ободряющими призывами и указаниями на свою рану. Он бросился на стрелков и пробился бы сквозь их ряды, если бы его не удержали подоспевшие когорты ретийцев, винделиков и галлов. Сам он проложил себе дорогу обратно благодаря своей физической силе

и быстроте своей лошади, вымазав лицо собственной кровью, чтобы его не узнали. Говорят, что хавки, находившиеся в числе римских вспомогательных отрядов, [*все-таки*] узнали его, но пропустили. Такая же отвaga или хитрость помогла спастись Ингвиомеру. Остальные херуски были перебиты целыми массами; многие из них, пытаясь переплыть Визургис, падали под ударами стрел, унесены были течением или, наконец, оказались погребенными под тяжестью бежавших сзади людей и под обваливавшимися берегами реки. В своем позорном бегстве некоторые из них взобрались даже на верхушки деревьев и спрятались в ветвях, откуда римские воины, забавляясь, сбрасывали их ударами стрел. Другие были раздавлены срубленными деревьями.

Гл. 18. Это была большая победа, которая к тому же не стоила нам значительных жертв. С 10 часов утра¹²⁴ до самой ночи продолжалась резня; на протяжении 10 римских миль¹²⁵ все было завалено неприятельскими трупами и оружием. [*Римляне тут же сложили это оружие в кучу в виде трофея.*]

Гл. 19. Зрелище это наполнило германцев таким отчаянием и гневом, какого не могли вызвать ни раны, ни скорбь о павших, ни разорение. Только что еще они готовы были покинуть свою родину и уйти за Альбис; теперь они уже жаждут битвы и берутся за оружие. Простой народ и знать, юноши и старики внезапно напали на римскую боевую линию и разрушили ее. Наконец, они выбрали в качестве места [*для битвы*] узкую и сырую долину, замкнутую между рекой и лесами. Леса были окружены глубоким болотом, кроме одного места, где ангриварии возвели широкий вал, отделявший их от херусков; здесь выстроилась германская пехота, а конница спряталась в ближайших рощах, чтобы оттуда ударить в тыл проходящим по лесу легионам.

Гл. 20. [*Германику были известны намерения неприятеля, и он принял соответствующие меры, которые должны были обратить военную хитрость германцев против них самих.*]

...Те части римского войска, которым предстояло пройти через равнину, легко продвинулись [*по направлению к лесу*], но тем, которым пришлось брать вал, сильно доставалось от сыпавшихся сверху ударов словно при штурме крепостной стены... Германик во главе преторианских когорт взял присту-

пом вал и повел атаку в сторону леса. У германцев в тылу было болото, римлянам закрывали выход река и горы. Тех и других необходимость заставляла оставаться на месте; у обеих сторон вся надежда была на храбрость, для обеих все спасение было в победе.

Гл. 21. Германцы сражались не менее храбро, чем римляне, но обстановка битвы и характер вооружения ставили их в невыгодное положение: ибо их было очень много, и на небольшом пространстве они не могли ни вытягивать далеко вперед свои длинные копья, ни отдергивать их назад; они не могли также использовать гибкость своих тел для быстрого натиска и принуждены были сражаться на одном месте. Римские воины, наоборот, прижав щит к самой груди и держа в руке рукоять меча, пронзали огромные туловища варваров и их незащищенные лица и проложили себе дорогу по неприятельским трупам. Арминий не был так энергичен, как обычно, — потому ли, что его утомила постоянная опасность поражения, или потому, что ему мешала недавно полученная им рана. И Ингвиомера, который метался по всей боевой линии, покинуло скорее счастье, чем храбрость...

Гл. 24. [*После победы над херусками Германик на обратном пути в сильную бурю потерял весь свой флот. Изображая в 23—24-й главах это несчастное плавание римского флота по водам Северного моря, Тацит делает следующее замечание общего характера:*]

Так как Океан — самое бурное море из всех морей, а климат в Германии — суровее, чем во всех других странах, то это несчастье превосходило всякую меру и все, прежде бывшее...

Гл. 44—46. [*В этих главах Тацит рассказывает о решительном столкновении друг с другом двух групп германских племен: с одной стороны — свевов и маркоманов с их союзниками под начальством Маробода, а с другой — херусков с их союзниками под предводительством Арминия. Это столкновение произошло после отозвания Германика Тиберием с театра военных действий и имело место около 17 года н. э.]*

Гл. 44. ...Свевы... просили помощи против херусков. Ибо после ухода римлян германские племена, избавившись от страха перед внешним врагом, в силу старой привычки или из соревнования военной славы обратили оружие друг против

друга. Силы обоих племен были равны, и доблесть их вождей одинакова; но Маробода соплеменники не любили за сго королевский титул, а Арминия любили как борца за свободу.

Гл. 45. Поэтому не только херуски и их союзники — старое воинство Арминия — приняли участие в войне [*против Маробода*], но к Арминию присоединились и некоторые свевские племена из числа подданных Маробода — семноны и лангобарды. Их помощь дала бы перевес Арминию, если бы Ингвиомер с отрядом своих сторонников не перешел на сторону Маробода; сделал он это исключительно потому, что в качестве дяди и старшего считал ниже своего достоинства подчиняться молодому сыну своего брата¹²⁶. Оба войска выстроились, воодушевленные равной надеждой на успех; они сражались не путем беспорядочных стычек и не нестройными ватагами, как это раньше было принято у германцев: ибо в течение долгих войн с римлянами они привыкли следовать за знаменами, обеспечивать себя резервами и слушаться приказаний полководцев.

Арминий, объезжая верхом ряды и осматривая все свое войско, обращал внимание тех, мимо которых проезжал, на вновь завоеванную свободу, на уничтожение легионов, на отнятую у римлян боевую одежду и оружие, которым еще и поныне владеют многие германские воины. Маробода же он называл трусом и дезертиром, еще не выдавшим битвы; говорил, что он спрятался в чащах Герцинского леса, а затем вымолил у римлян дружбу при помощи подарков и посольств; что он — изменник отечества и приспешник Цезаря и что его следует прогнать с неменьшим ожесточением, чем [*в свое время*] покончили с Квинтилием Варом.

«Вспомните, — прибавлял он, — что много было сражений [*между римлянами и германцами*] и что исход каждого из них и последовавшее за ними изгнание римлян [*из Германии*] достаточно ясно показали, кто выиграл во всей войне в целом».

Гл. 46. И Маробод [*в свою очередь*] не упустил случая похвалиться [*своими заслугами*] и очернить врага: взяв за руку Ингвиомера, он стал уверять, что в нем воплощена вся слава херусков: именно советам Ингвиомера обязаны они всеми своими военными удачами. Арминий — сумасброд, не умеющий правильно оценивать истинное положение вещей, —

приписывает себе чужую славу только потому, что он хитростью победил три слабых легиона с их не ожидавшим измены военачальником к великому вреду для Германии и к бесчестию для него самого, ибо его жена и сын до сих пор еще несут ярмо рабства. «Между тем я, — говорил Маробод, — имея дело с двенадцатью легионами под начальством Тиберия, сохранил незапятнанной славу германцев, и наши войска разошлись в разные стороны, после чего мы заключили мир с римлянами, как равные с равными; я и теперь не вижу причин раскаиваться в том, что от нас зависит решение вопроса — возобновить ли нам войну против римлян или предпочесть бескровный мир». Подстрекаемые этими речами воины каждого из двух враждебных войск были движимы еще своими особыми причинами: херуски и лангобарды сражались за свою старую славу и новую свободу, а их противники — за расширение своего владычества. Никогда еще не обрушивались друг на друга со всею тяжестью такие боевые силы, и никогда исход сражения не был таким неопределенным: ибо правые фланги у обоих противников были разбиты, и все ждали возобновления битвы; но Маробод расположился лагерем на холмах, что было равносильно признанию им своего поражения. Ослабленный отпадением все большего и большего числа его сторонников, он отступил в страну маркоманов и отправил к Тиберию послов с просьбой о помощи. Но ему ответили, что он не имеет никакого права призывать римские войска против херусков, ибо, когда римляне воевали с тем же врагом, он не оказал им никакой помощи.

Гл. 62. В то время как Германик проводил это лето в разъездах по разным провинциям¹²⁷, Друз заслужил себе немалую славу тем, что посеял раздоры среди германцев; он стремился довести Маробода, могущество которого уже было поколеблено, до полной гибели. В племени готонов был один знатный юноша по имени Катувальда; вынужденный некогда бежать от Маробода, он решился теперь, когда положение Маробода пошатнулось, отомстить ему. С сильным отрядом вторгся он в страну маркоманов, привлек на свою сторону самых знатных людей племени и ворвался в столицу и расположенную близ нее крепость. Там он нашел старую свевскую добычу, а также маркитантов и купцов из наших провинций: их привлекали

сюда выгодные условия торговли, а удержала жажда наживы денег, так что многие из них в конце концов забыли свою родину и окончательно переселились в неприятельскую страну.

Гл. 63. Покинутому всеми Марободу оставалось лишь одно прибежище — милосердие Цезаря. Поэтому он перешел Данаувию на границе Норикума и обратился к Тиберию с письмом — не как изгнанник или проситель, а в тоне, подобающем его прежнему могущественному положению. «Многие племена, — писал он, — приглашали к себе столь знаменитого некогда короля, но я предпочел дружбу с римлянами». Тиберий ответил ему, что если он захочет остаться в Италии, то ему будет обеспечено безопасное и почетное пребывание там; если же он изберет что-либо другое, то сможет в полной безопасности покинуть Италию — так же как он получил возможность поселиться в этой стране...

Маробод стал жить в Равенне; и когда среди свевов начиналось брожение, римляне угрожали им возможностью возвращения Маробода к власти. Однако Маробод в течение 18 лет не покидал Италии и состарился там, сильно омрачив свою былую славу излишней привязанностью к жизни. Но и Катувальду постигла та же участь; и ему тоже пришлось искать прибежища у римлян: вскоре [*после падения Маробода*] Катувальда был изгнан гермундурами и их вождем Вибиллием, затем был принят Тиберием и отправлен в колонию Нарбонской Галлии Форум Юлиум¹²⁸. Для того чтобы варварские дружины обоих вождей¹²⁹ не нарушали мир в римских провинциях, их разместили по ту сторону Данаувия, между реками Марус и Кузус, и дали им в короли Ванния из племени квадов.

Гл. 88. После ухода римлян и изгнания Маробода Арминий стал стремиться к королевской власти и этим восстановил против себя свой свободолюбивый народ. Арминий взялся за оружие, сражался с переменным успехом и пал жертвою коварства своих родных. Он был, несомненно, освободителем Германии и боролся с римским народом не в начале развития римского могущества, как прочие короли и вожди, а в эпоху наибольшего процветания Римской империи; он не всегда одерживал решительные победы в отдельных сражениях, но во всей войне в целом остался непобежденным. Арминий жил 37 лет, а его могущество продолжалось 12 лет...

Книга IV

Гл. 72. В том же году нарушили мир фризы — зарейнский народ, — и не столько из непослушания, сколько из-за нашей жадности. Принимая во внимание их бедность, Друз наложил на них умеренную подать — поставку бычьих кож для военных надобностей. При этом никто не интересовался толщиной и величиной этих кож, пока примипиларий Оленний, который стал управлять фризами, не избрал в качестве образца кожу зубра.

Это требование, тяжкое и для других племен, было особенно тяжело для германцев [фризов], ибо хотя их леса и полны дикими зверями огромной величины, но их домашний крупный рогатый скот отличается низкорослостью. Таким образом, они лишились сначала самих быков, затем пахотных полей и, наконец, принуждены были отдать в рабство своих жен и детей. Отсюда — негодование и жалобы фризов; а так как им не сделали никаких уступок, то они взялись за оружие. Они схватили римских солдат, занимавшихся сбором податей, и предали их казни на кресте. Оленний спасся бегством от их неистовства и укрылся в крепости Флевум¹³⁰. Там стоял порядочный отряд римских граждан и союзников, охранявший морское побережье.

Гл. 73. Когда об этом узнал Люций Апроний, пропретор провинции Нижняя Германия, он вызвал из провинции Верхняя Германия части легионов и отборные отряды пехоты и конницы из вспомогательного войска, велел тем и другим спуститься вниз по Рейну и повел их в страну фризов; но мятежники уже бросили осаду крепости и ушли защищать свои владения.

[Для усмирения фризов пришлось привлечь еще силы пятого легиона, и оно стоило римлянам значительных жертв. Вслед за описанием битвы с фризами Тацит помещает рассказ о двух характерных инцидентах, разыгравшихся в связи с усмирением восстания.]

...Вскоре после этого¹³¹ перебежчики сообщили, что возле [священной] рощи Бадугенны¹³² девятьсот римлян пало в битве, тянувшейся второй день, и что воины другого отряда в 400 человек, занявшие усадьбу бывшего римского наемника Крупторикса, опасаясь измены, перерезали друг друга.

Гл. 74. В результате фризы прославились среди германцев; Тиберий же скрывал потери, чтобы не быть вынужденным поручить кому-нибудь вести войну...

Книга XI

[В главах 16—17 Тацит набрасывает картину постоянных внутренних усобиц в стране херусков, а также дает понятие о роли вождей и королей в германском племени в середине I века н. э.]

Гл. 16. В том же году¹³³ херуски просили у римлян дать им короля, так как они потеряли всю свою знать в междоусобных войнах и остался лишь один отпрыск королевского рода, Италик, живший в Риме. С отцовской стороны он происходил от Флавия, брата Арминия, а со стороны матери — от Актумера, вождя хаттов; он обладал привлекательной наружностью и хорошо владел оружием и конем и по германскому, и по нашему обычаю. Император снабдил его деньгами, дал ему телохранителей и советовал ему смело добиваться славы, достойной его рода: ведь он первый идет к власти в Германии как уроженец Рима, не как заложник, а как римский гражданин. Сначала он понравился германцам: не причастный к их раздорам, он возбудил во всех одинаковое к себе расположение; они стали его прославлять и почитать, так как всем нравились его ласковость и терпимость; к тому же варварам пришлась по вкусу его склонность к вину и разгулу. Он стал уже знаменит как среди ближайших, так и среди отдаленных племен, как вдруг предводители партий, извлекавшие выгоду из раздоров и подозрительно относившиеся к его могуществу, отправились к соседним народам и стали уверять их, что древняя германская свобода гибнет и что к ним проникает власть римлян. «Неужели уж нет никого, — спрашивали они, — кто мог бы занять место вождя, так что приходится предпочесть всем потомка переребечика Флавия? Напрасно ссылаются на Арминия: если бы даже его сын, выросший во вражеской стране, явился в качестве короля, и то следовало бы опасаться и его, как зараженного иноземными обычаями, привычкой к роскошному столу и услугам рабов. А что, если у Италика образ мыслей его отца? Ведь никто с таким ожесточением не поднимал оружия против своего отечества и богов, как его отец!»

Гл. 17. Такими и подобными им речами они собрали большое войско. Но не меньше приверженцев было и у Италика. Он напомнил, что не вторгся в страну против воли [херусков], а был ими же призван, потому что превосходил всех остальных знатностью: пусть они испытают его доблесть и посмотрят, не окажется ли он достойным своего дяди Арминия или деда Актумера. Ему нечего краснеть и за своего отца, который по желанию германцев снискал дружбу римлян и никогда не нарушал ее. Понятие свободы ложно толкуется теми, кто, являясь вырожденками в частной жизни и губителями государства, надеется лишь на одни раздоры. Народ выразил ему бурное одобрение. В большом сражении, происшедшем между варварами, Италик остался победоносным королем; впоследствии счастливая судьба сделала его очень гордым, и он был изгнан; при помощи лангобардов он вновь восстановил свою власть, причиняя вред херускам как своими удачами, так и неудачами.

Гл. 18. В то время как Корбулон был еще в дороге, хавки, свободные от внутренних раздоров и ободренные смертью Санквиния, произвели набег на Нижнюю Германию¹³⁴ под предводительством Ганнаска, который происходил из племени каннинифатов, служил долго и хорошо в союзных войсках у римлян, затем перешел на сторону неприятеля и стал на своих легких судах заниматься разбоем; особенно опустошал он берега Галлии, так как знал, что галлы богаты и не воинственны. Но Корбулон... переправил триремы по Рейну, а другие, более легкие суда по мелкому морю, избилующему отмелями, и по каналам, затопил неприятельские суда и прогнал Ганнаска. [*Энергичные мероприятия Корбулона, направленные к восстановлению порядка среди легионеров и к организации отпора германцам, оказали, по словам Тацита, воздействие и на тех, и на других.*]

Гл. 19. ...Племя фризов, которое после восстания, начавшегося поражением Л. Апрония, было либо враждебно нам, либо недостаточно преданно, теперь выставило заложников и поселилось на отведенной ему Корбулоном территории. Корбулон дал фризам также сенат, магистратов и законы¹³⁵, а чтобы они не вышли из повиновения, он построил крепость. В то же время он подослал своих людей к большим хавкам

с целью склонить их к покорности и вместе с тем попытаться хитростью извести Ганнаска. Этот коварный прием борьбы, увенчавшийся успехом, нельзя считать безнравственным по отношению к перебежчику и нарушителю верности. Но убийство Ганнаска вызвало волнение среди хавков, и тем самым Корбулон посеял семена непокорности... [*Император Клавдий, однако, не поддержал наступательную тактику Корбулона в Германии и даже отозвал войска из-за Рейна.*]

Гл. 20. Корбулон уже хотел начать постройку лагеря в неприятельской стране, когда он получил этот письменный приказ¹³⁶... [*Он*] подал сигнал к отступлению, но, чтобы солдаты не оставались без дела, приказал им вырыть между Мозой и Рейном канал длиной в 23 римские мили для предохранения [*этой территории*] от неожиданных морских наводнений. Цезарь [Клавдий] даровал ему триумфальные инсигнии¹³⁷, хотя и не позволил ему продолжать войну.

Вскоре после этого он оказал те же почести Курцию Руфу, который на территории племени маттиаков заложил шахты для добывания серебряной руды; однако добыча руды была невелика, и разработка продолжалась недолго. Зато легионерам она причинила немалый вред и стоила большого труда; для того чтобы проводить штольни, им приходилось рыться под землю, между тем как подобная работа очень тяжела даже на поверхности земли...

Книга XII

Гл. 27. Агриппина, которая хотела показать силу [*своего влияния на государственные дела*] даже и союзным племенам, настояла на поселении колонии ветеранов в городе убиев, где она родилась; колония была названа ее именем. Убии — то самое племя, которое в силу случайного стечения обстоятельств было после его перехода через Рейн принято в римское подданство как раз делом Агриппины Агриппой.

В это же время¹³⁸ разбойничьи набеги хаттов вызвали панику в Верхней Германии. Ввиду этого легат П. Помпоний послал вспомогательные отряды вангионов и неметов, к которым он присоединил конницу с флангов, с тем чтобы они либо отрезали путь разбойничьим шайкам, опередив их, либо,

если они рассеялись, незаметно их окружили. Солдаты ревностно взялись за выполнение приказаний полководца; они разбились на два отряда; из них тот, который пошел налево, окружил хаттов вскоре после того, как те вернулись и, пресытившись добычей, спали тяжелым сном. Радость была тем сильнее, что при этом освободили от сорокалетнего рабства кое-кого из потерпевших поражение при Варе.

Гл. 28. Другой отряд, двинувшийся направо и шедший кратчайшими путями, встретился с неприятелем, который решился принять бой и потерпел тяжелое поражение. Солдаты, нагруженные добычей и покрытые славой, вернулись к подножию Таунуса, где их дождался Помпоний с легионами на тот случай, если бы хатты из жажды мщения вызвали римлян на бой. Но хатты, опасаясь, как бы их не окружили с одной стороны римляне, а с другой — херуски, с которыми у них были вечные раздоры, отправили в Рим послов и заложников...

Гл. 29. В это самое время¹³⁹ Ванний, которого Друз поставил королем у свевов, был изгнан из своей страны. В начале своего владычества он пользовался у соплеменников почетом и любовью, но долговременное царствование сделало его гордым, и он стал жертвой ненависти соседей и внутренних раздоров. Зачинщиками были: король гермундуров Вибиллий и сыновья сестры Ванния — Вангион и Сидон. Император Клавдий, несмотря на то, что его часто об этом просили, не произвел вооруженного вмешательства в эти раздоры между варварами, но обещал Ваннию безопасное убежище, если он будет изгнан. Он послал наместнику [провинции] Паннонии Палпеллию Истру письменное приказание поставить на берегу Данувия один легион и набранные в самой провинции вспомогательные войска на помощь побежденным и для устрашения победителей, чтобы они в увлечении успехом не нарушили мира с нами. Ибо бесчисленные массы народа — лугии и другие племена — уже стекались туда, привлеченные слухами о богатствах свевского царства, которые Ванний в течение тридцати лет умножал грабежами и сбором дани. У него же были только собственный отряд пехоты да конница из сарматских языгов — силы, не равные численно превосходящему его неприятелю; поэтому он решил защищаться в крепостях и затягивать войну.

Гл. 30. Но языги, не имея терпения выдерживать осаду, разбежались по окрестным равнинам и тем самым сделали сражение неизбежным, потому что вследствие этого туда¹⁴⁰ вторглись лугии и гермундуры. Поэтому Ванний покинул крепости, но сражение он проиграл — впрочем, проиграл его со славою, так как лично участвовал в нем и был ранен спереди, [*a ne сзади*]¹⁴¹. Затем он нашел убежище на судах [*римского*] флота, стоявшего на Данувии¹⁴². За ним вскоре последовали [*его*] клиенты, которые, получив наделы пахотной земли, были поселены в Паннонии. Царство [*Ванния*] поделили между собою Вангион и Сидон, которые держали себя по отношению к нам очень хорошо; а их подданные — вследствие ли свойств своей собственной природы, или же в силу природы самого рабства — очень любили их, пока они добивались власти, но столь же сильно стали их ненавидеть, после того как они ее достигли.

Книга XIII

[Эти главы содержат характерный рассказ о борьбе фризов, а затем амписвариев за обладание пустующей полосой вдоль правого берега Рейна. Речь идет, по-видимому, о прибрежной полосе земли между реками Липпе и Иссель.]

Гл. 54. В результате длительного бездействия римских войск распространился слух, будто у легатов отнято право вести их на врага¹⁴³. Поэтому фризы, переправив юношей через лесистые горы и болота, а небоеспособных стариков по озерам¹⁴⁴, приблизились к берегу Рейна и заняли пустовавшие территории, отведенные в пользование римским солдатам. Предводителями фризов были Веррит и Малориг, которые управляли этим племенем, поскольку германцами вообще можно управлять. Фризы уже построили дома, засеяли пахотные поля и стали обрабатывать их как землю своей родины, как вдруг римский наместник провинции Нижняя Германия и преемник Паулина Дубий Авит под угрозой насилия потребовал от фризов, чтобы они ушли на свою прежнюю территорию или попросили у императора новых мест для поселения и тем самым вынудил Веррита и Малорига взять на себя ходайство по этому делу [*Веррит и Малориг самолично отправи-*

лись в Рим к Нерону]... Нерон даровал им обоим права римского гражданства, но приказал фризам очистить занятую ими территорию. А когда они отказались подчиниться этому приказу, то внезапно напавшая на них союзническая конница¹⁴⁵ заставила их силою выполнить его; тех, кто оказывал наиболее упорное сопротивление, брали в плен или убивали.

Гл. 55. [*Вслед за тем*] ту же территорию заняли амписварии, которые были сильнее [*фризов*] не только своей многочисленностью, но и сочувствием соседних племен, ибо амписварии, изгнанные хавками, не имели собственной территории и искали только безопасного места жительства и надежного убежища на чужбине. Ими предводительствовал знаменитый среди этих племен и верный нам Бойокал. «Во время восстания херусков, — говорил он, — я был закован в кандалы по повелению Арминия, затем служил под начальством Тиберия и Германика, а теперь готов увенчать мою пятидесятилетнюю службу подчинением моего племени римскому подданству. Какой [*небольшой*] частью [*отведенной римлянам*] земли пользуются римские солдаты, которые лишь иногда прогоняют по ней свой мелкий и крупный скот! Пусть бы они уж сохраняли эти земли для стад, несмотря на голод среди людей; только бы не предпочитали они пустыни соседству дружественных народов! Эти пахотные поля принадлежали некогда хамавам, потом тубантам, а затем узипам. Подобно тому как небо предназначено для богов, так земля создана для смертного людского рода: пустующая земля есть общее достояние». Затем, обращаясь к солнцу и прочим светилам, он как бы лично вопрошал их, неужели они захотят созерцать бесплодную землю? «Нет, скорее они затопят ее водою и направят морские волны против похитителей земли!»

Гл. 56. Задетый этой речью Дубий Авит ответил, что следует терпеливо подчиняться власти сильнейших; [*ведь*] богам, к которым взывали амписварии, угодно было устроить так, чтобы за римлянами оставалось право решать, что давать и что отнимать, и чтобы они не терпели никаких других судей, кроме самих себя. Так он ответил всему племени амписвариев, а самому Бойокалу он обещал дать земли во внимание к его дружбе с римлянами. Но Бойокал отверг это предложение, как плату за измену, и прибавил: «У нас нет

земли, чтобы жить, но умереть найдется место!» И обе стороны разошлись раздраженные. Амписварии призвали бруктеров, тенктеров и более отдаленные племена к совместной войне с римлянами. Авит написал Куртилию Манцию, легату верхнегерманской армии, чтобы тот перешел через Рейн и зашел в тыл неприятелю, а сам ввел свои легионы в страну тенктеров и пригрозил им разорением, если они не отступятся от союза [*с амписвариями*]. Когда тенктеры [*в результате этой угрозы*] отпали от союза, то и бруктерами овладел такой же сильный страх. А так как и остальные племена отказались защищать чужие интересы, то амписварии остались в одиночестве и повернули обратно к узипам и тубантам. Изгнанные и из их страны, они просили пристанища у хаттов, затем у херусков; они блуждали долго, сначала в качестве гостей, затем стали нищими и, наконец, сделались всем врагами. Их юношество было перебито на чужбине, а небоеспособных стариков поделили в качестве добычи. В то же лето¹⁴⁶ произошло большое сражение гермундуров с хаттами из-за богатой солью пограничной реки¹⁴⁷, которую каждое из этих племен стремилось силою отвести [*на свою территорию*]. Кроме склонности решать все споры оружием, тут действовала и другая причина — верование, что подобные места ближе всего к небу и что боги ниоткуда так хорошо не внемлют молитвам смертных, как именно отсюда. Поэтому по милости богов в этой реке и в этих лесах родится соль не так, как у других народов, в результате испарения морской воды, а из сочетания враждебных стихий, огня и воды; ибо для добывания соли здесь льют воду на горящие деревья¹⁴⁸. Война была удачна для гермундуров, но для хаттов она оказалась тем более пагубной, что [*обе стороны*] на случай победы посвятили вражеское войско Марсу и Меркурию, а в силу этого обета [*победители гермундуры*] должны были истребить воинов и лошадей и вообще все живое [*в племени хаттов*].

Гл. 57. Союзную нам страну убиев постигло неожиданное бедствие: огонь, извергшийся из земли, поглотил усадьбы, пахотные поля и деревни и перекинулся на стены недавно основанной колонии¹⁴⁹...

ИСТОРИИ

«Истории» («Historiae»), написанные Тацитом, вероятно, несколько раньше «Анналов», составляют по содержанию продолжение этих последних и охватывают период с 69 по 96 год — год смерти императора Домициана. Из 14 книг этого труда до нас дошли лишь первые четыре и около половины пятой книги. Материал о германцах содержится в IV и V книгах, где дано подробное описание батавского мятежа 69–70 годов (IV, 12–37; IV, 54–79; V, 14–26). Уже самая подробность и точность этого описания — помимо других аргументов — побуждают исследователей считать его источником утраченный труд Плиния Старшего «Анналы», законченный им в 70-х годах и обнимающий период от Нерона до Веспасиана (с подробным изложением хода батавского мятежа).

Плиний пользовался сообщениями участников войны с батавами и трудами анналистов. Тацит, конечно, тоже мог использовать эти данные — наряду с «Анналами» Плиния. Он подвергал критическому пересмотру весь имевшийся в его распоряжении материал и сводил его воедино.

[С 69 года предводитель батавов Цивилис воспользовался рядом благоприятных обстоятельств — внутренними неурядицами Римской империи, где в течение полутора лет сменилось четыре императора (Гальба, Оттон, Вителлий и Веспасиан), а также недовольством среди германцев притеснениями со стороны римлян — и поднял большое восстание, в котором принял участие целый ряд германских и галльских племен. Об этом восстании Тацит рассказывает подробно в IV и V книгах «Историй».]

Гл. 12. ...Пока батавы жили по ту сторону Рейна, они составляли часть племени хаттов; изгнанные в результате внутренних раздоров из своей родины, они заняли крайнюю [северо-восточную] часть морского побережья Галлии, до тех пор лишенную обитателей, а также расположенный недалеко от нее остров, спереди омываемый Океаном, а сзади и с двух других сторон — Рейном¹⁵⁰. Несмотря на союз с более могущественным народом — римлянами, — батавы не потеряли былую мощь и должны были только поставлять Риму воинов и оружие. Пройдя длительную выучку в войнах римлян с гер-

манцами, они заслужили еще большую славу в Британии, куда были посланы их когорты, которыми предводительствовали по старинному обычаю самые знатные члены племени. У себя дома они имели отборную конницу, которая была особенно искусна в плавании и могла переправляться через Рейн сомкнутыми отрядами на конях и в полном вооружении.

Гл. 13. Юлий Павл и Юлий Цивилис, оба из королевского рода, стояли много выше всех остальных. Павла велел убить Фонтей Капитон по ложному обвинению в бунте; Цивилиса заковали в кандалы и отправили к Нерону; Гальба освободил его, но при Вителлии ему снова стала угрожать опасность, ибо войско требовало его казни; вот почему он стал ненавидеть римлян и сделал ставку на неудачи римского оружия. Обладая, однако, большей живостью ума, чем это обычно свойственно варварам, и вообразив себя вторым Серторием или Ганнибалом, потому что его лицо было так же обезображено, как у них¹⁵¹, Цивилис не хотел, чтобы с ним боролись как с врагом, что случилось бы, если бы он открыто отложился от Рима; поэтому он объявил себя другом Веспасиана и сторонником его партии...

Гл. 14. Решившись отпасть от Рима, но скрывая до поры до времени свою конечную цель, с тем чтобы предпринять дальнейшие шаги в зависимости от хода событий, Цивилис следующим образом начал готовить восстание.

По приказанию Вителлия боеспособное батавское юношество было призвано к несению военной службы, что было уже само по себе обременительно, но становилось еще более тягостным вследствие жадности и злоупотреблений римских чиновников, которые призывали стариков и инвалидов, а затем отпускали их за деньги. Цивилис под предлогом пира созвал в священную рошу знатнейших лиц в племени и храбрейших из народа...

[На этом тайном совещании Цивилис произнес речь, в которой обратился к собравшимся с призывом начать войну против Рима.]

Гл. 15. Выслушанный с большим вниманием Цивилис взял с собравшихся клятву верности согласно обычаям варваров и в соответствии со старинными формулами присяги. Затем он послал послов к каннинефатам, чтобы сообщить им пла-

ны батавов. Это племя занимает часть [*Батавского*] острова и по происхождению, языку и храбрости родственно батавам, но уступает им по численности. После этого он через тайных гонцов привлек на свою сторону британские вспомогательные отряды, то есть батавские когорты, которые, как мы выше упомянули, были посланы [*из Британии*] в Германию и в это время находились в Могонциаке. В племени каннинифатов был человек безумной доблести по имени Бринно; он выделялся своим знатным происхождением; его отец позволял себе много враждебных выходок против римлян и безнаказанно высмеивал курьезный поход Гая Калигулы [*в Германию*]¹⁵².

Поэтому он понравился [*каннинифатам*] уже в силу репутации его мятежного рода; по германскому обычаю его подняли на щит, покачали на плечах поднявших его людей и избрали вождем. Бринно сейчас же поднял зарейнское племя фризов и напал на зимний лагерь двух когорт на берегу Оксана. Римские солдаты не ждали нападения врагов; да если бы даже они и предвидели его, то не были бы в состоянии отразить неприятеля; поэтому лагерь был взят и разграблен. Затем германцы напали на странствующих римских маркитантов и купцов, которые, как и в мирное время, бродили по всей стране. Вместе с тем они [*германцы*] стремились к уничтожению римских укреплений. Так как защищать их было невозможно, то префекты когорт подожгли их...

Гл. 16–17. [*После того как Цивилис при помощи перешедших на его сторону тунгров и батавских матросов одержал победу над римлянами, захватил оружие и суда и заключил союз с рядом галльских племен, он обратился к восставшим с речью, в которой призывал их к продолжению войны за свободу. Цель Цивилиса Тацит формулирует так:*]

Гл. 17. Внимательно следя за ходом дел в Галлии и Германии, он достиг бы в случае успеха королевской власти над сильнейшими и богатейшими народами.

Гл. 18. [*В этой главе Тацит описывает приготовления Цивилиса к сражению с римлянами и ход этого сражения.*] Цивилис велел разместить вокруг себя знамена взятых в плен когорт, для того чтобы его воины имели перед глазами трофеи недавней победы, а враги почувствовали страх при воспоминании о поражении. Он приказал своей матери и сестрам, а так-

же всем женам [воинов] и маленьким детям оставаться в тылу у сражающихся, чтобы поощрять их к победе и пристыжать отступающих. В то время как по всей боевой линии [германцев] раздавалось пение мужчин и завывание женщин, легионы и когорты не отвечали боевыми криками равной силы.

Левый фланг римского войска обнажил батавский отряд, перешедший на сторону неприятеля и тотчас же выступивший против римлян. Но легионеры, несмотря на тяжелое положение, сохранили боевой порядок, в то время как вспомогательные отряды убисов и тревсров обратились в позорное бегство и, расстроивши свои ряды, бродили по всему полю битвы. На них набросились германцы, а легионеры тем временем укрылись в лагере Ветера. Начальника батавского эскадрона Клавдия Лабеоны, который был соперником Цивилиса в городской партийной борьбе, Цивилис отослал в страну фризов, ибо его убийство вызвало бы недовольство среди соплеменников, а если бы он остался, то стал бы сеять семена раздора.

Гл. 19–21. *[Война батавов с римлянами перекрещивается с гражданской войной между сторонниками Вителлия и Веспасиана.]*

После того как на сторону Цивилиса перешли три батавские вспомогательные когорты, вызванные из Британии в Могонциак, Цивилис привел их к присяге Веспасиану и отправил послов к двум легионам, стоявшим в лагере Ветера, с требованием принять ту же присягу. Но когда легионеры — сторонники Вителлия — заявили послам Цивилиса о своем отказе выполнить это требование и о своем намерении наказать Цивилиса как перебежчика, Цивилис принял решительные меры.]

Гл. 21. ...Воспылав гневом, он призвал к оружию все племя батавов. К ним примкнули бруктеры, тенктеры и вся Германия, подстрекаемая вестниками к войне за добычу и славу.

[В гл. 22–23 Тацит изображает осаду римского лагеря Ветера батавами.]

Гл. 22. Ввиду того что война таким образом угрожала с разных сторон, легаты Муний Луперк и Нумизий Руф укрепили вал и стены [лагеря Ветера]. Здания, выстроенные за время долгого мира недалеко от лагеря и составившие нечто вроде муниципия, были снесены, чтобы они не послужили на

пользу неприятелю. Но плохо позаботились о доставке в лагерь припасов и предметов первой необходимости¹⁵³...

Цивилис, занявший с основным ядром батавского войска центральную часть боевой линии, чтобы еще более устроить римлян, наводнил оба берега Рейна отрядами германцев, в то время как его конница должна была ринуться [*на лагерь*] через равнину; вместе с тем корабли плыли вверх по реке... Надежду осаждавших увеличивали обширные размеры вала, который был воздвигнут в расчете на два легиона, но [*в данный момент*] охранялся силою не более 5000 вооруженных римских воинов.

Но сюда после разрыва мирных сношений собралось множество маркитантов, которые тоже могли быть использованы для военных надобностей.

Гл. 23. Лагерь частью поднимался по отлогому склону холма, а частью был доступен со стороны равнины. Август думал, что именно этот зимний лагерь поможет держать в подчинении Германию, и не допускал возможности такой беды, чтобы германцы сами пришли осаждать [*находящиеся в нем*] римские легионы. Поэтому [*римляне*] не старались особенно улучшить позицию или усилить укрепления. Казалось, что одной силы оружия будет достаточно. Батавы и зарейнские племена быстро выстроились так, что каждое племя стояло отдельно — таким образом яснее обнаруживались различия в доблести племен, — и стали издали наносить удары. Но так как их стрелы большей частью безрезультатно застревали в башнях и зубцах стен, а сверху им наносили раны камнями, то они с криком бросились штурмовать лагерь, причем многие приставили лестницы, а некоторые влезали по деревянным навесам своих товарищей. Кое-кто уже чуть было не вскарабкался наверх, как вдруг [*германцев*] стали сталкивать вниз мечами и щитами и осыпать их кольями и дротиками...

Но на этот раз жажда добычи помогла им переносить даже неудачу. Они осмелились взяться даже за непривычное им дело постройки машин. У них самих нет никакой изобретательности: перебежчики и пленные научили их строить нечто вроде моста из бревен и затем передвигать его на колесах; таким образом одни, стоявшие наверху, могли сражаться как бы с верхушки вала, а другие, спрятанные внутри построй-

ки, могли подрывать стены. Но камни, которые стали бросать наши баллисты, разрушили это бесформенное сооружение...

Наконец, они отказались от штурма и решили выждать, зная, что в лагере осталось провианта всего на несколько дней и что там много небоеспособных.

Гл. 26. [*Указывая на причины недовольства среди римских легионеров, Тацит изображает в то же время картину засухи в Германии.*]

Многое ожесточало мятежные умы: недостаток в жалованье и хлебе, отказ галльских провинций поставлять войско и платить подати, а также то обстоятельство, что Рейн вследствие необычайной в том климате засухи стал почти несудоходным и подвоз провианта был скуден; наконец, и то, что по всему берегу были расставлены сторожевые посты, которые должны были препятствовать переходу германцев [*через реку*] вброд, а это увеличило число потребителей и тем самым еще уменьшило количество хлеба.

Гл. 27. Случилось, что германцы хотели перетащить на свой берег судно, нагруженное хлебом и севшее на мель недалеко от лагеря¹⁵⁴.

Геренний Галл не желал этого допустить и послал на помощь когорту; число германцев также росло, к ним прибывало все больше подкреплений, и завязалось правильное сражение. Перебив много наших солдат, германцы утащили судно...

Гл. 28. Между тем вся Германия огромными подкреплениями умножала силы Цивилиса; союз был скреплен самыми знатными заложниками. Цивилис велел опустошить территорию убиев и треверов тем из своих союзников, к кому они жили ближе, а другому отряду приказал перейти через Мозу, чтобы потревожить менапиев, моринов и крайние области Галлии¹⁵⁵. И здесь, и там была захвачена добыча, но с большим ожесточением грабили убиев, ибо это племя германского происхождения отреклось от своего народа и было названо римским именем агриппинцев. Их когорты, не думавшие об опасности, так как они стояли далеко от Рейна, были перебиты в деревне Маркодурум. И убии, со своей стороны, не упустили случая захватить добычу из Германии; вначале [*им удавалось делать это*] безнаказанно, но затем они были окружены батавами; да и вообще во всей этой войне их верность нам бы-

ла больше, чем их военное счастье. Победа над убиями усилила военную мощь Цивилиса, да и сам он под влиянием успеха стал воинственнее и отважнее; а потому он еще энергичнее принялся за осаду легионов [*в лагере Ветера*] и усилил сторожевые посты, чтобы к осажденным не могли проникнуть тайные известия о том, что скоро подоспеет помощь. Постройку военных машин и осадных орудий Цивилис предоставил батавам, а жаждущим битвы зарейнским германцам он велел разрыть вал; когда их сбросили оттуда, он приказал возобновить бой, так как он превосходил своих противников численностью войска и потому легко мог перенести потери.

Гл. 29—32. [*В то время как Цивилис продолжал безуспешную осаду лагеря Ветера, сторонники Веспасиана одержали победу над своими противниками и известили об этом Цивилиса, предлагая ему перестать прикрываться уже ненужной защитой Веспасиана, оставить свои враждебные Риму намерения и отказаться от дальнейшего участия в мятеже. Цивилис ответил на это предложение следующим образом.*]

Гл. 32. ...Он стал жаловаться [*и рассказывать*] об опасностях, которым он в течение двадцати пяти лет подвергался на римской службе, а затем сказал: «Прекрасную награду получил я за мои труды: казнь моего брата, кандалы и кровожадные возгласы воинов [*в лагере Ветера*], требовавших моей казни; за это и я в свою очередь требую удовлетворения согласно принятым у народов законам и обычаям. А вы, треверы и прочие рабские души, какой награды ждете вы за то, что вы так часто проливали вашу кровь, кроме ненавистной военной службы, вечных поборов, розог, секир и капризов ваших господ? Посмотрите-ка: вот я — префект одной только когорты, вместе с каннинефатами и батавами, составляющими лишь незначительную часть населения Галлии, мы разрушили эти обширные пустые лагеря или заперли в них [*римлян*] силою оружия и [*морим их*] голодом. И в конце концов следствием нашей решимости будет либо свобода, либо то, что в случае поражения мы останемся тем, чем были».

Гл. 33—34. [*После того как Цивилис потерпел поражение в столкновении с легатом 22-го легиона Вокулой, ему пришлось временно снять осаду с лагеря Ветера. Изображая продвижение армии Вокулы, Тацит замечает:*]

Гл. 34. ...Вместе с тем опустошение страны и пламя пожаров от горящих хуторов давали знать о приближении победоносного [римского] войска...

Гл. 35. Ничто так не изнуряло наши войска, как недостаток провианта. Поэтому был послан в Новезий обоз легионов с толпой небоеспособных людей, чтобы привезти оттуда хлеб сухим путем, так как река [Рейн] была в руках неприятеля. Первая партия с хлебом прошла благополучно, так как Цивилис еще не успел вполне оправиться [от поражения]. Но когда он узнал, что в Новезий вторично посланы фуражиры и что данные им в качестве прикрытия когорты движутся словно в самые мирные времена — лишь кое-где солдаты находятся около знамен, оружие везут в повозках и все идут вразброд [без определенного порядка], — то он напал на них правильно выстроенными рядами, заняв предварительно при помощи посланных вперед людей мосты и узкие проходы¹⁵⁶.

Сражение разыгралось на очень далеко растянувшейся боевой линии и шло с переменным успехом, пока ночь не прекратила его...

Гл. 36—37. [Цивилис вновь обложил лагерь Ветера и взял Гельдубу. Вокула отступил в Новезий, где солдаты 1-, 4- и 22-го легионов подняли мятеж, который, однако, быстро был усмирен, после чего эти легионы пошли под начальством Вокулы освобождать от осады Могонциак.]

Гл. 37. ...Но осаждавшие — смешанное войско из хаттов, узипетов и маттиаков — уже разошлись, удовлетворив свою страсть к добыче, правда, не без кровавых потерь, ибо римские солдаты напали на них, когда они рассеялись по дороге и не ожидали нападения...

Гл. 55. [После убийства Гордеония Флакка, главнокомандующего верхнегерманской армией] начался обмен послами между Цивилисом и Классиком, начальником конницы треверов. Классик превосходил остальных знатностью и богатством: он был из королевского рода, прославившегося в войне и мире, и сам любил хвастать тем, что среди его предков больше врагов, чем друзей Рима. К нему примкнули Юлий Тутор и Юлий Сабин: первый — тревер, второй — лингон...

Разузнав путем тайных бесед настроение остальных и связав соучастием тех, кто казался им наиболее пригодным

к этому, они¹⁵⁷ собрались в одном из частных домов в Агриппинской колонии; ибо колония в целом стояла в стороне от подобных предприятий. Впрочем, в числе заговорщиков были и несколько убиев и тунгров, хотя главную роль играли треверы и лингоны...

Гл. 56. [*Вокула, стремившийся добиться раскола в среде батавов, направился в Агриппинскую колонию.*] Туда бежал, подкупив стражу, Клавдий Лабеон, которого, как было выше упомянуто, Цивилис велел схватить и выслать в страну фризов, чтобы он не мог поддерживать связь [*со своими сторонниками*].

Лабеон обещал, если ему дадут охрану, отправиться к батавам и вновь привлечь к союзу с римлянами лучшую часть этого племени; ему дали небольшой отряд пехоты и конницы, но он не решился что бы то ни было предпринять у батавов, а лишь побудил взяться за оружие кое-кого из нервиев и бэтазиев, да [*несколько раз*] напал на каннифатов и марсаков, и то больше внезапными набегами, чем в открытой войне.

Гл. 60. [*Голод вынудил осажденных в лагере Ветера сдать-ся и отправить к Цивилису послов с просьбою пощадить жизнь сдавшихся на милость победителя.*]

Тогда Цивилис поставил условием разграбление лагеря и дал послам телохранителей, которые должны были удержать за ним деньги, слуг и движимое имущество в лагере, а также других — для сопровождения уходящих налегке из лагеря римлян. Примерно возле пятого камня (то есть на расстоянии пяти римских миль¹⁵⁸) германцы вдруг выскочили из засады и напали врасплох на двигавшееся без всяких предосторожностей римское войско. Те, кто оказал наибольшее сопротивление, пали на месте; многие были убиты во время бегства; остальные убежали обратно в лагерь. Правда, Цивилис сожалел о случившемся и порицал германцев за коварное нарушение слова. Но трудно установить, было ли это притворство, или он действительно не в силах был удержать разъярившихся германцев.

Разграбив лагерь, они подожгли его; тех, кто вышел живым из битвы, поглотил огонь.

Гл. 61. Цивилис, который, согласно обычному варварскому обету, начав войну с римлянами, отрастил себе волосы, выкрасив их в красный цвет, — теперь, после разгрома легионов,

отрезал их; рассказывали, кроме того, что он предоставил своему маленькому сыну некоторых пленных в качестве мишени для его детских стрел и метательных копий. Однако Цивилис не присягнул на верность Галлии и никого из батавов не привел к этой присяге, так как он полагался на силы германцев и считал, что в случае войны с галлами за обладание властью его слава окажется достаточно громкой и он будет сильнее их.

Начальника легиона Муния Луперка он отправил в числе других даров в подарок Веледе. Эта дева из племени бруктеров имела большое и широко распространенное влияние в силу древнего германского обычая, согласно которому многие женщины считались прорицательницами, а иногда, вследствие еще большего суеверия, и богинями. Как раз теперь авторитет Веледы возрос, потому что она предсказала успех германцев и поражение легионов. Но Луперк был убит [*по дороге к ней*].

Лишь немногие центурионы и трибуны и притом уроженцы Галлии были оставлены [*в живых*] в качестве залога верности союза. Зимние лагеря когорт — конных эскадронов и легионов — были разрушены и сожжены; только те, что расположены были в Могонциаке и Виндониссе, остались целы.

Гл. 62. ...Когда разнесся слух о пленении легионов, все, кто еще недавно трепетал при одном имени римлян, выбежали со своих полей и из своих жилищ и, стекаясь со всех сторон, вволю наслаждались необычайным зрелищем. Пицентинский конный отряд не мог вынести радости издевавшейся черни и, не обращая внимания на обещания и угрозы Санкта¹⁵⁹, направился к Могонциаку.

Гл. 63. Цивилис и Классик, гордые успехом, подумывали, не отдать ли Агриппинскую колонию на разграбление своим войскам. Жестокость характера и жажда добычи склоняли их к разрушению города, но их удерживали соображения стратегического порядка, а также то обстоятельство, что основателям новой державы репутация милосердия могла бы принести пользу. Цивилиса останавливало еще и воспоминание об [*оказанном ему*] благодеении: когда его сын в самом начале восстания был задержан в Агриппинской колонии, то его охраняла там почетная стража. Но зарейнским племенам город был ненавистен своим богатством и процветанием. Они

не представляли себе другого результата войны, как либо превращение его в место для поселения), доступное всем германцам, либо его разрушение, вследствие которого и убиенные должны были бы рассеяться в разные стороны.

Гл. 64. Поэтому тенктеры, племя, отделенное [от убиен] Рейном¹⁶⁰, отправили к ним послов с поручением изложить предложения тенктеров в народном собрании агриппинцев. Самый решительный из послов высказал эти предложения в следующих словах:

«За ваше возвращение в состав Германии и за восстановление германского названия вашего племени¹⁶¹ мы благодарим наших общих богов и особенно Марса¹⁶², а вас поздравляем с тем, что вы наконец будете свободны среди свободных. Ибо вплоть до сегодняшнего дня римляне держали запертыми реки, землю и даже самое небо, чтобы препятствовать нам сноситься друг с другом и собираться вместе, или же — что еще оскорбительнее мужам, рожденным для войны, — разрешали нам сходиться с вами лишь безоружными, почти голыми, под стражей и за плату¹⁶³.

Но для того чтобы наша дружба и союз с вами оставались нерушимыми на вечные времена, мы хотим, чтобы вы снесли стены колонии, этот ошлот рабства, — ведь даже дикие звери теряют свою силу, если их держат взаперти, — и перебили всех римлян в нашей стране: не легко уживаются свобода и властители! Имущество убитых пусть станет общим достоянием, чтобы никто не мог ничего прятать или отделять свои интересы от общих. И нам, и вам должно быть позволено жить на обоих берегах [Рейна], как это было некогда при наших предках: подобно тому как природа сделала дневной свет доступным всем людям, так она оставила все земли открытыми для храбрых мужей. Вернитесь к образу жизни и обычаям ваших отцов, вырвитесь из [сетей] соблазна, при помощи которого римляне властвуют над покоренными больше, чем силою оружия! Как здоровый и неиспорченный народ, забывший о рабстве, вы будете равны другим [племенам] или станете господствовать над ними».

Гл. 65. Агриппинцы попросили дать им время для обсуждения [этого предложения], а так как они не могли принять эти условия из страха перед будущим и не в состоянии были от-

крыто отвергнуть их при создавшемся в данный момент положении, то они дали следующий ответ:

«Первую же представившуюся нам возможность стать свободными мы использовали с большей горячностью, чем осторожностью, — для того чтобы воссоединиться с вами и другими германцами, нашими кровными родичами. Но как раз теперь, когда римляне стягивают большие войска, нам надо в целях безопасности скорее укреплять стены [*нашего*] города, чем разрушать их. Если какие-либо чужеземцы из Италии или провинций и жили в наших владениях, то они либо погибли, либо бежали каждый на свою прежнюю родину. А для тех, которые давно поселены здесь и породнились с нами путем заключения браков, и для всех тех, которые вскоре родились от этих браков, наша страна является отечеством; мы не думаем, что вы настолько несправедливы, чтобы ожидать от нас, что мы перебьем наших собственных родителей, братьев и детей. Пошлину и препятствия к торговым сношениям мы отменим; разрешен будет переход [*через Рейн*] и без надзора, но днем и без оружия до тех пор, пока новые права не станут со временем привычными. Посредниками изберем Цивилиса и Веледу, при участии которых договор получит действительную силу».

Успокоив таким образом тенктеров, убии отправили послов с подарками к Цивилису и Веледе; послы устроили все согласно желанию агриппинцев. Но посетить Веледу и говорить с нею им не позволили; им не разрешили и видеть ее, чтобы тем больше было благоговение перед ней. Она жила в высокой башне. Избранное лицо из числа ее сородичей передавало вопросы и ответы, подобно вестнику божества.

Гл. 66. Усилившись благодаря союзу с агриппинцами, Цивилис решил привлечь на свою сторону ближайшие племена, а в случае сопротивления с их стороны покорить их силою. Но когда он занял территорию сунуков и сформировал их [*боеспособную*] молодежь в когорты, то его дальнейшему продвижению оказал сопротивление Клавдий Лабен с наскоро набранными отрядами бэтазиев, тунгров и нервиев; Лабен полагался на выгодность своей позиции, ибо он перед этим занял мост через Мозу¹⁶⁴. Сражение разыгралось на ограниченном пространстве¹⁶⁵ и шло с переменным успехом, пока германцы не переплыли реку и не атаковали Лабена с ты-

ла. В тот же момент Цивилис, движимый отважным дерзанием или по уговору, ворвался в ряды тунгров и воскликнул: «Не для того мы начали войну, чтобы батавы и треверы господствовали над [остальными] племенами: мы далеки от подобных притязаний. Будьте нашими союзниками: я перехожу к вам, независимо от того, хотите ли вы иметь меня в качестве вождя или солдата!» Простые воины заколебались и вложили мечи в ножны; а тем временем Кампан и Ювенал, принадлежавшие к знатнейшим среди племени тунгров, привели в подчинение [Цивилиса] весь свой народ. Лабеон бежал, прежде чем его успели окружить. Цивилис присоединил к своим войскам принятых в союз тунгров и нервиев; он был на вершине своего могущества, ибо народы либо боялись его, либо добровольно склонялись на его сторону.

Гл. 70. [Тацит подчеркивает, что в момент раскола, наметившегося в среде участников батавского мятежа ввиду консолидации боевых сил римлян, даже у вождей восставших] не было единого плана действий: Цивилис бродил по пустынным областям провинции Белгики, стремясь поймать или прогнать Клавдия Лабеона; Классик большей частью предавался лени и коснел в бездействии, словно он уже достиг обладания высшей властью; даже Тутор не поспешил [своевременно] преградить военными отрядами переходы через Рейн [в пределах] провинции Верхняя Германия и запретить ими альпийские проходы...

[Благодаря такой непредусмотрительности мятежников 21-й легион прорвался через Виндониссу, а вспомогательные войска — через Рецию.]

[Одним из вспомогательных отрядов конницы] командовал Юлий Бригантик, сын сестры Цивилиса, ненавистный своему дяде и ненавидевший его такой жгучей ненавистью, которая обычно бывает только среди близких родных...

[В результате этих разногласий между восставшими и бездеятельности их руководителей вождь треверов Тутор потерпел поражение от римлян. В этот момент в Могонциаке прибыл римский полководец Петилий Цериалис, который усмирил треверов и лингонов. В обращенной к ним речи он сказал между прочим следующее:]

Гл. 73. «...Достаточно известно, сколько сражений мы имели с кимврами и тевтонами, сколько труда было положено нашими войсками и каков был исход наших войн с германцами. И не для того, чтобы защитить Италию, заняли мы [линию] Рейна, а для того чтобы новый Ариовист не захватил господство над Галлией. Или вы думаете, что вы дороже Цивилису, батавам и зарейнским германцам, чем ваши отцы и деды были их предкам? Переход германцев в Галлию всегда имеет одну и ту же причину: необузданность желаний, жадность и склонность к перемене местожительства; они хотят, покинув свои болота и пустыри, завладеть [вашей] плодороднейшей землей и вами самими; при этом они прикрываются стремлением к свободе и громкими словами; но все, когда-либо домогавшиеся порабощения других и господства над ними, пускали в ход эти самые слова».

Гл. 75. [*После того как Цериалис окончательно занял колонию Аугуста Треверорум, разногласия между руководителями восстания стали еще острее.*]

Гл. 76. В среде германцев шла борьба различных точек зрения: Цивилис [советовал] подождать [прибытия] зарейнских племен; уstraшенные ими рейнские войска могли бы быть уничтожены... [*Тутор был обратного мнения о германцах:*] «...Германцами, на которых возлагаются такие надежды, нельзя ни командовать, ни управлять; они во всем действуют самовольно; а деньги и подарки, — единственное средство привлечь их на свою сторону, — имеются у римлян в большем количестве [нежели у нас]...»

Гл. 76—77. [*В этом споре одержал верх Тутор, к которому присоединился Классик, и мятежники тотчас же, не дожидаясь прибытия зарейнских германцев, произвели нападение на римский лагерь в Аугуста Треверорум.*]

Гл. 78. Тутор, Классик и Цивилис, каждый на своем месте, поддерживали боевой дух, призывая галлов бороться за свободу, батавов — за славу, а германцев — за добычу... [*Тем не менее сражение было ими проиграно, несмотря на благоприятное начало.*] ...Германцам, уже начавшим было одерживать победу, помешала безобразная драка в их собственных рядах: оставив врага, они погнались за добычей...

Гл. 79. Агриппинцы обратились [к римлянам] с просьбой о помощи и предлагали им выдать жену и сестру Цивилиса и дочь Классика, которые были оставлены у них в залог союза. А тем временем они устроили резню германцев в домах¹⁶⁶. Отсюда — страх [убиев] и их вполне обоснованные просьбы о помощи... [Цивилис надеялся на прибытие подкреплений, в частности в лице когорты из хавков и фризов, стоявшей в Тольбиаке] ...Но его лишило [этой надежды] печальное известие, что эта когорта уничтожена коварством агриппинцев, которые, усыпив германцев вином и обильными яствами, заперли двери и сожгли их, поджегши [дом]; а тем временем быстрым маршем подоспел на помощь Цериалис... [После этого произошло несколько стычек между отдельными племенами, перешедшими на сторону римлян, и участниками мятежа. В этих стычках мятежники иногда одерживали верх над римлянами, но исход их в целом остался неопределенным.]

Книга V

Глава 14. [После битвы при Аугуста Треверорум Цивилис набрал в Германии новые подкрепления и занял лагерь Ветера, к которому подошел и Цериалис.] ... Столкновению [между Цивилисом и Цериалисом] мешала широкая равнина, болотистая в силу естественных условий; а тут еще Цивилис преградил Рейн [искусственным] сооружением, так что река, встретив препятствие [на своем пути], отступила назад и залила окрестности.

Такова была конфигурация местности; трудность различения отмелей делала ее обманчивой и неблагоприятной для нас: ибо римские воины тяжело вооружены и [поэтому] страшатся пускаться вплавь; германцам же, привыкшим к рекам, легкость их вооружения и гибкость тел помогает держаться на поверхности воды.

Гл. 15. Вызванные [на бой] батавами, храбрейшие из наших начали сражение, но затем в их рядах произошло замешательство, потому что в необычайно глубоких болотах стало тонуть оружие и лошади. Германцы перепрыгивали с места на место по хорошо известным им отмелям... [Римляне потерпели в этой схватке поражение.]

Гл. 17. [*На следующий день, перед предстоящим новым и более серьезным сражением с римлянами, Цивилис призывал свои войска не страшиться воспоминаний о поражении при Аугуста Треверорум.*]

«Там германцам помешала их собственная победа: побросав стрелы, они нагроулили руки добычей... [*На этот раз*] я предусмотрел все, что должно быть предусмотрено военной хитростью вождя, и не упустил из виду покрытые водою равнины, хорошо известные вам болота, столь губельные для врага...» Как только эта речь была одобрена стуком оружия и воинской пляской (таков у них обычай), они начали сражение, бросая камни, ядра и прочие метательные снаряды; но наши солдаты не вступали на болотистую почву, сколько ни задирали их германцы, чтобы заманить туда.

Гл. 18. Когда истожились метательные снаряды и сражение стало разгораться, натиск неприятеля сделался более ожесточенным; благодаря своему огромному росту и чрезвычайно длинным копьям германцы могли издали наносить удары шатавшимся и падавшим в воду римским солдатам... [*Тем не менее Цивилис потерпел в этой битве поражение, потому что Церялису удалось выбраться на твердую почву и ударить в тыл германцам.*]

Гл. 19. [*На следующий день*] к Цивилису подошли подкрепления от хавков. Однако он не решился защищать оружием укрепление батавов; захватив то, что можно было унести с собою, и сжегши остальное, он отступил на [*Батавский*] остров, зная, что у римлян нет кораблей для сооружения моста и что никаким другим способом римское войско нельзя было туда переправить: к тому же он разрушил сооруженную Друзом Германиком плотину, так что Рейн, который течет здесь по наклонному в сторону Галлии руслу, после разрушения того, что его сдерживало, затопил [*галльский берег*].

Гл. 22. [*Во время возвращения Церялиса и его солдат из Новезия и Бонна после произведенного там осмотра лагерей на него напали на обратном пути германцы, устроившие засаду.*] ...Германцы подкрались молча, но, начав резню, стали громко кричать, чтобы еще более уstrateшить [*римлян*]... Враги возвращались посреди бела дня, взяв в плен [*римские*] суда, и повезли по реке Лупии преторскую трирему в подарок Веледе.

Гл. 23. [*После этого Цивилис устроил смотр своему флоту. Тогда и*] Цериалис, более из любопытства, чем из страха, выстроил свой флот, по числу кораблей уступавший неприятельскому, но превосходивший его опытностью гребцов, ловкостью кормщиков и размерами кораблей. Римлянам благоприятствовало то обстоятельство, что они плыли по течению реки; неприятелю помогал попутный ветер. Так и проплыли они мимо друг друга и, попробовав было переброситься легкими стрелами, разошлись [*в разные стороны*]. Цивилис, не решившись на дальнейшие действия, отступил за Рейн; Цериалис по-вражески опустошил Батавский остров, но оставил в неприкосновенности поля и усадьбы Цивилиса, поступая так согласно известной уловке полководцев¹⁶⁷.

Тем временем, — так как осень была уже на исходе и лили постоянные дожди, [*обычные здесь*] в период осеннего равенствия, — вышедшая из берегов река залила водою низкий болотистый остров, так что он стал похож на стоячее озеро. У римлян не было ни флота, ни провианта, а расположенный на ровном месте лагерь течением реки грозило разметать в разные стороны.

Гл. 24. [*Во время следовавших вскоре после этого переговоров о сдаче мятежников*] Цериалис через тайных послов обещал батавам мир, а Цивилису прощение и увещевал Веледу и ее сородичей) променять игру военного счастья, которое, как показали многочисленные поражения, не благоприятствует германцам, на как раз необходимую [*в данный момент*] римскому народу услугу.

Гл. 25. [*Обещания и предложения Цериалиса вызвали колебание не только среди зарейнских германцев, но и в среде самих батавов; многие из них стали склоняться к сдаче и высказывали при этом следующие соображения:*] ...Если уж выбирать властителей, то почетнее терпеть господство римских государей, чем германских женщин¹⁶⁸. Так говорили в толпе; речи знатных были еще более угрожающими¹⁶⁹ ...

Плутарх (Πλούταρχος) жил приблизительно между 46 и 120 годами. Он родился в богатой греческой семье в беотийском городе Херонея. Получил хорошее философское образование. Многократно бывал в Риме и однажды в Египте, пользовался влиянием и при римском дворе, и у себя на родине. Из его исторических сочинений до нас дошло 46 параллельных биографий, которые соединены попарно: одна биография грека соответствует одной биографии римлянина. К его времени это был старый литературный прием. В число этих биографий входит и жизнеописание знаменитого римского полководца, бывшего семь раз консулом Гая Мария с подробным описанием войны римлян с кимврами и тевтонами. Целью Плутарха в его биографиях были философские характеристики исторических деятелей, поэтому у него нет критического отношения к излагаемым фактам. Сохранились также его философские сочинения на этические, религиозные, политические, литературные и естественно-исторические темы.

ГАЙ МАРИЙ

Гл. XI. Вместе с известием о пленении Югурты в Рим пришла молва о кимврах и тевтонах; сперва слухам о силе и многочисленности надвигающихся полчищ не верили, но потом убедились, что они даже уступают действительности. В самом деле, только вооруженных мужчин шло триста тысяч, а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить, — так же как галлам, которые, как им было известно, некогда отняли у этрусков лучшую часть Италии. Кимвры ни с кем не вступали в сношения, а страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство полагало, что они принадлежат к германским племенам, живущим воз-

ле Северного океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также и то, что кимврами германцы называют разбойников. Но некоторые утверждали, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской¹. Здесь кельты и скифы смешиваются, и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матерiku. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя — кельтоскифы. Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, а что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающиеся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части; отсюда у Гомера рассказ о киммерийцах в «Вызывании теней»². Вот из этих-то мест и двинулись на Италию варвары, которых сперва называли киммерийцами, а позже, и не без основания, кимврами³. Но все это скорее предположение, нежели достоверная история. Что же касается численности варваров, то многие утверждают, будто их было не меньше, а больше, чем сказано выше. Перед их отвагой и дерзостью нельзя было устоять, а в битве быстротой и силой они были подобны огню, так что натиска их никто не выдерживал, и все, на кого они нападали, становились их добычей. От них потерпели бесславное поражение многие армии римлян во главе с управлявшими Заальпийской Галлией полководцами, которые сражались плохо, чем более всего побудили варваров наступать на Рим, ибо, побеждая всех, кого ни встречали, и захватывая богатую добычу, кимвры решили обосноваться на месте не раньше, чем разгромят Рим и опустошат Италию.

[В гл. XII рассказывается о вызове Мария из Африки в Рим для ведения войны против кимвров, о его триумфе и вторичном консульстве и, наконец, о казни Югурты. В главе XIII повествуется о мерах Мария к укреплению войск во время похода различного рода упрямлениями.]

Гл. XIV. Большой удачей для Мария было, видимо, то обстоятельство, что варвары отхлынули, словно волны, и напали раньше на Испанию: благодаря этому Марий выиграл время для того, чтобы его солдаты окрепли и воспрянули духом, а главное, увидели, каков он сам. [Дальше в этой главе говорится о строгости и справедливости Мария в наложении взысканий. За время пребывания кимвров в Испании его выбирают консулом в третий, а затем в четвертый раз. Его коллегой был Лутаций Катул.]

Гл. XV. Марий, узнав, что враги близко⁴, поспешил перейти Альпы и, разбив лагерь близ реки Родана, свез в него много продовольствия, чтобы недостаток самого необходимого не вынудил его вступить в битву до того, как он сам сочтет это нужным. Прежде подвоз всех припасов, в которых нуждалось войско, был долгим и трудным, но Марию удалось облегчить и ускорить дело, проложив путь по морю. Устье Родана, где волнение и прилив оставляют много ила и морского песка, почти на всю глубину занесено ими, и поэтому грузовым судам трудно и опасно входить в реку. Послав туда праздно стоявшее войско, Марий прорыл огромный ров и, пустив в него воду из реки, провел достаточно глубокий и доступный для самых больших судов канал к более удобному участку побережья, где прибой не затруднял сток речной воды в море. И поныне еще канал носит имя Мария.

Между тем варвары разделились: кимвры должны были наступать через Норик на Катула и прорваться в Италию, а тевтонам и амбронам предстояло двигаться на Мария вдоль Лигурийского побережья. Кимвры замешкались, а тевтоны и амброны, быстро пройдя весь путь, появились перед римлянами, бесчисленные, страшные, голосом и криком не походившие ни на один народ. Заняв огромную равнину и став лагерь, они принялись вызывать Мария на бой.

Гл. XVI. Однако он пренебрег вызовом и продолжал удерживать воинов в лагере, а слишком уж горячих, равнявшихся

в бой и делавших далекие вылазки, резко порицал, называя предателями: ведь сейчас главное не справить триумф или воздвигнуть трофей, но отвратить эту грозовую тучу, этот удар молнии и спасти Италию. Так Марий говорил каждому из военных трибунов и равным им по достоинству начальникам, солдат же группами выстраивал на валу и заставлял смотреть на врагов, желая приучить римлян к виду и страшному, грубому голосу варваров, познакомить их с оружием и боевыми приемами противника и тем самым добиться, чтобы солдаты постепенно освоились и привыкли к зрелищу, прежде пугавшему их. Марий вообще полагал, что новизна прибавляет много напрасных страхов, а привычка уменьшит робость даже перед тем, что действительно страшно. И в самом деле, не только привычка смотреть на варваров день ото дня утишала смятение, но и угрозы и несносная наглость врагов, грабивших все вокруг и даже осмеливавшихся открыто нападать на стены лагеря, разжигали мужество римлян и воспаляли их душу. Марию стали доносить о таких разговорах возмущенных воинов: «Разве мы показали себя малодушными и у Мария есть причина не пускать нас в бой и караулить, запирая на замок, словно женщин? Давайте спросим его, как подобает свободным людям: неужели он ждет других воинов, чтобы сражаться за Италию? Почему он использует нас только для всяких работ — когда нужно копать ров, расчищать реку от ила или повернуть ее в другое русло? Видно, для этого он и закалял нас тяжелым трудом, это и есть те подвиги, о которых он расскажет гражданам, когда вернется в Рим после всех своих консульств. Неужто он опасается судьбы Карбона и Цепиона, которых разбила враги? Но ведь они намного уступали Марию доблестью и славой, и намного хуже были войска, которыми они командовали. И потом, лучше потерпеть поражение в бою, как они, чем сложа руки смотреть, как разоряют союзников».

Гл. XVII. Услышав об этом, Марий обрадовался и поспешил успокоить солдат, сказав, что не питает к ним недоверия, но в соответствии с предсказанием ждет должного срока и места для победы. *[Дальше в XVII главе рассказывается о сирийке Марфе, которую Марий возил с собою в качестве пророчицы, о двух коршунах, сопровождавших войско Мария перед победа-*

ми, и о чудесах и пророчествах, возвестивших великую победу римлян.]

Гл. XVIII. Тевтоны, пользуясь бездействием Мария, попытались взять лагерь приступом, но были встречены градом стрел, летевших из-за частокола. Потеряв немало воинов, они решили трогаться дальше, считая, что без труда перевалят через Альпы, и, собравшись, двинулись мимо лагеря римлян, которые лишь теперь, когда варвары бесконечно длинной веренищей шли перед ними, поняли, сколь многочисленны их враги. Говорят, что это шествие непрерывно тянулось мимо укреплений Мария шесть дней. Проходя под самым валом, тевтоны со смехом спрашивали римских солдат, не желают ли они что-нибудь передать женам, ибо скоро тевтоны будут в Риме. Когда наконец варвары миновали лагерь, Марий поднялся и не спеша последовал за ними, всякий раз останавливаясь в близости от них в недоступных местах и воздвигая укрепления, чтобы ночевать в безопасности.

Так достигли они местности, именуемой Аквами Секстийскими, откуда лишь немного оставалось пройти до Альп. Здесь Марий приготовился дать сражение и занял лагерь неприступный холм, на котором не было, однако, воды (этим он хотел, как говорят, еще больше ожесточить солдат). Когда многие из них стали возмущаться и кричать, что хотят пить, Марий, указав рукой на реку, протекавшую возле вражеского вала, сказал: «Вот вам питье, за которое придется платить кровью». «Так почему же ты не ведешь нас на них, пока кровь в наших жилах еще не высохла?» — спросили воины. «Сперва нужно укрепить лагерь», — спокойно отвечал Марий.

Гл. XIX. Солдаты подчинились, хотя и с досадой, но рабы, во множестве следовавшие за войском, не имея воды ни для себя, ни для вьючных животных, гурьбой спустились к реке. Они захватили с собой, кроме сосудов, секиры и топоры, а некоторые даже мечи и копья, чтобы добыть воды — пусть даже с бою. Сначала на них напала только малая часть противников: все остальные в это время или купались, или завтракали после купания. В тех краях бьют горячие ключи, и римляне застигли варваров в такой момент, когда многие из них, окружив эти источники, благодумствовали и предавались праздности, восхищаясь прелестью местности. На крик сражающихся

сбежалось много римлян, ибо Марию было трудно удержать солдат, боявшихся за своих рабов. Самые воинственные из варваров — амброны — тоже бросились к оружию. Число их превосходило тридцать тысяч, и они уже нанесли поражение римлянам, сражавшимся под командованием Маллия и Цепиона. Хотя тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости, все же они мчались вперед не разъяренной, беспорядочной толпой, а крики, которые они издавали, не были невнятные: ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!», — то ли окликаая друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки их из рода в род прозывались амбронами. И прежде чем противники сошлись врукопашную, над полем стоял непрерывный вопль, потому что оба войска, поочередно издавая клич, старались перекричать друг друга, и крики еще больше воспламеняли их, возбуждая мужество.

Сперва амброны стояли за рекой, но не успели они переправиться и выстроиться, как лигуры бегом ринулись на врагов, ступивших на берег первыми, и завязали рукопашный бой, а римляне, примчавшиеся с холма на помощь лигурам, налетели на варваров и обратили их в бегство. Многие из амбронов, еще стоявшие у реки, были сброшены в воду своими же и погибли, запрудив русло трупами, а те, кому удалось переправиться, не решались встретить врага лицом к лицу, и римляне гнали их до самых лагерей и повозок, убивая бегущих. Но тут появились женщины, вооруженные топорами и мечами: со страшным криком напали они и на беглецов, и на преследователей, одних встречая как предателей, других — как врагов. Замешавшись в ряды сражающихся, они голыми руками вырывали у римлян щиты и хватались за мечи, не чувствуя порезов и ран, и только смерть смиряла их отвагу. Так описывают эту битву у реки, происшедшую скорее по воле случая, чем по замыслу полководца.

Гл. XX. Перебив множество амбронов, римляне с наступлением сумерек отошли, но не победные пэаны, не пиры по шатрам и не веселые трапезы ожидали войско после та-

кой удачи, и даже целительный сон, который так сладок для счастливо сражавшихся воинов, не пришел к ним, ибо еще ни одну ночь не проводили они в таком страхе и трепете, как эту. Лагерь их не был защищен ни валом, ни частоколом, а внизу еще оставалось несчетное множество непобедимых варваров. К ним присоединились амброны, которые спаслись бегством, и всю ночь раздавались их жалобы, похожие больше на звериный рык и вой, чем на человеческий плач и стенания; с жалобами смешивались тысячеустые угрозы и вопли, их повторяли окрестные горы и речная долина, наполняя округу страшным гулом, а сердца — римлян — ужасом. Сам Марий был в смятении, опасаясь, как бы не началось беспорядочное, бессмысленное ночное сражение. Однако враги не напали ни в эту ночь, ни на следующий день, употребив все время на подготовку к бою.

Между тем Марий, увидев, что над головой варваров нависают лесистые склоны, прорезанные ущельями, сплошь заросшими дубами, послал Клавдия Марцелла с тремя тысячами тяжеловооруженных воинов, приказав ему укрыться в засаде и во время битвы напасть на врага с тыла. Остальных пехотинцев, выспавшихся и рано позавтракавших, он с рассветом выстроил перед лагерем, а конницу выслал вперед, на равнину. Увидев это, тевтоны, не дождавшись, пока римляне спустятся вниз и положение сражающихся сторон уравниется, второпях схватили оружие и в гневе бросились вверх по холму. Марий разослал во все стороны начальников с приказом твердо стоять на месте и, когда неприятель окажется в пределах досягаемости, забросать его копьями, а затем пустить в ход мечи и сталкивать врагов щитами: покато место лишит их удары силы и расшатает сомкнутый строй, ибо на такой крутизне трудно стоять твердо и удерживать равновесие. Это Марий внушал всем и сам первый на деле показывал пример, никому не уступая силой и ловкостью и далеко превосходя всех отвагой.

Гл. XXI. Римляне, принимая и отражая натиск рвавших вверх варваров, стали сами понемногу теснить противника и в конце концов спустились на ровное место. Пока передние ряды варваров строились на равнине в боевой порядок, в задних возникло замешательство и поднялся крик. Когда

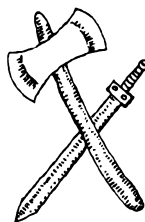
его звук долетел до холмов, Марцелл, поняв, что удобный момент настал, поднял своих солдат и с воинственным кличем напал на варваров с тыла, убивая стоявших в последних рядах. Те, увлекая за собой соседей, вскоре привели в смятение все войско, которое недолго сопротивлялось двойному удару римлян, но, смешавшись в беспорядочную толпу, обратилось в бегство. Преследуя бегущих, римляне убили и взяли в плен больше ста тысяч человек, захватили палатки, повозки и деньги, а все, что уцелело от разграбления, решили отдать Марию. Однако все считали, что даже этот богатейший дар — недостаточная награда для полководца, отвратившего столь огромную опасность. Впрочем, некоторые сообщают о подаренной Марию добыче и о числе убитых другие сведения. Во всяком случае, жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего ее на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывало обильные плоды, чем подтвердились слова Архилоха, что так вот и удобряется пашня. После больших сражений, как говорят, обычно идут проливные дожди: видимо, либо какое-то божество очищает землю, проливая на нее чистую небесную влагу, либо гниющие трупы выделяют тяжелые, сырые испарения, сгущающие воздух до такой степени, что малейшая причина легко вызывает в нем большие перемены.

Гл. XXII. [*Здесь рассказывается о том, как при жертвоприношении, производившемся Марием после победы, из Рима пришло известие о его пятом избрании в консулы.*]

Гл. XXIII. Но судьба, или Немесида, или естественный порядок вещей, который, не давая людям насладиться полным и безраздельным успехом, чередует в их жизни удачу и неудачу, спустя немного дней принес Марию известие о его товарище по должности — Катуле. И снова, словно туча на ясном, чистом небе, навис над Римом страх новой бури. Дело в том, что Катул, действовавший против кимвров, опасаясь дробить свои силы, чтобы их не ослабить, отказался от намерения защищать Альпийские перевалы, быстро спустился в Италию и занял оборону по реке Атизону, воздвигнув у брода на обоих берегах сильные укрепления и наведя переправу

с тем, чтобы помочь стоявшему за рекой отряду, если варвары прорвутся через теснины и нападут на него. А те преисполнились такой дерзости и презрения к врагам, что даже не по необходимости, а лишь для того, чтобы показать свою выносливость и храбрость, нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам самых высоких и крутых гор. Став лагерем неподалеку от римлян и разведав брод, они стали сооружать насыпь: подобно гигантам, срывали они окрестные холмы и бросали в воду огромные глыбы земли вместе с вырванными с корнем деревьями и обломками скал, так что река вышла из берегов, а по течению они пускали тяжелые плоты, которые с силой ударялись об устой моста и расшатывали их. Очень многие римские солдаты в испуге стали покидать большой лагерь и разбежаться. И тут Катул показал, что он, как положено благородному и безупречному полководцу, больше заботится о славе сограждан, чем о своей собственной. Не сумев убедить солдат остаться и увидев, что они в страхе собираются в путь, он приказал снять с места орла⁵, бегом настиг первых из отступавших и пошел впереди, желая, чтобы позор пал на него, а не на отечество, и стараясь придать бегству вид отступления, возглавленного полководцем. Варвары, напав на лагерь за Атисоном, взяли его, но, восхищенные римлянами, оборонявшимися с доблестью, достойной их отчизны, отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке⁶, который впоследствии, после битвы, был захвачен и перенесен в дом Катула как его доля добычи. Затем, рассеявшись по стране, лишенной защиты, кимвры опустошили ее.

Гл. XXIV. После этого Мария вызвали в Рим. Все ожидали, что он отпразднует триумф, который сенат охотно предоставил ему, но Марий отказался, то ли не желая лишать этой чести своих соратников — воинов, то ли стараясь ободрить народ перед лицом надвигающейся опасности и для этого как бы вверяя судьбе города славу своих прежних подвигов, чтобы после второй победы вернуть ее себе еще более блестящей. Произнеся подобающую случаю речь, он отбыл к Катулу, ободрил его и вызвал своих солдат из Галлии. Едва они явились, Марий перешел Эридан, чтобы не пропустить вар-

варов в глубь Италии. Но кимвры уклонялись от боя, говоря, что ожидают тевтонов и удивляются их задержке, — то ли они в самом деле ничего не знали о их гибели, то ли притворялись, будто не верят этому известию. Тех, кто сообщал им о разгроме, они подвергали суровому наказанию, а к Марию прислали посольство с требованием предоставить им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мария, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда». Послы, поняв насмешку, стали бранить Мария, говоря, что ему придется дать ответ кимврам — сейчас же, а тевтонам — когда они будут здесь. «Да они уже здесь, — ответил Марий, — и негоже вам уйти, не обняв ваших братьев». С этими словами он велел привести связанных тевтонских царей, которых секваны захватили в Альпах во время бегства.

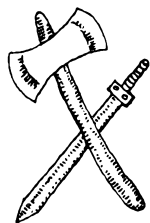
Гл. XXV. Когда послы рассказали об этом кимврам, они тотчас же выступили против Мария, не двигавшегося с места и лишь охранявшего свои лагерь.

Считается, что именно в этой битве Марий впервые ввел новшество в устройство копья. Раньше наконечник крепился к древку двумя железными шипами, а Марий, оставив один из них на прежнем месте, другой велел вынуть и вместо него вставить ломкий деревянный гвоздь. Благодаря этому копье, ударившись о вражеский щит, не оставалось прямым: деревянный гвоздь ломался, железный гнулся, искривившийся наконечник просто застревал в щите, а древко волочилось по земле⁷.

Бойориг, царь кимвров, с небольшим отрядом подъехал к самому лагерю и предложил Марию, назначив день и место, выйти, чтобы биться за власть над страной. Марий ответил ему, что никогда еще римляне не совещались о битвах с противником, но он сделает кимврам эту уступку; решено было сражаться на третий день, а место было выбрано у Верцелл⁸, на равнине, удобной и для римской конницы, и для развернутого строя варваров. В назначенный срок оба войска выстроились друг против друга. У Катула было двадцать тысяч триста воинов, у Мария — тридцать две тысячи; Сулла⁹, участник этой битвы, пишет, что Марий разделил своих

людей на две части и занял оба крыла, а Катул оставался в середине. Сулла утверждает, будто Марий разместил свои силы таким образом в надежде на то, что неприятель нападет на выдвинутые вперед крылья и потому победа достанется лишь его воинам, а Катулу вообще не придется принять участие в битве и схватиться с противником, ибо центр, как всегда бывает при столь длинном фронте, был оттянут назад. Передают¹⁰, что и сам Катул говорил в свою защиту то же самое, обвиняя Мария в недоброжелательстве. Пехота кимвров не спеша вышла из укрепленного лагеря; глубина строя у них была равна ширине, и каждая сторона квадрата имела тридцать стадиев¹¹. А конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовишных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, от чего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а рукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами.

Гл. XXVI. Всадники не ударили на римлян прямо в лоб, а отклонились вправо и понемногу завлекли их в промежуток между конницей и выстроившейся левее пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость противника, но не успели удержать солдат, которые сразу же бросились вдогонку, едва один из них закричал, что враг отступает. Тем временем варварская пехота приближалась, колыхаясь, точно безбрежное море. Тогда Марий, омыв руки, поднял их к небу и взмолился богам, обещая принести им гекатомбу¹²; молился и Катул, также воздев руки и творя обеты Судьбе сегодняшнего дня. Рассказывают, что Марий, когда ему во время жертвоприношения показали закланных животных, громко вскричал: «Победа моя!» Но, когда завязалось сражение, Мария, как сообщает Сулла, постигло заслуженное наказание. Огромное облако пыли поднялось и, как бывает всегда, застлало воинам глаза, и потому Марий, первым двинувшийся преследовать врага и увлекший за собой свои легионы, упустил противника, пройдя мимо варварского строя, и долго блуждал по равнине; кимвры же по счастливой случайности натолкнулись на Катула, и самое жаркое сражение шло там, где стоял он и его солдаты, среди которых находился и Сулла, по его собствен-

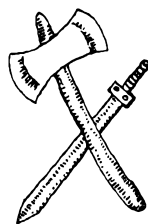

ным словам. Даже солнце, светившее кимврам в глаза, и зной сражались на стороне римлян, ибо варвары, выросшие, как было сказано выше, в туманных, холодных странах, терпеливые к морозу, в жару покрывались обильным потом, задыхались и щитами прикрывали лица, а битва происходила после летнего солнцеворота, по римскому исчислению — в третий день перед календами месяца секстилия¹³, как его тогда называли (теперь он именуется августом). Пыль, скрыв врага от глаз солдат, увеличила их храбрость, ибо они не видели огромных толп варваров, пока те были далеко, и каждый, сходясь врукопашную с теми, кто подбегал к нему вплотную, не был уstraшен видом остальных врагов. Римские солдаты были так выносливы и закалены, что ни одного из них нельзя было увидеть покрытым потом или задыхающимся, несмотря на духоту и частые перебежки, как об этом, говорят, писал сам Катул, возвеличивая подвиг своих солдат¹⁴.

Гл. XXVII. Большая и самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленными к нижней части панциря. Римляне, преследуя варваров, достигали вражеского лагеря, видели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов — кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к шиколоткам петли и повесив на них своих детей, а мужчины, которым не хватило деревьев, привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными. Хотя они и кончали с собою таким образом, в плен было захвачено шестьдесят тысяч человек, убитых же насчитывалось вдвое больше.

Имуущество варваров расхитили солдаты Мария, а доспехи, военные значки и трубы принесены были в лагерь Катутла, и это послужило для него самым веским доказательством, что именно он победил кимвров. Однако между солдатами, как водится, начался спор, третейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов из Пармы, которых

люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула. И все же первая победа и уважение к власти Мария заставили приписать весь подвиг ему. Больше того, простой люд называл его третьим основателем города¹⁵, полагая, что он не уступает полководцу, отразившему нашествие галлов¹⁶. Дома, за праздничной трапезой с женой и детьми, каждый посвящал начатки яств и совершал возлияние Марию наравне с богами, все требовали, чтобы он один справил оба триумфа. Но он сделал это вместе с Католом, потому что хотел и в счастии казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести.

Люций Анней Флор (Lucius Annaeus Florus) написал во времена императора Адриана (между 117 и 138 годами) краткий очерк римской истории от основания города до времен Августа, составленный путем сокращенного изложения трудов предшествующих историков и главным образом Тита Ливия, откуда и название труда Флора «Извлечения из истории деяний римского народа» («Epitomae rerum a populo Romano gestarum»).

ИЗ ИСТОРИИ РИМСКОГО НАРОДА

I, 38. [*В этой главе Флор рассказывает о нашествии кимвров и тевтонов на Италию и о борьбе с ними римских войск под начальством Мария в 102–101 годах до н. э.*]

Кимвры, тевтоны и тигурины, изгнанные из отдаленнейших областей Галлии морским наводнением в их стране¹, искали себе нового места жительства по всему свету. После того как им не позволили обосноваться в Галлии и Испании, они направились в Италию и по дороге отправили послов в лагерь Силана, а оттуда в сенат с просьбой, чтобы народ Марса² дал им сколько-нибудь земли как бы в качестве жалованья, за что они готовы предоставить ему право распоряжаться их вооруженной силой по своему усмотрению. Но какие земли мог им дать римский народ, которому угрожали гражданские войны из-за аграрных законов³?

[*После того как ни один из римских военачальников не мог справиться с варварами, против них выступил Марий.*] Но и он тоже не решился тотчас же дать бой неприятелю и держал свое войско в лагере, дожидаясь, пока не истощатся ярость и необузданная стремительность варваров, заменяющая у них доблесть. [*Однако германцы быстро продвинулись по направлению к Альпам. Тогда*] Марий, идя кратчайшими путями, с изумительной быстротой опередил неприятеля и прежде всего настиг у самого подножия Альп при Аквах Секстийских тевтонов, которых и разбил в сражении... Битва была такая жар-

кая, и врагам была устроена такая кровавая баня, что победоносные римляне пили из наполнившейся кровью реки кровь варваров не в меньшем количестве, чем воду. Твердо установлено, что даже сам король варваров Тевтобод, которому нипочем перепрыгивать с одной лошади на другую, меняя до четырех или шести лошадей, едва успел во время бегства вскочить на одного коня; в ближайшем лесу он был пойман. Во время триумфа он представлял собою необычайное зрелище, ибо, как человек исключительно высокого роста, он превосходил остальных трофси.

После этого полного разгрома тевтонов Марий двинулся на кимвров. А они — кто бы мог этому поверить? — зимою, когда горы еще неприступнее, уже хлынули подобно лавине с высот Тридентских Альп и спустились в Италию. Они переправились через реку Атезис не по мосту и не на кораблях: со свойственным варварам безрассудством они сначала тщетно пытались преодолеть течение своими телами, а потом удержать его руками и щитами; запрудив реку множеством поваленных ими деревьев, они переправились на ту сторону. И если бы они сейчас же пошли войною на Рим, то опасность была бы велика. Но в стране венетов — чуть ли не самой мягкой и теплой области Италии — их физическая сила ослабела под влиянием климата. Кроме того, они были уже изнежены употреблением хлеба, вареного мяса⁴ и сладкого вина, когда Марий своевременно напал на них... Они сами просили нашего военачальника установить день битвы, и Марий назначил сражение на завтра же. Столкновение произошло на совершенно открытой равнине, называвшейся Раудиум. Кимвры потеряли 65 тысяч человек, римляне — менее трехсот; целый день шла резня... Бой с женами кимвров был не менее ожесточен, чем с самими кимврами, ибо они сражались с высоты своих колесниц и повозок, бросая оттуда во все стороны топоры и шести; их смерть была не менее блистательной и славной, чем их борьба. А именно: когда Марий отказал их посольству в просьбе о даровании им свободы и жреческого сана (исполнить последнее требование было бы грехом), то они передушили и перебили своих детей; затем одни стали наносить друг другу смертельные раны, а другие повесились на деревьях или на упряжке своих повозок, сделав петли из сво-

их волос. Король Бойориг пал, неумоимо сражаясь в первых рядах, но его смерть не осталась неотомщенной.

Третий отряд — тигуринов, которые заняли как бы в качестве резерва склоны Альп в Норике, — рассеялся в разные стороны и исчез из виду в бесславном бегстве, сопровождавшемся разбойничьими набегами [*по пути его следования*].

II, 30. Посланный в эту провинцию⁵ Друз сначала покорил узипетов, затем ускоренным маршем прошел через страну тенктеров и хаттов. Исключительно богатой добычей, взятой им у маркоманов, он украсил высокий холм, наподобие трофея. Затем он совершил одновременное нападение на самые могущественные [*германские*] племена — херусков, свевов и сугамбров, которые, казнив на кресте 20 центурионов, начали этим актом жертвоприношения войну. Они так твердо надеялись на победу, что заранее распределили между собою по договору добычу: херуски выбрали себе коней, свевы — золото и серебро, а сугамбры — пленных. Но все случилось как раз наоборот. Ибо победивший их Друз разделил в качестве добычи и продал их коней, скот, ожерелья и их самих. Кроме того, он повсюду расположил для охраны провинции укрепления с гарнизонами — по Мозе, Альбису и Визургису. По берегу Рейна он построил свыше 50 крепостей в виде [*целой*] укрепленной линии...

Он открыл путь через Герцинский лес, который до тех пор не видел и не посещал никто [*из римлян*]. В результате в Германии воцарился такой глубокий мир, словно там переменились люди и земля, да и самый климат стал казаться более мягким, чем был раньше. Итак, не из лести, а по заслугам присвоил сенат умершему там доблестному юноше [*почетное*] имя, по названию покоренной провинции⁶, что до тех пор еще ни разу не случалось.

Но удерживать за собой провинции труднее, чем приобретать их. Их завоевывают оружием, удерживают — законностью. Кратковременна была радость римлян, ибо германцы были скорее побеждены, чем укрошены, и в командование Друза оказывали почет скорее римским нравам, чем римскому оружию.

Между тем после смерти Друза произвол, высокомерие и жестокость Квинтилия Вара⁷ возбудили их ненависть. Вар

решался созывать судебные собрания [германцев] и вел их так неосторожно, как будто он рассчитывал усмирить необузданность варваров ликторскими прутьями⁸ и голосом глашатая. Между тем германцы, которых давно уже печалило то, что их мечи покрываются ржавчиной и [боевые] кони бездействуют, увидев тоги и [испытая на себе воздействие] римского права, более тяжкое для них, чем война, взяли под предводительством Арминия за оружие; а Вар был так твердо уверен в прочности мира, что на него даже не произвел впечатления рассказ одного из [германских] старейшин Сегеста, раскрывшего заговор. И вот они неожиданно напали со всех сторон на Вара, застигнутого врасплох и не опасавшегося нападения, и притом как раз в тот момент — о, как велика была его беспечность! — когда он улаживал споры перед своим трибуналом; они разграбили лагерь и разбили три легиона. Вар не пережил гибели лагеря, и его судьба и характер напоминают судьбу Павла в битве при Каннах⁹. Нельзя представить себе ничего более жестокого и кровожадного, чем эта битва среди болот и лесов, ничего более нестерпимого, чем издевательство варваров, особенно над римскими адвокатами... Это поражение привело к тому, что [римское] господство, которое не хотело остановиться на берегах Океана, принуждено было найти себе предел на берегу Рейна.

Аппиан (Ἀππιανός), древнеримский историк греческого происхождения, родился в Александрии в самом конце I века и умер около 170 года. «Римская история» написана им около 160 года. Из 24 книг дошла до нашего времени только часть. В основу его изложения лег территориально-этнический принцип с хронологической последовательностью распределения исторического материала внутри каждой территориальной единицы. В IV книге, сохранившейся в отрывках, описывается история завоевания Галлии (эта книга называется «Кельтика»); из нее взяты прилагаемые отрывки о германцах. Несмотря на некоторую осторожность, с которой следует пользоваться Аппианом, он, несомненно, использовал разнообразные и хорошие источники. Кроме того, он склонен к сопоставлению источников и к объективному их изложению.

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

«Кельтика»

Гл. 3. [58 год до н. э., после побед Цезаря над гелльветами] [Цезарь победил] германцев Ариовиста. Они были ростом выше самых высоких из римлян, дики нравом, отличались большой отвагой, презирали смерть, надеясь воскреснуть, и одинаково терпели холод и зной; они сами при нужде ели траву, а их лошади — древесину. Впрочем, они, по-видимому, не были выносливы в битвах и руководствовались при этом не каким-нибудь расчетом и умением, а порывом раздражения, как звери. Поэтому они были разбиты вследствие военного искусства и выносливости римлян. Ведь они налетали на римлян сосредоточенным ударом и старались сразу отгеснить их ряды. Между тем римляне сохраняли строй, одолевали их своей воинской выдержкой и в конце концов перебили их 80 тысяч человек.

Гл. 4. [Говоря о поражении Цезарем бельгийского племени нервиев в 67 году до н. э., Аппиан сообщает имевшиеся у него све-

дения об их происхождении.] Они были потомками кимвров и тевтонов.

Гл. 4. [55 год до н. э. Узипеты¹ и тенктеры, вытесненные в Галлию свевами, подверглись нападению Цезаря.] Было перебито 400 тысяч узипетов и тенктеров, способных и не способных к военному делу. Сугамбры² в числе 500 всадников обратили в бегство 5 тысяч всадников Цезаря, произведя внезапное нападение; но после этого они были разбиты и таким путем понесли наказание.

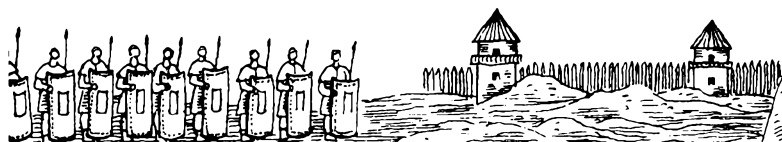
Гл. 5. [55 год до н. э.] Цезарь перешел Рейн первый из римлян³.

Гл. 13. [113 год до н. э. Битва римлян с тевтонами при Норее.] Многолюдная группа тевтонов⁴ вторглась в землю нориков с целью грабежа. Римский консул Папирий Карбон, опасаясь, что они вторгнутся в Италию, подстерегал их на том месте Альп, где перевал особенно тесен. Так как они не напали на него, то он сам пошел на них под предлогом их вторжения в страну нориков, связанных с римлянами узами гостеприимства. Римляне считали связанными с собой гостеприимством тех, кому давали [имя] своих друзей; но на них лежала обязанность помогать тем, кто считался их друзьями. При приближении Карбона тевтоны прислали ему сообщить, что они не знали об узах гостеприимства между нориками и римлянами и готовы в дальнейшем их [нориков] не трогать. Он похвалил послов и дал им проводников, а проводникам тайно приказал вести их окольным путем. Сам же прошел более короткой дорогой и неожиданно напал на тевтонов, когда они еще стояли на отдыхе. Он поплатился за вероломство большими потерями. Пожалуй, он погубил бы всех своих, если бы еще во время битвы не наступил мрак и не поднялся ливень и сильная гроза. Это разделило их друг от друга, и бой был прекращен этим низвергавшимся с неба ужасом. Римляне вразброд разбежались по лесам и с трудом собрались вместе на третий день. А тевтоны ушли в Галлию.

Гл. 14. Он⁵ приказал не трогать тел кимвров до наступления дня, думая, что на них много золота.

Гл. 16. [В этой и следующей главах Аппиан подробнее останавливается на столкновении Цезаря с Ариовистом.]

Король зарейнских германцев Ариовист напал отсюда⁶ на эдуев, считавшихся друзьями римлян, и еще до Цезаря⁷ вое-

вал с ними. Впрочем, тогда он, послушавшись требования римлян, удалился от эдуев и удостоился стать другом римлян. Это случилось в консульство Цезаря, и он сам вынес об этом решение⁸.

Гл. 17. Король германцев Ариовист, бывший другом римлян, явился к Цезарю для переговоров и, после того как они расстались, потребовал новой встречи. Когда Цезарь не явился сам, а прислал знатных галлов, то Ариовист заковал этих послов⁹. Цезарь в виде угрозы пошел на него походом. Но на его войско напал страх при молве о германцах¹⁰.

Гл. 18. ...Германское племя, узипеты и тенктеры¹¹, как кажется, сначала при помощи своих 800 всадников обратили в бегство около 5 тысяч всадников Цезаря. Когда они прислали к Цезарю для переговоров, он напал на них, задержав послов, и в результате они внезапно понесли такое поражение, что их было перебито 4 тысячи человек. Катон, по словам одного историка¹², внес в Риме предложение выдать Цезаря варварам, так как он совершил над приславшими к нему послов богопротивное дело. А по словам Цезаря в его собственных записках об ежедневных деяниях, узипеты и тенктеры в ответ на приказание уйти в свои прежние места сообщили, что они отправили послов к свевам и ждут их ответа, а сами как раз во время этого посольства напали в числе восьмисот человек и при этом обратили в бегство пять тысяч римлян. Когда же они снова прислали посольство и стали оправдываться в нарушении договора, он заподозрил подобную же ловушку и вместо ответа произвел нападение.

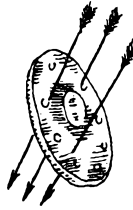
Люций Клавдий Кассий Дион Кокцеан, более известный как Дион Кассий (др.-греч. Δίων Κάσσιος; лат. Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus), римский историк греческого происхождения, жил приблизительно между 150 и 230 годами н. э. Он был родом из богатой семьи из Никеи в Малой Азии. Дион Кассий дважды был консулом и сенатором. Его «Римская история» охватывает время от прибытия Энея в Италию до 229 года. Дион Кассий десять лет собирал материалы и потратил на ее писание около двенадцати лет. Более или менее полностью сохранились книги с XXXVI по LIV; от остальных дошли отдельные фрагменты и ряд выборок у византийских историков по преимуществу. Стиль Диона Кассия отличается риторичностью. В истолковании событий дает о себе знать тенденция к объяснению их божественным вмешательством. Дион Кассий всюду называет непокоренных германцев за Рейном кельтами, а провинцию по левому берегу Рейна — Германией.

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Книга XXVII

[В сохранившихся от XXVII книги фрагментах Дион Кассий сообщает некоторые подробности о кимврах и тевтонах.]

Фр. 9. [106 год до н. э. Толоза восстала при приближении кимвров. Римляне] сначала захватили Толозу, которая прежде была с ними в союзе, но восстала в надежде на кимвров, причем римский гарнизон был даже заключен в оковы; их¹ впустили внезапно ночью их сторонники, а они разграбили храмы и захватили много других сокровищ. Этот город главным образом разбогател еще в старину: именно ему принадлежали посвященные дары, которые некогда были похищены соратниками Бренна из Дельф. Из этой [добычи] ничего, достойного внимания, не досталось римлянам, оставшимся на родине; большая часть ее была присвоена самими участниками штурма. За это многие из них были привлечены к ответственности.

Фр. 9. [*Ссора римских полководцев перед битвою при Аравзионе в 105 году до н. э.*] Сервилий оказался для войска виновником многих несчастий из-за своей зависти к товарищу по командованию: во всем ему были даны равные с последним полномочия, и только по достоинству он стоял ниже, так как его товарищ был консулом. Именно Маллий после смерти Савра пригласил к себе на помощь Сервилия. Сервилий ответил, что каждому из них нужно защищать свою область. Потом, рассчитав, что Маллий своими силами добьется успеха, он позавидовал ему, как бы тот один не получил всей славы. Поэтому он к нему явился, но не стал располагаться лагерем в одном месте с ним и не стал действовать по общему плану, а водворился в промежутке между кимврами и Маллием, чтобы первым вступить с ними в столкновение и получить всю славу за эту войну. Сначала оба они даже были страшны для врагов, пока их распря находилась в тайне; у тех даже явилось сильное желание заключить мир. Когда враги послали к консулу Маллию глашатаев, Сервилий рассердился на то, что они вступили в переговоры не с ним самим, и не только не дал посылать ведущего к миру ответа, а едва их не убил.

Позднее воины заставили Сервилия отправиться к Маллию и посоветоваться с ним о положении дел. Однако оба они настолько оказались неспособными к единомыслию, что после свидания стали относиться друг к другу еще враждебнее. Так как каждый из них стремился сам одержать победу и был склонен к ссоре, то они расстались постыдно.

Фр. 94. [*102 год до н. э., после поражения тевтонов при Аквах Секстийских.*] ... Варвары были разбиты и в большом числе пали в этом сражении, спаслись только немногие [*из них*]. По этому случаю Марий приласкал своих воинов и вместе с тем вознаградил; он отдал им по очень дешевой цене всю добычу, чтобы не подумали, что он кому-нибудь сделал бесплатный подарок.

... Кимвры очень ослабели духом и от этого сделались более вялыми и бессильными и телом, и душой. Причина этого в том, что, живя в домах², они отступали от своего прежнего образа жизни под открытым небом, пользовались горячей баней вместо прежнего купанья в холодной воде и стали объедаться тонкими блюдами и местными сладостями, тогда как

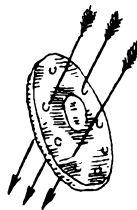
раньше питались сырым мясом, и пресыщаться допьяна вином. Это совершенно истребило их пылкость и изнежило их физически, так что они больше не могли переносить ни трудов, ни невзгод, ни зноя, ни холода, ни бодрствования.

Книга XXXVIII

[В XXXVIII книге Дион Кассий излагает войну Ариовиста с Юлием Цезарем в 58 году до н. э.; даем ее не в полном виде ввиду значительных отступлений, не имеющих прямого отношения к делу.]

Гл. 34. Цезарю немедленно после победы над гельветами пришлось по просьбе эдуев и секванов начать новую войну. Секваны и эдуи... захотели, чтобы он наказал соседних с ними кельтов. Те уже давно перешли через Рейн, отрезали себе часть их области, взяли у них заложников и сделали их своими данниками. Просьбы [галлов] совпали с его желанием, и они легко убедили его себе помочь. Властвовал над теми кельтами Ариовист; он получил утверждение в королевской власти от римлян и во время консульства самого Цезаря был внесен в списки их союзников и друзей. [Цезарь искал предлога к разрыву и пригласил к себе Ариовиста для переговоров.] [Ариовист] не послушался, а еще сказал: «Если Цезарь хочет со мной о чем-нибудь поговорить, пусть сам приходит ко мне; я несколько не ниже его; если кто в чем-нибудь от кого нуждается, тот сам должен к нему прийти». [Цезарь в ответ потребовал от него возвращения заложников своих союзников и прекращения иммиграции германцев через Рейн.] Варвар рассердился и дал многословный и угрожающий ответ. Поэтому Цезарь не стал ему посылать словесных возражений, а предварительно, прежде чем можно было это заподозрить, занял город секванов Везонцион.

Гл. 35. В это время пришло известие о сильных приготовлениях Ариовиста, о том, будто бы много других кельтов уже перешло Рейн к нему на помощь, и о том, что они собрались еще на самой этой реке, чтобы внезапно напасть на римлян. Воины [Цезаря] страшно перепугались. Они были в ужасе от роста кельтов, от их множества и отваги и от решительных угроз Ариовиста они пришли в такое состояние, как будто их собираются вести не на людей, а на непреодолимых диких зве-

рей. [В главах 35–47 передается речь Цезаря перед командным составом, в которой он оправдывал этот поход и ссылался на прежние подвиги римлян. Переговоры с Ариовистом он выставляет как оскорбление всему римскому народу. Его речь убедила военачальников. При их помощи и другими мероприятиями он поднял дух воинов.]

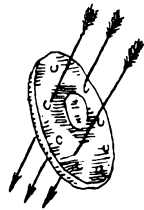
Гл. 40, 7. [Характеризовав прежние войны, в которых римляне прекращали враждебные действия различных народов и полководцев вторжением в их собственные пределы, Цезарь в этой речи аргументирует в том же смысле отношения с галлами и германцами.] То же самое можно сказать о галлах и кельтах. Ведь и они также, пока мы оставались на своей стороне Альп, часто их переходили и опустошали многие местности Италии. Когда же мы осмелились однажды пойти походом за эти горы и перенести военные действия к ним самим и отрезали себе часть их страны, мы больше не видали ни одной войны с их стороны в Италии, кроме единственного случая...

Гл. 45. [Заканчивая свою речь и считая доказанной справедливость этой войны, Цезарь стремится показать необоснованность страха перед германцами.] Что его³ можно одолеть и что с ним не трудно воевать, убедитесь на примере его единоплеменников, которых мы часто побеждали и прежде и особенно легко побеждаем теперь; а также заключите об этом из того, что мы слышим о нем самом. В особенности, нет у него налицо соответствующего и обученного войска. Теперь он не ожидает ничего страшного и поэтому совершенно не подготовлен... [Цезарь указывает на отсутствие у Ариовиста союзников и на численность и опытность римлян, а затем характеризует военные качества германцев следующим образом:] У нас все тело в одинаковой степени защищено доспехами, а они по большей части вооружены легко. Мы действуем по плану и в строю, а они в возбуждении бросаются в беспорядке на всякое препятствие. Именно поэтому не бойтесь их натиска, их высокого роста и громкого крика. Ведь до сих пор ничей голос не убивал людей; они своими физическими силами не смогут совершить ничего большего, чем мы, так как у них точно такие же руки, как и у нас; зато они могут гораздо больше пострадать, так как велики [ростом] и легко вооружены. Их натиск сначала необуздан и смел, но легко иссякает и недолго сохраняет свою силу...

Гл. 47. Чтобы воины опять не ослабели духом, он тотчас же снялся с места и пошел на Ариовиста. Он так смутил его внезапным наступлением, что тот был принужден явиться к нему для беседы о мире. Однако они не пришли к соглашению, так как один настаивал на всех своих требованиях, а другой не хотел ни на что согласиться. Таким образом, завязалась война; и не только обе стороны, но и все бывшие там их союзники и враги были в ожидании и считали, что битва произойдет как можно скорее и что одни сразу победят, а другим придется в дальнейшем стать их рабами. Варвары имели превосходство благодаря своей многочисленности и высокому росту, а римляне — благодаря своему опыту и вооружению. Пожалуй, в противовес ярости и беспорядочному и поспешному натиску кельтов стояло хладнокровие Цезаря. Поэтому они были равны в борьбе, а их надежды и решимость в соответствии с этим уравнивались.

Гл. 48. Пока они стояли друг против друга, женщины варваров объявили им предсказание не вступать ни в какую битву до новолуния. Благодаря этому Ариовист (он относился к ним с очень большим вниманием, когда они делали что-нибудь подобное) не вступил в бой тотчас же со всем своим войском, хотя римляне их на это вызывали, а выслал только всадников с поставленными с ними в общий строй пехотинцами и сильно вредил своим врагам. С этих пор он стал относиться к ним с пренебрежением и попытался занять место перед их окопами. Он даже захватил его. А когда римляне заняли другое место вместо этого для битвы и Цезарь до полудня держал войско в строю вне лагеря, тот на него не двинулся. Но когда Цезарь стал к вечеру возвращаться в лагерь, Ариовист неожиданно напал на римлян и едва-едва не взял их укреплений. При таком удачном ходе дела он стал мало обращать внимания на своих женщин, и, когда на другой день римляне выстроились, как они делали ежедневно, он вывел свое войско им навстречу.

Гл. 49. Когда варвары увидали, что римляне выходят из лагеря, они не остались на месте, а наскочили на них и не позволили им как следует выстроиться, бегом напали на них с криком и отняли у них возможность воспользоваться дротиками⁴, на что те особенно рассчитывали.

Варвары подошли к римлянам настолько вплотную, что не могли употребить в дело копья и слишком длинные мечи. Поэтому они боролись и больше сражались силою тел, чем оружием, стараясь опрокинуть нападающих и сбить с ног сопротивляющихся. Многие, кто был лишен возможности пользоваться даже более короткими мечами, сражались вместо них руками и зубами, опрокидывая противников, кусая и терзая их, так как были гораздо выше их ростом. Однако они не нанесли таким путем римлянам большого вреда. В рукопашной схватке римляне оказывались равными с ними благодаря своему вооружению и искусству. Наконец, возможно дольше затянув такого рода битву, римляне хотя и поздно, но одолели. Им оказались очень полезны мечи, которые короче галльских и наварены сталью. Да и сами они могут дольше выдерживать такое напряжение и выносливее варваров, у которых выносливость не равняется быстроте атак. Поэтому последние были разбиты, однако не были обращены в бегство не потому, что они этого не захотели, а потому что они не смогли бежать из-за безвыходности своего положения и истощения. Тогда они образовали отряды по 300 человек, или больше или меньше этого, и закрылись со всех сторон щитами. Они стояли прямо, и в их ряды нельзя было проникнуть, так они были сомкнуты, но и сами они были лишены возможности двигаться от тесноты. Итак, сами они бездействовали, и им не наносили вреда. Они не наступали и не убегали, а оставались стоять в том же положении, как на башнях. А римляне еще в начале битвы сами сразу сбросали совершенно бесполезные для них копья, а теперь не могли сражаться даже мечами врукопашную и достать до их голов, которые только и были доступны, так как варвары сражались простоволосыми. Поэтому римляне стали вырывать у них щиты и, нападая на них одни с разбегу, а другие изблизи, как-то на них наскокивали и их рубили. С этого момента многие из них падали с первого удара, а многие умирали, еще не успев упасть, так как от тесноты их строя даже мертвецы держались прямо.

Так там было уничтожено большинство пехоты. А те, кто случайно попал с поля к повозкам, погибали около них вместе с женщинами и детьми. Ариовист с конницею покинул

эту местность и ушел к Рейну. Его настигли, но не захватили: он успел убежать на лодке. Остальных римляне перебили, спустившись в реку; а некоторых он успел захватить и увести.

Книга XXXIX

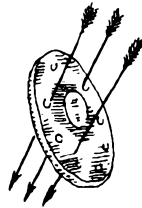
[В XXXIX и XL книгах Дион Кассий сообщает среди других событий о некоторых действиях Цезаря против германцев в Галлии.]

Гл. 4, 1. [57 год до н. э. — время войны Цезаря с белгами].
...Адуатуки, родственные кимврам и близкие к ним по духу, двинулись с намерением помочь нервиям.

Гл. 47. [55 год до н. э.] Когда римляне зимовали в дружественной стране, кельтские племена⁵ тенктеры и узипеты, отчасти силою прогнанные свевами, отчасти по призыву галлов, перешли Рейн и вторглись в область треверов. Тогда же, узнав о Цезаре и испугавшись его, они послали к нему для заключения мира и с просьбой о предоставлении области, считая достаточным взять ту, какую им позволят. Ничего не добившись, они сначала пообещали добровольно возвратиться на родину и попросили перемирия. Потом их молодежь, заметив как-то приближение немногочисленных всадников Цезаря, отнеслась к ним с пренебрежением и переменяла свое решение. Тут же они напали на них во время движения и ввиду неожиданности атаки их разбили.

Возгордившись по этому поводу, они стали стремиться к войне.

Гл. 48. Более старшие из них, осудив это, явились к Цезарю против их желания⁶ и просили его их простить, сваливая эту вину на немногих. Он задержал их, как будто собираясь дать им вскоре ответ, а сам двинулся на остальных. Он напал на них, когда они в полдень отдыхали в шатрах и не ждали враждебных действий, так как их послы находились у него. Он налетел на шатры всей массой пехоты и стал избивать их, так как они не успели схватиться за оружие, но были в полном смятении около повозок вперемежку с женщинами и детьми. Их всадники тогда отсутствовали и, как только узнали о случившемся, сейчас же ушли на свое обычное место жительства и оттуда переселились к сугамбрам. Цезарь послал требовать их выдачи; но он вовсе не ждал этого (зарейнские жители то-

гда не настолько боялись римлян, чтобы выслушивать от них такие требования), а хотел под предлогом [*их отказа*] перейти эту реку. До него никто прежде еще не сделал подобного ему, и он сам горячо желал это выполнить и предполагал, что удержит кельтов вдали от Галлии, если вторгнется даже в их собственную страну. Так как те всадники не были выданы и убиты, жившие по соседству с сугамбрами и враждовавшие с ними, звали его к себе, то он построил через реку мост и перешел ее. Он узнал, что сугамбры удалились в неприступную местность, а свевы стягиваются, чтобы им помочь, и возвратился по течению двадцати дней.

Гл. 49. Рейн выходит из Кельтских Альп, близко от Реции. В дальнейшем течении он служит границей между Галлией и ее жителями, находящимися с запада на его левом берегу, и кельтами, живущими на правом; в конце он впадает в Океан. Таковой эта граница, от которой они и получили разные прозвища, всегда считается теперь, после того как очень давно кельтами назывались и те, и другие жители обоих берегов реки⁷.

Гл. 50. [*55 год до н. э.*] Итак, Цезарь первый тогда перешел Рейн⁸...

Книга XL

Гл. 31. [*53 год до н. э.*] ...Амбиориг... вызвал к себе от кельтов наемное войско. Лабиен хитростью нанес поражение треверам.

Гл. 32. ...Цезарь совершил поход на кельтов, так как они хотели помочь треверам⁹. Тогда он ничего не достиг, а поскорее возвратился, боясь свевов. Поэтому он решил опять перейти Рейн и разобрал только ту часть моста, которая прилежала к берегу варваров. Он устроил на нем сторожевое укрепление, так как постоянно собирался совершить переправу. Цезарь отдал родину Амбиорига на разграбление галлам... много пришло и сугамбров на грабеж. Однако сугамбрам оказалось мало грабить тех, они напали даже на самих римлян. Они дождались, когда те отправились на подвоз хлеба, и захватили их лагерь. В то время как те поспешили на помощь, они, так как узнали об их возвращении, многих из них перебили. Бо-

ья вследствие этого Цезаря, они поспешили вернуться домой. А он никого из них не подверг никакому наказанию, так как была зима и в Риме происходили волнения.

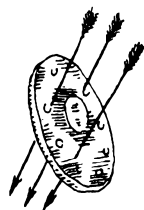
Гл. 39. [52 год до н. э. *В борьбе против Верцингеторига в союзе с Цезарем участвовали германцы.*] Верцингеториг потерпел поражение со стороны воевавших в союзе с римлянами кельтов. Их отвага стала еще больше от ненасытной жажды их тел к движению, и они разбросали окружавших их врагов.

Книги XLVIII–LVI

[В книгах XLVIII, LI, LIII, LVI, LV и LVI Дион Кассий описывает целый ряд событий в Германии, особенно походы Друза и Тиберия в эпоху императора Августа.]

Кн. LI, гл. 21, 6 [29 год до н. э.] ...Гай Каррина победил моринов и прочих, восставших против них¹⁰, и отразил свевов, перешедших Рейн для войны...

Кн. LI, гл. 22, 6 [29 год до н. э. — цирковые игры, происходившие в Риме по возвращении Октавиана из Египта после победы над Антонием и Клеопатрой.] ...Толпою сразились друг с другом даки и свевы. Эти последние — кельты, а те в некотором смысле — скифы¹¹. Одни, строго говоря, живут по ту сторону Рейна (ведь и многим другим народам присваивают имя свевов), а другие — на обоих берегах Истра. [Дальше говорится о даках, вставших на сторону Антония.] Некоторые из них¹² поэтому были взяты в плен и впоследствии выпущены в бой на свевов...

Кн. LIII, гл. 12, 5. [При перечислении императорских провинций при Августе:] ...Все галлы, и нарбонские, и лугдунские, аквитаны и белги, как сами, так и их пришлые соседи: ведь некоторые из кельтов, которых мы называем германцами, заселили всю Белгику у Рейна, и поэтому ее называют Германией: верхней ту, что доходит до истоков этой реки, а нижней ту, которая простирается вплоть до британского Океана.

Кн. LIII, гл. 26, 4. [25 год до н. э., основные события этого времени — в Малой Азии.] В то же самое время Марк Виниций пошел [в карательную экспедицию] на некоторых из кельтов за то, что они схватили и убили римлян, прибывших в их страну для торговли...

Кн. LIV, гл. 20, 4–6. [16 год до н. э.] Самую большую из выпавших тогда на долю римлян войн, которая заставила даже самого Августа приехать из города, оказалась война с кельтами. Сугамбры, узипеты и тенктеры начали с того, что захватили на своей земле и распяли нескольких римлян. Потом они, перейдя Рейн, разграбили Германию и Галлию, поймали в засаду выступившую на них римскую конницу, во время ее преследования неожиданно наткнулись на ее начальника Лоллия и одержали над ним победу. Узнав об этом, Август двинулся на них, однако ему совсем не пришлось воевать, так как варвары, разведав о новых приготовлениях Лоллия и о выступлении Августа, возвратились в свою страну и, дав заложников, заключили мир.

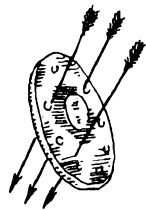
Кн. LIV, гл. 32. [12 год до н. э.] То же самое произошло и с Друзом. Когда сугамбры и их союзники начали проявлять враждебность, благодаря отсутствию Августа и желанию галлов освободиться, он предупредил это стремление покоренных тем, что пригласил их аристократию к себе под предлогом праздника, которое и до настоящего времени справляется у алтаря Августа в Лугдуне. А кельтов он подстерег и заставил отступить при их переходе через Рейн. После этого он переправился в страну узипетов как раз против острова батавов, а оттуда вторгся в землю сугамбров и разорил ее всю сплошь. Проплыв вниз по Рейну в Океан, он вошел в дружеские сношения с фризами. Вторгнувшись в страну хавков по озеру¹³, он подвергся опасности, потому что его суда сели на мель во время отлива Океана. Тогда он был спасен фризами, вышедшими с ним вместе в поход по суше, и вернулся обратно.

Кн. LIV, гл. 33. [11 год до н. э.] С началом весны он опять двинулся на войну, перешел на ту сторону Рейна, подчинил узипетов, построил мост через Лупию и вторгся в страну сугамбров. Через нее он прошел в землю херусков до самого Визургиса. Он смог это сделать, потому что сугамбры были недовольны хаттами, единственными из всех соседей, не пожелавшими вступить с ними в союз, и всем народом ушли на них в поход. Как раз вовремя он тайно прошел через их страну. Пожалуй, он перешел бы и Визургис, но стал испытывать недостаток в продовольствии, и к тому же наступила зима. Кроме того, в его лагере показался пчелиный рой. Поэтому он

не пошел дальше за эту реку. На обратном пути в дружественную страну он подвергся страшной опасности. Враги особенно много причинили ему вреда засадами; а однажды, заперев римлян в узкой долине, едва их не уничтожили и могли погубить его со всем войском, но пренебрегли римлянами, считая их чуть ли не взятыми в плен и готовыми пасть от одного удара, и в полном беспорядке вступили с ними в бой. Они были побеждены и с тех пор больше не осмеливались на такие поступки, а беспокоили римлян издали и не подходили близко, так что Друз стал сам в ответ относиться к ним с презрением, и там, где сливаются Лупия и Элизон, основал против них сторожевое укрепление, а другое поставил в земле хаттов у самого Рейна.

Кн. LIV, гл. 36. [10 год до н. э.] Друз частью опустошил, частью подчинил себе область хаттов и остальных кельтов, так как они соединились с сугамбрами и вышли вновь из своей земли, которую получили от римлян для заселения. После этого они¹⁴ возвратились в Рим с Августом (он большую часть времени провел в лугдунской¹⁵ области, поджидая на близком расстоянии возможного вторжения кельтов).

Кн. LV, гл. 1. [9 год до н. э.] Это произошло при консулах Юлии Антонии и Фабии Максиме. В следующем году Друз вступил в консульство вместе с Титом Криспином, но для него не было хороших предзнаменований... Напротив, было много бурь, ударов молний и других дурных знамений: разрушились даже многие храмы, и был поврежден самый храм Зевса Капитолийского¹⁶ и богов, почитаемых совместно с ним. Впрочем, Друз нисколько об этом не беспокоился, а вторгся в землю хаттов и прошел до самой страны свевов. Он с трудом подчинял себе лежащий на пути край и с кровавыми потерями одолевал вступающих с ним в борьбу. Оттуда он перешел в землю херусков и после переправы через Визургис, все опустошая, достиг Альбиса. Эту реку (она течет с Вандальских гор и впадает великим потоком в Северный океан) он попытался перейти, но не смог этого сделать и ушел назад, поставив на ее берегу трофей. Ему повстречалась какая-то женщина, бывшая выше природного человеческого роста, и сказала: «Куда же, наконец, ты спешешь, ненасытный Друз? Не все тебе здесь суждено увидеть. Уходи же

[*скорее*]: уже приходит для тебя конец и делам, и жизни». Конечно, удивительно, когда такой глас от божества выпадает кому-нибудь на долю; однако я этому вполне доверяю. Тотчас сказались последствия [*этой встречи*]: он стал спешить назад и по дороге, еще не дойдя до Рейна, скончался от какой-то болезни. Для меня доказательством рассказанного служит то, что даже волки с воем блуждали вокруг лагеря во время его смерти, что показались два юноши, ехавшие на конях посредине рва, что был слышен женский плач и по небу стали пробегать звезды. Это так произошло: Август, узнав о его болезни (он в это время был недалеко), спешно послал туда Тиберия. Этот последний застал Друза еще в живых и после смерти повез в Рим. По пути, до того как войско стало на зимнюю стоянку, он позволил нести покойника центурионам и военным трибунам, а с этого места — первым гражданам каждого проходимого города. Когда тело Друза было выставлено на форуме, было произнесено две похоронные речи: Тиберий воздал ему похвалу здесь, и Август — на Фламиниевом ристалище...

Его тело было отнесено на Марсово поле всадниками, действительно входившими во всадническое сословие, и лицами сенаторского ценза; там оно было предано огню и водворено в августовой гробнице. Друз вместе с детьми получил имя Германика и удостоился почестей в виде статуй и арки, а у самого Рейна — кенотафия.

Кн. LV, гл. 6. [*8 год до н. э.*] [*Август*] предпринял поход против кельтов. Сам он остался на своей земле, а Тиберий перешел Рейн. Испугавшись римлян, варвары, кроме сугамбров, отправили к нему послов, но ничего не добились ни тогда, ни позднее... Сугамбры тоже отправили послов, но те ничего не смогли добиться, а все в большом числе и знатные по происхождению погибли. Август приказал их схватить и сослать в разные города; они не перенесли этого и покончили самоубийством. Некоторое время после этого сугамбры оставались в покое; потом они дорого отплатили римлянам за свои страдания.

Кн. LV, гл. 9. [*6 год до н. э.*] В Германии не случилось ничего достойного упоминания.

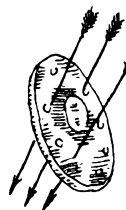
Кн. LV, гл. 10а, 2. [*3 и 1 годы до н. э.*] Вместе с тем произошли следующие изменения у кельтов. Уже прежде Домиций, пока

он еще правил придунайскими местностями, принял гермундуров, выселившихся по неизвестной мне причине с родины и блуждавших в поисках другой земли, и отдал им для поселения часть страны маркоманов. Он перешел тогда Альбис без препятствия с чей бы то ни было стороны, заключил дружбу с жившими в тех краях варварами и водрузил там алтарь Августу. Тогда же он пошел к Рейну и попытался вернуть на родину при помощи других племен некоторых изгнанников из херусков, но потерпел в этом неудачу, и поэтому другие варвары стали пренебрежительно относиться к римлянам. Впрочем, он ничего больше и не предпринял в тот год.

Кн. LV, гл. 28, 5–7. [6 год] Против кельтов ходили походом несколько лиц, в том числе и Тиберий. Сначала он дошел до реки Визургис, а после этого даже до Альбиса; однако тогда не было совершенно ничего достойного упоминания. Несмотря на это, в честь этого похода не только Август, но и Тиберий получили императорский титул, и Гай Сентин, управитель Германии, удостоился почестей как победитель, так как кельты в страхе перед ними заключили мир уже не в первый, а во второй раз. Причина этого заключалась в следующем: хотя кельты недавно нарушили договор, но им был опять дарован мир: у далматов и паннонцев произошли события, более тревожные и нуждающиеся в большем внимании.

Кн. LVI, гл. 18–23. [9 год. Здесь описывается поражение *Вара* в *Тевтобургском лесу*. События разворачиваются в то время, когда после побед *Тиберия* и *Германика* на Дунае в Риме готовились торжества.]

Едва только это было решено, как из Германии пришла страшная весть и помешала римлянам закончить празднества. В это самое время в Кельтике случилось следующее. Римляне владели в ней не сплошными пространствами, а отдельными пунктами, которые им удалось захватить. Поэтому такие пункты и не упомянуты в исторических исследованиях. Их воины там зимовали и заселяли города, а варвары перестраивались на их образец, привыкли к их рынкам и там мирно с ними встречались. Впрочем, их не удалось заставить забыть отчие нравы, своего природного характера, своего самостоятельного образа жизни и своей свободы, основывавшейся на силе оружия. Но приучаясь мало-помалу при надзоре со сто-

роны римлян к их нравам, они не тяготились переменю своего быта и незаметно изменялись. Квинтилий Вар, получив в управление Германию и распоряжаясь их делами в силу своей власти, стал стремиться к тому, чтобы их сразу переделать. Он и в остальном отдавал им приказания, как порабощенным, и взыскивал с них деньги, как с подданных. Они этого не стерпели; их предводители стремились к прежней власти, а массы предпочитали привычное состояние иноплеменному владычеству. Они не отложились открыто, зная, как много римлян и у Рейна, и в их собственной стране. Приняв Вара к себе так, как будто они собираются исполнить все его предписания, они завлекли его далеко от Рейна, в землю херусков и к Визургису. Здесь они обошлись с ним самым мирным и дружеским образом и возбудили в нем уверенность, что их можно поработить без применения военной силы. Поэтому он не держал свои войска вместе, как следовало делать во вражеской стране, а постоянно предоставлял их тем из германцев, кто просил их, не имея сам сил, как будто для охраны поселений или для поимки разбойников и для доставки провианта. Главными заговорщиками и зачинщиками происков и войны против него оказались помимо прочих Арминий и Сегимер, его постоянные спутники и обычные сотрапезники. Таким образом, он был спокоен и не ожидал ничего страшного. Он не только не верил тем, кто подозревал происходящее на деле и уговаривал его быть настороже, но даже укорял их в том, что они напрасно беспокоятся и наговаривают на этих людей. В это время восстают по плану первыми некоторые из живших вдали от него, чтобы им легче было захватить Вара, когда он двинется в поход, на пути через земли, которые он считал за дружественные, и чтобы он не принял мер к самозащите, если бы вдруг все сразу стали его врагами. Так и случилось: они... оставили его под предлогом пригтовления для него вспомогательных войск и скорейшей помощи, а сами подняли стоявшие где-то наготове силы, перебили каждый находившихся у них воинов, которых раньше выпросили [у Вара], и напали на него, когда он был в труднопроходимых лесах. Здесь они сразу оказались врагами вместо подданных и совершили много страшного. Там были обильные ущельями и неровные горы, а также густые и очень высо-

кие деревья. Поэтому римляне еще до того, как на них напали враги, были измучены трудом, так как им приходилось рубить деревья, строить дороги и мосты, где это было нужно. За ними шло много возов, и они несли много груза на себе, как в мирной обстановке. С ними следовало немало детей и женщин и много всякой прислуги; сообразно с этим, движение происходило разобщенной вереницей. При этом поднялся еще сильный дождь и ветер и еще больше их разделил. Почва около корней и пней сделалась скользкой, и им стало неустойчиво передвигаться по ней. Вершины деревьев, ломаясь и падая вниз, вызывали смятение. И так как римляне поэтому находились в очень трудном положении, то варвары вдруг сразу отовсюду окружили их (они отлично знали все тропинки) и сначала поражали издалека, а потом, так как никто из римлян не защищался и многие были ранены, они двинулись на них врукопашную. Так как римляне шли не в строю, а впережку с возами и безоружными людьми, не могли нигде легко соединиться и были по отдельности слабее непрерывно нападающих на них врагов, то они сильно пострадали, а в ответ ничего не предпринимали. Они устроили там себе лагерь, заняв какое-то удобное место, насколько это было возможно на лесистой горе. После этого они сожгли большую часть повозок и все остальное, что им было не очень необходимо, а кое-что побросали и, собравшись кое-как в одну колонну, на другой день тронулись в путь, так что даже выбрались на какое-то чистое место. Конечно, их отступление не обошлось без кровопролития. Снявшись оттуда, они снова попали в леса и защищались против нападавших на них врагов и, конечно, от этого терпели очень большую неудачу. Собираясь вместе на узком пространстве, чтобы и всадники, и легионеры совокупными усилиями могли нападать на врагов, они часто спотыкались то друг о друга, то о деревья. Был четвертый день их похода, когда поднялись сильный дождь и большой ветер. Он не позволял им ни двигаться вперед, ни твердо стоять на ногах, но еще и лишил их возможности пользоваться оружием. Они не могли как следует пустить в дело намокшие стрелы, дротики и щиты. Напротив, для врагов, которые по большей части были легко вооружены и безопасно могли наступать и отступать, это было не так плохо. К тому же еще

их стало гораздо больше (так как даже из остальных варваров те, кто раньше колебался, сошлись толпой прежде всего ради добычи). Римлян было уже меньше (многие погибли в прежних битвах). Поэтому их легче окружали и убивали. Тогда Вар и остальные главные начальники, боясь быть взятыми живыми в плен и убитыми руками своих злейших врагов (к тому же они все были уже ранены), решились на страшный, но неизбежный шаг: они покончили самоубийством. Когда это стало известно, то из остальных никто больше не стал защищаться, даже те, кто еще был в силах. Одни поступали по примеру своего начальника, а другие бросали оружие и поручали себя убить тому, кто согласится, так как, если бы кто-нибудь даже особенно хотел бежать, он этого не мог сделать. Враги безбоязненно убивали всех: и людей, и коней, и... [*Здесь у Диона Кассия значительный пробел. Далее идет отрывок из текста Диона Кассия в изложении византийского историка Зонары (XI–XII века):*]

...Варвары захватили все укрепления, кроме одного. Задержавшись около него, они не перешли Рейна и не вторглись в Галлию. Впрочем, они не смогли им овладеть, так как не умели вести осаду, а римляне использовали против них стрелков, которые их оттесняли и очень многих убивали.

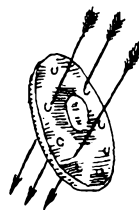
После этого, узнав о том, что римляне учредили охрану Рейна и что Тиберий приближается с сильным войском, многие из врагов совсем ушли от этого укрепления, а оставшиеся отошли от него, чтобы не терпеть урона от неожиданных вылазок со стороны гарнизона, и охраняли дороги, надеясь взять его измором. Римляне, составлявшие гарнизон, пока у них было достаточно продовольствия, оставались на посту в ожидании помощи. Но так как никто не приходил к ним на подмогу и их мучил голод, то они ушли из укрепления, выбрав для этого зимнюю ночь (воинов было мало, а много безоружных).

[*Продолжение текста Диона Кассия:*]

Они уже было прошли первый и второй сторожевые посты врагов, но, подойдя к третьему, были замечены, так как женщины и дети от усталости, страха, темноты и холода не переставали просить мужчин вернуться. Пожалуй, все бы они погибли или попали бы в плен, если бы варвары не замешкались

за разграблением добычи... Трубачи, сразу затрубив трохей¹⁷, ввели противников в заблуждение... Из-за этого они прекратили преследование...

Позднее случилось следующее... Август, узнав о том, что произошло с Варом, как говорят некоторые, разорвал на себе одежду. Его охватили великая скорбь о погибших и страх за Германию и Галлию. Особенно [его пугало] то, что он предположил, как бы враги не двинулись на Италию и на самый Рим. К тому же у него уже не осталось войска из граждан цветущего возраста в достойном внимания числе, да и союзные войска, могущие быть полезными, понесли большой урон. Все-таки он стал готовить новое войско из наличных сил, и так как никто из бывших в призывном возрасте не захотел быть призванным, то он произвел жеребьевку и отнял имущество и гражданские права у каждого пятого из не достигших 36 лет и каждого десятого из более старших, на кого пал жребий. Наконец, так как и при таком положении многие ему не подчинились, он казнил некоторых. Отобрав по жребию из тех, кто уже отслужил свой срок, и из вольноотпущенников столько людей, сколько смог, он закончил набор и тотчас же поспешно послал их в Германию с Тиберием во главе. Так как в Риме было много галлов и кельтов, или просто там проживавших, или служивших в страже, то он побоялся, как бы они не замыслили чего-нибудь дурного, и последних выслал на разные острова, а безоружным приказал выселиться из города.

Тогда он поступил так: никакие из обычных празднеств не были совершены, и не были справлены всенародные игры. После этого он услышал, что некоторые из воинов спаслись, что обе Германии¹⁸ приведены в оборонительное состояние и что вражеское войско не отважилось прийти на Рейн. Тогда он освободился от ужаса и принял определенное решение. Ему казалось, что такая великая и чрезмерная беда случилась с ним, очевидно, вследствие гнева какого-то божества. [Дальше следует подробное описание знамений и чудес, как предшествовавших поражению, так и совпавших с ним по времени, в числе знамений отметим, что] ...одна статуя Победы, находившаяся в Германии и смотревшая на вражескую страну, повернулась лицом к Италии.

[10 год] Тиберий не решался переправиться через Рейн, а довольствовался тем, что стоял настороже, чтобы не дать варварам это сделать. Но и они не отважились на переправу, зная о его присутствии.

Кн. LVI, гл. 26, 2–3. [11 год] По вступлении в консульство Марка Эмилия и Статилия Тавра Тиберий и Германик¹⁹, бывший в сане проконсула, вторглись в Кельтику и частично ее опустошили; впрочем, они не победили ни в одном сражении, так как никто не шел к ним навстречу, и не покорили ни одного племени. Боясь снова попасть в беду, они зашли не очень далеко от Рейна, остались там до осени и ушли обратно, справив день рождения Августа и устроив по этому поводу для центурионов скачки.

Книги LIX–LX

[В LIX книге между прочими событиями описывается поход Калигулы против германцев, а в LX книге — поход императора Клавдия.]

Кн. LIX, гл. 21, 1–3. [39 год] [Калигула] отправился в Галлию под предлогом что-нибудь сделать с враждебными кельтами, так как они будто бы были беспокойны, а на деле с тем, чтобы получить денег с наиболее цветущих городов, как их, так и иберийских. Впрочем, он не объявил открыто о своем выступлении, а, прибыв в один из пригородов [Рима], тронулся внезапно, увозя с собою множество танцоров, гладиаторов, лошадей, женщин и всякие предметы роскоши. Прибыв туда, он никому из врагов не причинил вреда, так как только немного прошел за Рейн и сейчас же повернул назад, а двинувшись вслед за тем как будто с целью похода в Британию, возвратился от самого Океана и очень сердился на подчиненных полководцев, имевших какой-либо успех. Зато он причинил очень много большого вреда покоренным, союзникам и гражданам.

Кн. LX, гл. 8, 7. [41 год] ...Сульпиций Гальба одолел хаттов, а Публий Габиний победил маврусиев и отличился в остальном: он взял обратно легионного орла, единственного, который был у них после гибели Вара. Поэтому как будто бы за дело Клавдий получил благодаря им обоим звание императора.

Книга LXVII

[В LXVII книге описывается несколько случаев столкновений Домициана с германцами.]

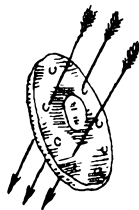
Гл. 3, 5. [83 год. Отрывок в изложении Зонары:] Потом он двинулся в Галлию и захватил кое-какую добычу у [племен], живших по ту сторону Рейна и находившихся в договорных отношениях [с Римом]. Он гордился этим так, как будто достиг большой удачи, и увеличил воинам жалованье, словно благодаря победе.

Гл. 4, 1. [83 год; продолжение предшествующего отрывка — уже по собственному тексту Диона Кассия]. Он пошел походом в Германию²⁰ и возвратился, не выдавши нигде боя.

Гл. 7, 1 и 2. [89 год] Домициан захотел отразить квадов и маркоманов, чтобы они не получили помощи от даков, пришел в Паннонию для войны с ними и перебил послов, которых они вторично прислали для заключения мира...

Домициан, разбитый маркоманами и отступивший, послал спешно к царю даков Децебалу и заключил с ним договор, в котором ему раньше отказывал, несмотря на его частые просьбы...

Гл. 5, 1. [90 год] Король херусков Хариамер был изгнан хаттами из своих владений за дружбу с римлянами. Сначала он привлек на свою сторону каких-то сторонников и при возвращении из изгнания оказался сильнее прежнего. Потом они его покинули, так как он отправил к римлянам заложников и обратился за поддержкой к Домициану; но он не добился военной помощи, а получил деньги.

Книга LXXI

[В разных местах и отрывках LXXI книги передаются известия о борьбе Марка Аврелия с германцами, особенно с квадами и маркоманами.]

Гл. 3, 1. Сам Марк то и дело, так сказать, всю жизнь, воевал с живущими на Истре варварами, язигами²¹ и маркоманами.

Гл. 3, 1а. [166 год] 6000 лангобардов и обиев переправились через Истр. Когда против них выступила кавалерия под начальством Виндекса и их предупредила пехота под командой

Кандида, варвары обратились в полное бегство. Придя в ужас от такого положения дел при первой же схватке, варвары отправляют к Иаллию Бассу, правителю Паннонии, в качестве послов царя маркоманов Балломария и еще 6 человек, выбрав их по одному от племени. Послы, дав со своей стороны клятву в верности миру, отбывают домой.

Гл. 3, 2–4. [168 год] Многие из зарейнских кельтов дошли вплоть до Италии и совершили много ужасного против римлян. Направляясь против них, Марк противопоставлял им подчиненных себе полководцев Помпейана и Пертинакса. Пертинакс настолько отличился, что позднее даже сделался императором. При этом среди трупов варваров были найдены тела вооруженных женщин. Хотя борьба была очень ожесточенна и победа оказалась блестящей, при всем том император, несмотря на просьбы воинов, не дал им денег.

Гл. 11–12, 3. [169–170 годы] Марк Антонин остался в Паннонии также ради того, чтобы вступить в переговоры с посольствами варваров, так как тогда их к нему пришло много. Те из них, во главе которых стоял двенадцатилетний мальчик Баттарий, обещали военный союз и получили за это деньги; они сумели помешать своему близкому соседу, династу²² Тарбу, явившемуся в Дакию с требованием денег и угрожавшему войной, если он их не получит. Другие просили мира, как, например, квады. Они его получили при условии отложиться от маркоманов, а также потому, что дали лошадей и много коров и обещали возратить всех перебежчиков и пленников, сначала 13 тысяч, а потом и остальных. Вместе с тем они добились позволения на торговые сношения на рынках при условии, чтобы только вместе с ними туда не являлись маркоманы и язиги, которых они поклялись не принимать и не пропускать через свою страну, и чтобы они сами присматривались к римским обычаям и торговали продуктами. Таким образом, и они пришли к Марку, и многие другие прислали к нему послов с изъявлением покорности — одни по родам, а другие по племенам. Одни из них пошли походом в разные места, куда их послали, как и те из пленных и перебежчиков, кто был в силах, другие даже получили землю: кто — в Дакии, кто — в Паннонии, кто — в Мезии и Германии и даже в самой Италии. Те из них, которые жили в Равенне, затеяли восста-

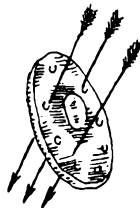
ние, так что даже отважились на захват города. Поэтому он²³ больше не стал вводить в Италию никого из варваров, но даже выселил ранее прибывших...

Гл. 3, 5. [171 г. н. э.] Когда маркоманы имели успех в одной битве и убили бывшего в ней начальником Марка Виндекса, [Марк] поставил этому последнему три статуи. Одолев их [эти племена], он был назван Германиком, так, как мы называем живущих в верхних²⁴ местностях германцами.

Гл. 13–14, 1. [172 или 173 год] Язиги снарядили к Марку посольство с просьбой о мире, однако ничего не добились. Марк знал вероломство их племени... и поэтому захотел их²⁵ совсем уничтожить... Квады, хотя тогда не воевали заодно с ними, но... не сделали ничего из того, на что согласились, и выдали не всех пленников, а только немногих, которыми не могли воспользоваться для продажи или для работы. Если они и отдавали кого-нибудь из пленных в цветущем возрасте, то все-таки удерживали у себя их родственников, с тем чтобы [возвращенные] опять перебежали к ним. Изгнав своего короля Фуртия, они сами по собственной воле поставили над собой короля Ариогеза. Из-за этого император не утвердил его их законным королем и не возобновил с ними договора, хотя они обещали выдать 50 тысяч пленников.

Марк сильно ненавидел Ариогеза и поэтому объявил, что, если кто приведет его живым, тот получит тысячу золотых, и пятьсот тот, кто убьет его и покажет его голову... Однако, когда тот был впоследствии взят в плен, он не сделал ему никакого зла, а сослал его в Александрию.

Гл. 8. [174 год] Маркоманов и язигов он подчинил после долгой и большой борьбы и опасностей. А против так называемых квадов ему пришлось вести большую войну, и ему удалось, вернее, была дарована божеством неожиданная победа, а именно — римлян, подвергавшихся в битве большой опасности, самым неожиданным образом спасла божественная воля. Так как квады окружили их в подходящем для этого месте, то римляне бились решительно, сомкнув щит к щиту. А варвары затамили битву, рассчитывая их легко захватить благодаря усталости и жажде. Они отдельными отрядами заняли все окрестности и, чтобы тем неоткуда было взять воды, оцепили их, так как сами были тут в очень большом числе. Таким об-

разом, римляне оказались в исключительно плохом положении из-за усталости, ран, солнца и жажды. Они не могли ни сразиться, ни тронуться куда-нибудь, а стояли в строю на одном месте и изнывали от зноя. Как вдруг набежали большие тучи, и хлынул сильный дождь по воле богов. Есть предание, будто некий египетский маг Арнуфий, бывший при Марке, призвал Гермеса Воздушного и некоторых других богов при помощи самого сильного колдовства, и по их воле низвергся дождь. *[Дальше опускаем вставку византийского историка Ксифилина, утверждающего, что чудо произошло по молитве одного легиона, состоявшего из христиан.]* Когда ливень хлынул, сначала все поднимали головы и ловили его ртом, а затем одни подставляли под него щиты, другие шлемы и жадно тянули воду сами и давали пить коням. А когда варвары на них напали, они одновременно и пили, и сражались; некоторые, даже уже будучи ранены, глотали воду вместе со стекавшей в шлемы кровью. Они сильно пострадали бы от налегавших на них врагов, так как большинство было занято питьем, если бы сильный град и частые молнии не падали на их врагов. Там можно было видеть, как в одном и том же месте одновременно с неба шли вода и огонь. Одни освежались влагою и пили, а другие загорались и умирали. И огонь не достигал римлян, а если где и попадал на них, то немедленно гас. Дождь не был на пользу варварам, но, как масло, еще больше увеличивал сжигавшее их пламя. Находясь под дождем, они искали воды. Некоторые из них наносили себе раны, стараясь хоть кровью погасить огонь, а некоторые подбегали к римлянам, думая, что только у них есть спасительная вода. Отражал их поэтому даже сам Марк.

Он был седьмой раз провозглашен воинами императором.

Гл. 15 и 16. *[175 год]* Когда маркоманы прислали послов с сообщением, что все предписанное им, несмотря на все тяготы и трудности, они все-таки выполнили, он освободил половину их пограничной страны, так что им пришлось отделиться от Истра... ограничил для них пункты и дни торговых сношений (прежде они не были определены) и произвел обмен заложниками.

Язиги, потерпев несудачу, явились для соглашения с Антонием, причем умолял его об этом сам Зантик. Сначала они

просили своего второго царя Банадаспа вступить с ним в переговоры. Теперь все знатные явились вместе с Зантиком. Они соглашались на такие же условия, какие были предложены квадам и маркоманам, кроме того условия, по которому они были должны вдвое дальше отселиться от Истра. А император хотел даже их совсем истребить. То, как они и тогда еще были сильны и как много зла они сделали римлянам, тут же обнаружилось в том, что им пришлось возратить 100 тысяч пленников помимо тех, которые были ими проданы, или умерли, или убежали. Они еще немедленно доставили ему 8 тысяч всадников в качестве военной помощи, из которых 5500 человек он послал в Британию.

Гл. 18. [179–180 годы] Язиги прислали послов и попросили снять с них некоторые из договорных условий. Частично он им уступил, с тем чтобы они совсем не отложились от римлян. Однако ни они, ни буры не захотели сражаться в союзе с римлянами, прежде чем не получили от Марка заверения в том, что он будет всегда вести войну [с квадами]. Они боялись, что он, примирившись с квадами, как бывало прежде, оставит в соседстве с ними врагов...

Гл. 20. [179–180 годы] У квадов и маркоманов, приславших послов, [случилось следующее]: 20 тысяч воинов, расположенных у тех и других в укреплениях, не давали им ни заниматься скотоводством, ни обрабатывать землю, ни делать спокойно что-нибудь другое... Квады, будто бы не вынося этого постоя, всем народом снялись с места с целью напасть на семнонов. Антонин, предугадывая их намерение, преградил им дороги и помешал этому. Он не хотел таким путем приобрести их землю, а только наказать людей. [Описание войн Марка Аврелия заканчивается его смертью.]

Гл. 33, 4. И проживи он больше, все живущие там племена были бы покорены.

Книга LXXII

[В LXXII книге описывается германская политика императора Коммода.]

Гл. 1, 2. [180 год] Он достиг 19 лет, когда скончался его отец, оставивший ему много очень почтенных попечителей

из сенаторов. Коммод заявил, что он пренебрегает их советами и наставлениями, и, заключив с варварами договор, отбыл в Рим: он не любил труда и страстно стремился к легкой городской жизни.

Гл. 2. [180 год] У маркоманов больше не было ни продовольствия, ни достаточно людей, так как множество их погибло и их землям наносился постоянный вред. Они послали к нему для заключения мира только двух послов из знатных лиц, а двух других из более бедных. Он легко мог их истребить, но... заключил с ними договор на тех же самых условиях, на которые соглашался его отец. А именно: они должны были возвратить перебежчиков и пленных... и платить каждое лето хлебом какой-то условленный налог, который он позднее им простил. Он взял у них разное оружие и, кроме того, у квалдов 13 тысяч воинов, а у маркоманов меньше. Вместо того он возложил на них обязанность ежегодно давать сколько-то человек. Он, впрочем, еще предписал им не собираться часто и в любом месте их области, но раз в месяц в одном и том же месте в присутствии какого-нибудь римского центуриона. Еще они не должны были воевать с язигами, бурами и вандалами. На таких условиях он с ними вступил в соглашение и очистил все сторожевые пункты, находившиеся в той их области, которая была раньше отрезана в качестве пограничной.

Гл. 3. [180 год] Коммод дал мир бурам, приславшим к нему посольство. Прежде он, несмотря на их частые просьбы, на это не шел, так как они были сильны и хотели получить не мир, а передышку для военных приготовлений. Теперь же, так как они были сильно истощены, он примирился с ними. Он взял у них много заложников, получил обратно много пленников от буров и от остальных племен 15 тысяч и заставил остальных поклясться в том, что они не будут постоянно или временно жить в своей земле, прилегающей к Дакии на 40 стадий²⁶.

Книга LXXVII

[От LXXVII книги сохранились фрагменты о германской политике императора Каракаллы.]

Гл. 3. [213 год] ...Кельтские народы не принесли ему ни радости, ни возможности прослыть мудрым и мужествен-

ным, но изобличили его как большого обманщика, простака и труса...

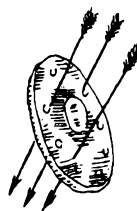
Гл. 13, 4. [213 год] Антонин²⁷, отправившись походом в страну аламаннов, распорядился, если только увидит где-нибудь удобное для поселения место: «Да будет здесь воздвигнуто сторожевое укрепление, да будет здесь основан город». При этом он от себя давал местности какое-нибудь прозвание, а местные жители его не меняли: одни из них оставались в неведении, а другие думали, что он ребячится. С этих пор он стал их презирать и не только не пощадил их, но с теми, к кому он, по его словам, пришел помочь на войне, поступил, как со злейшими врагами. Он созвал их взрослых мужчин будто бы с целью раздать им жалованье, и всех их по команде (он сам подал знак шитом) окружили и перебили. Остальных он переловил, разослав по окрестностям всадников.

Гл. 13, 7. Некоторых из убитых им знатнейших лиц он велел выбросить без погребения.

Гл. 14. [213 год] Он воевал против каких-то кеннов²⁸, кельтского племени. Они, по рассказам, напали на римлян очень храбро и даже выдергивали из тела ртом стрелы, которыми их ранили осроэны, чтобы не отнимать у своих рук времени уходом за этими ранами. Впрочем, они сами продали ему славу победы над собой за большие деньги и позволили отступить в Германию. Женщины [кеннов, хаттов и аламаннов], взятые римлянами в плен, на вопрос Антонина, хотят ли они быть проданными или убитыми, выбрали последнее. Когда их после этого продали, они все убили себя, а некоторые и своих детей.

Многие из живущих у самого Океана, при впадении Альбиса, послали к нему послов, прося дружбы, чтобы получить деньги. Так как он уже делал так раньше, многие приступали к нему с этим, угрожая войной; и он согласился со всеми ними. Если им что и говорилось против их желания, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, и серебряные, и золотые: он приготавливал первыс из посеребренного свинца, вторые из золоченой меди.

Гл. 15, 2. [213 год] Антонина испуганным и помешанным еще раньше сделали заклятья врагов. Слыша об этом, некото-

рые из аламаннов говорили, что они пользовались каким-то колдовством, чтобы смутить его разум...

Гл. 20, 2. [215 год] Антонин... рассказывал, что он одолел обманом отвагу, ненасытность и вероломство кельтов, чего нельзя было взять силою.

Гл. 20, 3. [215 год] Он же очень кичился тем, что поспорил находившихся в дружбе вандалов и маркоманов... Он казнил по обвинению короля квадов Гайобомара. Когда один из спутников [этого царя] и обвиняемых совместно с ним успел раньше повеситься, он приказал варварам изуродовать его труп, чтобы думали, что он заколот по приговору, а не погиб по собственной воле, что считалось у них славным делом.

Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) — древнеримский историк, по происхождению — грек, родился около 330 года в Антиохии, умер в конце IV века в Риме. В 353—363 годах принимал участие в действиях римских войск в Персии, а также в Северной Италии и Галлии; по возвращении из Персии вышел в отставку и жил сначала в Антиохии, а затем в Риме, где основательно изучил римскую литературу и написал на латинском языке римскую историю (собственно «Деяния» — «Res gestae») в 31 книге; его труд должен был составить непосредственное продолжение «Анналов» и «Истории» Тацита, а потому начался с 96 года — то есть с правления Нервы; однако в дошедших до нас 18 книгах (14—31) изложены лишь события, имевшие место в течение 25 лет — с 353 по 378 год.

Труд Аммиана, несмотря на ряд недостатков (вычурность и риторичность стиля; отрицательное влияние греческого синтаксиса на конструкцию латинской фразы; злоупотребление цитатами из античных авторов, непосредственно не относящимися к теме учеными экскурсами, отвлеченными рассуждениями и разными анекдотами), является все же важнейшим литературным источником по истории римско-германских отношений IV века, давая единственный для этой эпохи связный и подробный рассказ о борьбе империи с алеманнами, франками, бургундами, готами и другими германскими племенами. К числу главных достоинств труда Аммиана как исторического источника относятся его сравнительная объективность и значительная достоверность сообщаемых им сведений; последнее объясняется отчасти тем, что Аммиан был непосредственным участником римско-германских войн, а отчасти тем, что он был хорошо осведомлен об их ходе и, кроме того, пользовался надежными источниками. В этом отношении его работу можно сравнить с утерянными «Германскими войнами» Плиния Старшего.

На порядок изложения событий у Аммиана повлиял, вероятно, пример Тацита. Значение труда Аммиана как исторического источника усиливается еще тем, что источники II — начала IV века отличаются исключительной скудостью данных о гер-

манцах; эти сведения приходится извлекать из сочинений греческих и византийских историков, из надписей и пр. Нами переведены из Аммиана лишь отрывки, относящиеся к алеманнам и отчасти франкам и бургундам.

ИСТОРИЯ

Книга XIV

Гл. 10. § 1. ...Констанций в свое седьмое консульство и в первое консульство¹ Цезаря² [Юлиана] с наступлением весны покинул Арелат и двинулся в Валентию с целью начать войну с королями алеманнов, братьями Гундомадом и Вадомаром, которые частыми набегами опустошали пограничные области Галлии.

§ 6. Преодолев множество препятствий и двигаясь по дорогам, которые по большей части были завалены снегом, римляне, дойдя до Раурака на берегу Рейна, натолкнулись на сопротивление такого значительного количества алеманнов, что не могли навести мост из кораблей, ибо на них со всех сторон градом сыпались стрелы...

§ 9. Но варвары, обсудив положение вещей, приняли иное решение³ — может быть, под влиянием неблагоприятного исхода гаданий по жертвенным животным или под давлением авторитета прорицателей, которые были против сражения: их непреклонность, с которой они столь самоуверенно сопротивлялись, смягчилась, и они отправили знатнейших лиц в качестве послов с просьбой о прощении вины и о мире.

§ 10. Римляне задержали посольства обеих королей. [*После продолжительных размышлений и обсуждений на собраниях воинов Констанций решил удовлетворить просьбу послов и заключить мир с алеманнами.*]

Книга XV

Гл. 4. § 1. ...Была объявлена война жителям алеманнских округов — лентиям, которые часто совершали значительные вторжения в пограничные области империи... [*Император прибыл*

в Рецию, откуда направил начальника конницы Арбеция к берегам Бригантинского озера с поручением тотчас же атаковать неприятеля. Вслед за описанием Бригантинского озера и верхнего течения Рейна Аммиан Марцеллин рассказывает о дальнейшей судьбе отряда Арбеция.]

§ 7. ...Попав в засаду, Арбеций стоял неподвижно, потрясенный внезапной бедою...

§ 8. ...А враги выскочили из-за прикрытий и стали без всякой пощады поражать разного рода метательным оружием всех, кого только могли настигнуть: никто из римлян не мог оказать сопротивления, и нельзя было надеяться спасти себе жизнь иначе, как быстрым отступлением... Многие разбрелись по узким тропинкам и под покровом ночной темноты избавились от опасности, а на рассвете со свежими силами вновь воссоединились со своими отрядами.

Гл. 11. [*Перечисляя племена и административные подразделения римской Галлии, Аммиан Марцеллин дает определение географических границ германских провинций империи и перечень важнейших населенных пунктов этих провинций.*]

§ 6. С тех пор как после непрерывных войн вся Галлия подчинилась диктатору Юлию Цезарю, она была разделена на четыре части: из них Нарбонская Галлия включала в себя область Виенны и Лугдуна, а другая часть охватывала всю Аквитанию; Верхняя и Нижняя Германия и страна белгов составляли в то время две провинции.

§ 7. А теперь на всем протяжении Галлии насчитывают следующие провинции: Вторую Германию — первая провинция, если считать с запада, — защищенную большими и богатыми городами, [*носящими названия*] Агриппина и Тунгры.

§ 8. Затем следует Первая Германия, в которой, кроме прочих муниципиев, расположены: Могонциак, Вангионы, Неметы⁴ и Аргенторат; последний известен поражениями, нанесенными близ него варварам...

Книга XVI

Гл. 2–3. [*После того как Юлиан был послан императором Констанцием в качестве цезаря в Галлию для охраны этой провинции от германских вторжений, он решил выступить против алеман-*

нов, идя через Децемпаги. Ход столкновения Юлиана с алеманнами Аммиан Марцеллин изображает следующим образом.]

Гл. 2, § 10. Так как сырая и пасмурная погода мешала разглядеть даже близлежащие предметы, то германцы, которым благоприятствовало знакомство с местностью, зашли обходными путями в тыл Цезарю, напали на два легиона и уничтожили бы их, если бы поднятый легионерами крик не побудил вспомогательные отряды союзников поспешить на помощь римлянам.

§ 11. Полагая, что теперь нельзя будет ни двигаться вперед, ни переправляться через реки, не встречая засад на своем пути, Юлиан стал действовать предусмотрительно и медлительно...

§ 12. Когда он узнал, что варвары завладели городскими округами Аргентората, Бротомага, Таберна, Салисона, Неметов, Вангионов и Могонциака и поселились на территории [этих округов], — ибо самих городов они избегают, как окруженных решетками гробниц, — то он занял прежде всего город Бротомаг и выступил, готовый к бою, против вскоре прибывшего туда отряда германцев.

§ 13. После того как Юлиан выстроил боевую линию полукругом, противники сошлись лицом к лицу, и начался бой; римляне стали теснить германцев с обеих сторон: одни из них были взяты в плен, другие убиты в пылу сражения, а остальные бежали, спасая свою жизнь быстротою ног.

Гл. 3, § 1. Так как после этого никто не оказывал Юлиану сопротивления, то он двинулся отвоевывать Агриппину, которая была разрушена незадолго перед прибытием Юлиана в Галлию. На всем пути до Агриппины здесь не видно ни одного города и ни одной крепости, кроме города Ригомага возле Конфлюэнса⁵ — так называется это место, расположенное у слияния Мозеллы и Рейна, — да одной башни возле самой Агриппинской колонии.

§ 2. Вступив в Агриппинскую колонию, Юлиан покинул ее лишь после того, как заключил с королями франков, — воинственный пыл которых утих под воздействием страха, — мир, в данный момент выгодный государству, и вновь обеспечил себе обладание этим хорошо укрепленным городом.

§ 3. Радуюсь этому первому успеху, Юлиан двинулся обратно через Треверы, чтобы провести зиму в Сенонах — городе, который в то время был подходящим для зимовки.

Гл. 4. [В Сенонах Юлиан благополучно выдержал 30-дневную осаду города германцами и отразил их. О дальнейшем ходе борьбы Юлиана с алеманнами до битвы при Аргенторате в 357 году Аммиан Марцеллин рассказывает в главе 11.]

Гл. 11, § 1. Проведя тревожную зиму в Сенонах, Юлиан в год девятого консульства Августа [Констанция] и второго своего, в тот момент когда со всех сторон раздавались угрозы германцев, двинулся в путь при хороших предзнаменованиях и направился в Ремы.

§ 3. Были приняты меры по выполнению тщательно разработанного плана, согласно которому римляне должны были с двух сторон как бы зажать алеманнов в клещи и перебить их; [ведь] они неистовствовали сильнее, чем обычно, и совершали далекие разбойничьи походы.

§§ 4–7. [Во время осуществления этого плана лэты⁶ из числа германцев напали на Лугдун (Лион), но были отбиты.]

§ 8. В это же самое время те варвары, которые поселились по сю сторону Рейна, уstraшенные прибытием римского войска, загородили свои и без того трудно проходимые и от природы крутые дороги, весьма остроумно соорудив завалы из деревьев огромной величины. Другие заняли островки, во множестве рассеянные по Рейну, и тревожили оттуда римлян и Цезаря [Юлиана] своими зловещими воплями и бранью. Юлиан, возмущенный их поведением и желая охватить хоть некоторых из них, потребовал от Барбацио семь кораблей из числа тех, которые тот предназначил для наведения моста с целью перехода через реку. Но Барбацио сжег все эти корабли лишь для того, чтобы Юлиан не достиг успеха при его содействии.

§ 9. Наконец, Юлиан узнал из донесений недавно пойманных лазутчиков, что в это уже сухое время лета можно перейти реку вброд, и, убедив легковооруженные вспомогательные отряды [в необходимости этого перехода], послал их под начальством трибуна корнутов Байнобада совершить, если им посчастливится, столь достопамятное деяние. Они то пробирались вброд, то плыли на шитах, которые они подкладывали под себя наподобие челноков, и таким образом добрались до ближайшего острова, где, выйдя на берег, перебили мужчин и женщин без различия возраста, как скот. Захватив пу-

стые лодки, они, несмотря на то, что лодки сильно качались, пустились на них по реке и совершили нападения на множество таких мест⁷, а затем, пресытившись резней, вернулись совершенно невредимые и отягченные обильной добычей, часть которой, впрочем, была потеряна, так как ее унесло течением реки.

§ 10. Когда остальные германцы узнали об этом, то они покинули ненадежное убежище островов и перевезли внутрь страны [*на ту сторону реки*] свои семьи, запасы хлеба и земных плодов, а также домашнюю утварь, имеющуюся у варваров.

§ 11. После этого Юлиан приступил к восстановлению Трес Таберне — так называлась крепость, разрушенная незадолго перед этим упорными нападениями неприятеля; он полагал, что восстановление этой крепости помешает германцам производить ставшие для них обычными вторжения во внутренние области Галлии...

§ 14. В то время как быстро воздвигались лагерные укрепления и часть римских воинов несла полевую сторожевую службу, а другая собирала хлеб, — делая это тайно из опасения засады, — толпа варваров с быстротою, предупредившей слухи [*об их приближении*], неожиданно напала на Барбацио, который, как уже было сказано, стоял со своим войском по ту сторону Галльского вала; [*германцы*] продолжали преследовать бегущих римлян до Раураков и, насколько они могли, дальше; похитив большую часть поклажи, вьючного скота и обозных погонщиков, они вернулись к своим [*на родину*].

Гл. 12, § 1. Когда повсюду распространилась весть об этом позорном, трусливом бегстве [*воинов Барбацио*], алеманнские короли Хонодомар и Вестральп, Урий и Урзицин вместе с Серапием, Суомаром и Хортаром соединили воедино свои боевые силы и расположились вблизи Аргентората, воображая, что Цезарь [*Юлиан*] из страха перед еще большей опасностью повернул обратно, в то время как он продолжал усердно укреплять свой лагерь [*в Таберне*], стремясь довести это дело до конца.

§ 2. [*Сообщение перебежчика о том, что численность войска Юлиана не превышает 13 тысяч, лишь усилило твердость германцев.*]

§ 3. ...Они отправили к Цезарю послов и потребовали — скорее в тоне приказа, чем просьбы, — очистить земли, которые они завоевали своей храбростью и оружием. [*Юлиан ответил на это требование отказом и задержал послов до окончания работ по постройке укреплений.*]

§ 4. Король Хонодомар возбуждал и подстрекал всех без всякой меры; он вмешивался во все и был готов всегда первым решиться на опасные предприятия; частые успехи сделали его непомерно гордым.

§ 5. Ибо он победил Цезаря Деценция, с которым у него произошло столкновение при равных шансах на успех, разрушил и опустошил много богатых городов и, не встречая никакого отпора, с давних пор рыскал по всей Галлии со все возрастающей дерзостью. Его самоуверенность еще усилилась после недавнего бегства римского полководца [*Барбаццо*], на стороне которого было превосходство в численности и силе войска.

[*После речи Юлиана, имевшей целью поднять дух войска, решено было принять предложенный им план и дать на следующее утро сражение алеманнам. Настроение римских солдат и обстоятельства, которые могли повлиять на ход сражения, Аммиан Марцеллин изображает в §§ 15–17.*]

§ 15. Двоякого рода соображения придавали римлянам уверенность: они вспоминали, как в прошлом году во время весьма далекого продвижения римлян в зарейнские области никто [*из германцев*] не защищал своих очагов и не оказывал римлянам сопротивления и как германцы, соорудив плотные завалы из срубленных деревьев и загородив ими дороги, ушли далеко и влачили жалкое существование в суровое зимнее время года; припоминали также и то, что, когда император вступил на их территорию, германцы не осмелились ни сопротивляться, ни даже предстать перед его очи, а лишь униженно молили о мире⁸.

§ 16. Но никто не хотел принять во внимание, что с тех пор обстоятельства изменились, ибо тогда германцам [*алеманнам*] угрожала гибель с трех сторон: в то время как император [*Констанций*] продвигался со стороны Реции, находившийся вблизи Цезарь [*Юлиан*] не давал им возможности ускользнуть куда бы то ни было, а соседние [*племена*], ставшие во

враждебные отношения к ним вследствие раздоров, напирала с тыла на окруженных со всех сторон алеманнов. Но вслед за тем император даровал им мир и ушел, распри утихли, и соседние племена стали жить с ними в полном согласии, а позорнейшее отступление римского полководца [*Барбаццо*] лишь усилило их врожденную дикость.

§ 17. К тому же положение римлян ухудшилось и еще в одном отношении в силу следующего обстоятельства. Два брата — короля, связанные миром, которого они добивались у Констанция в прошлом году, не осмеливались ни поднимать восстания, ни вообще предпринимать что бы то ни было [*против римлян*]. Однако вскоре после этого один из них, Гундомад, более влиятельный [*из них обоих*] и более нам верный, пал жертвою коварных козней, и весь его народ вошел в соглашение с врагами римлян; тотчас же вслед за тем и народ Вадомара примкнул, — как он утверждал, [*против его воли*] — к тем варварам, которые начали войну с римлянами.

[*Начало битвы при Аргенторате и ее ход Аммиан Марцеллин описывает следующим образом.*]

§ 19. ...[*Римское*] войско двинулось вперед и подошло к пологому холму, поросшему уже созревшим хлебом и расположенному недалеко от берегов Рейна; с его вершины соскочили три конных неприятельских разведчика, вспугнутые римлянами; они поспешили к своим, чтобы известить их о приближении римского войска, а один пехотинец, который не мог следовать за ними и был взят в плен благодаря проворству римских солдат, сообщил, что переход германцев через Рейн продолжался три дня и три ночи.

§ 23. Выстроившись таким образом⁹, германцы к тому же еще подготовили на своем правом фланге скрытые засады и придумали ряд хитроумных козней. Всеми этими воинственными и свирепыми варварскими племенами предводительствовали Хонодомар и Серапий, превосходившие своим могуществом остальных королей.

§ 24. Преступным зачинщиком всей войны был Хонодомар; на его голове торчал пучок огненно-красных волос; полный отваги, полагаясь на огромную силу своих рук, выступил он впереди левого фланга, где ожидался самый горячий бой. Возвышаясь над другими на своем вспененном коне, приго-

товившись к метанию копья устрашающей величины, он был далеко виден еще и благодаря блеску своего оружия; он превосходил остальных и как храбрый воин, и как замечательный полководец.

§ 25. Правым флангом предводительствовал Серапий, юноша с небольшим пушком на лице, но по своей энергии опередивший свой возраст; он был сыном брата Хонодомара, Медериха, человека, всю жизнь отличавшегося величайшим вероломством [*по отношению к Риму*]. Его звали так потому, что его отец, долго проживший в Галлии в качестве заложника и познакомившийся там с некоторыми греческими таинствами, дал своему сыну, называвшемуся на его родном языке Агенарихом, новое имя Серапий.

§ 26. За ними следовали пять королей, ближе всего стоявших к ним по своему могуществу; затем десять королевских сыновей, длинный ряд знатных лиц и 35 тысяч воинов, набранных из разных племен и частью нанятых за плату, а часть призванных в силу договора о взаимной военной помощи.

§§ 27—34. [*В то время как Юлиан, разбегжавший по всему строю и ободривший солдат, двинул главную часть своей армии против первой линии германцев*] ...со стороны алеманнской пехоты послышался вдруг полный негодования ропот; кричавшие единодушно требовали, чтобы королевские сыновья сошли с коней и сражались в среде пехотинцев, дабы они в случае несчастного исхода битвы не могли бросить простой народ на произвол судьбы и убежать, обеспечив себе безопасность.

§ 35. Услыхав это, Хонодомар сейчас же соскочил со своего коня, и остальные последовали за ним без всякого промедления: ведь никто из них не сомневался в том, что победа будет на их стороне.

§ 36. И вот, как это принято, был дан трубный сигнал, призывавший к началу боя, и обе стороны с большой силой ринулись друг на друга. Началось дело с метания копий, но затем германцы — с большей быстротой, нежели благоразумием, — накинулись с мечами в руках на отряды нашей конницы; они ужасно скрежетали зубами; их ожесточение было необычайно сильно, их развевающиеся волосы стояли дыбом, а глаза пылали дикой яростью...

§ 42. После того как алеманны отразили и рассеяли нашу конницу, они набросились на первую линию нашей пехоты, чтобы сломить сопротивление и принудить ее к бегству.

§ 43. Но когда дело дошло до рукопашной, бой долгое время шел с равным успехом у обеих сторон. Корнуты и бракхиаты, закаленные продолжительной боевой жизнью и нагонявшие страх одной своей внешностью, подняли громкий бранный крик: этот крик обычно начинается в самом разгаре боя с тихого бормотанья и постепенно усиливается до звука, напоминающего шум волн, бьющихся о скалы...

§ 45. [*Заметив, что алеманны теснят римскую пехоту,*] на помощь своим римским товарищам ускоренным маршем поспешили батавы со [*своими*] королями — устрашающий отряд, готовый, если посчастливится, вырвать окруженных со всех сторон воинов из тисков крайней опасности...

§ 49. [*Изображая дальнейший ход битвы, Аммиан Марцелин рассказывает между прочим о следующем любопытном эпизоде.*] Вдруг от германского войска отделилась полная воинственного пыла кучка знатных воинов, среди которых сражались и короли; вместе с последовавшими за ними простыми воинами они проникли дальше других в глубь боевой линии наших войск и пробили себе дорогу вплоть до самого легиона Приманов¹⁰...

[*Битва при Аргенторате кончилась победой римлян.*]

§ 58. ...Королю Хонодомару представилась возможность бежать...

[*Однако при попытке перейти Рейн он был узнан, и лесистый холм, где он спрятался, был оцеплен римскими солдатами.*]

§ 60. Увидев это, Хонодомар, напуганный до последней степени, вышел один и сдался; 200 его дружинников и трос ближайших друзей — считавшие позором пережить короля или не умереть за короля, если бы того потребовали обстоятельства, — тоже добровольно позволили заковать себя в кандалы.

§ 61. И так как варвары по характеру своему склонны унижаться в несчастии, а в случае удачи держат себя совсем иначе, то и Хонодомар, став рабом чужой воли, дал увести себя, бледный от страха и безмолвный от сознания своих преступлений. Как резко отличался он теперь от того Хонодомара,

который, совершив столько диких, зловещих и устрашающих деяний, неистовствовал на развалинах [*сожженных городов*] Галлии и свирепо угрожал [*римлянам*]!

§ 63. В этой битве со стороны римлян пало 243 солдата и 4 военачальника: трибун корнутов Байнобад, Лаипсо, затем Иннокентий, предводитель латников¹¹, и еще один командир в звании трибуна, имя которого мне неизвестно. На стороне алеманнов наши насчитали 6 тысяч простертых на поле битвы, а кроме того, неисчислимые груды трупов были унесены волнами Рейна.

§ 65. Чтобы еще усилить радость по случаю счастливого исхода [*сражения*], Юлиан созвал военный совет, распределил награды, благосклонно повелел привести Хонодомара, который, сначала низко склонившись, [*вслед за тем*] пал перед Юлианом на землю и умолял на языке своего племени о помиловании; его заверили в том, что он может быть спокоен за себя.

§ 66. Через несколько дней после этого его отправили в резиденцию императора, а оттуда в Рим, в лагерь для иноплемennых воинов, где он и умер...

Книга XVII

Гл. 1. [*После одержанной при Аргенторате победы над алеманнами Юлиан двинулся в Трес Таберне; он велел транспортировать добычу и пленных в Мец, а сам решил переправиться через Рейн недалеко от Могонциака и напасть на территорию германцев. Узнав о переходе Юлиана через Рейн, германцы сначала стали просить через послов мира, а затем потребовали, чтобы римляне очистили их страну, угрожая в противном случае серьезным сопротивлением. Поведение германцев и дальнейший ход столкновения Аммиан рисует следующим образом:*]

§ 6. Устрашенные этим¹² варвары покинули тайные засады, которые они устроили в тесных проходах с целью борьбы с нами, и убежали за Мен, чтобы помочь своим.

§ 7. Как это обычно бывает в смутные и беспокойные времена, германцы, уstraшенные внезапным нападением нашей конницы, с одной стороны, и привезенных на кораблях воинов — с другой, все же нашли способ ускользнуть благодаря

знанию местности, а наши войска после их ухода получили возможность беспрепятственно продвигаться в пределах их территории, производя беспощадное разграбление их богатых скотом и хлебом поселений. Затем римляне подожгли их жилища — построенные по римскому образцу и более тщательно, чем обычно, — предварительно захватив в плен [*их обитателей*].

§ 8. Когда Юлиан вслед за тем... подошел к лесу, наводившему ужас своей пустынностью и темнотой, он остановился и долго медлил: ибо он узнал от перебежчика, что в потайных подземельях и извилистых переходах спряталось множество врагов, с тем чтобы в благоприятный для них момент выскокить на поверхность земли.

§ 9. Когда римляне, несмотря на это, решились все же смело двинуться вперед, то встретили [*на своем пути*] лесные тропинки, заваленные срубленными дубами, ясенями и большими еловыми стволами. Поэтому они повернули обратно и шли уже с большей осторожностью: они убедились — без особого неудовольствия — в том, что их дальнейшее продвижение вперед было бы возможно лишь при условии использования весьма трудных и дальних обходных путей.

§ 10. И так как во время сильных холодов такое бесцельное напряжение можно вытерпеть лишь в случае наличия исключительной опасности, — а ведь осеннее равноденствие уже прошло и в данной местности повсюду уже выпал снег, покрывший горы и равнины, — то было начато следующее достопамятное дело.

§ 11. Не встречая никакого сопротивления, римляне вновь заняли крепость, построенную в стране алеманнов по повелению Траяна и названную его именем, а после этого давно уже подвергавшуюся ожесточенному [*но безуспешному*] штурму [*со стороны римлян*]...

§ 11–12. [*Узнав о захвате римлянами этой крепости, алеманны стали просить мира; тогда Юлиан заключил с ними перемирие на 10 месяцев с целью получить укрепить за это время крепость.*]

§ 13. По заключении этого договора [к *Юлиану*] явились три [*алеманнских*] короля чудовищно-дикого вида; они принадлежали к тем племенам, которые посылали подмогу по-

бежденным при Аргенторате; наконец-то и они узнали, что такое страх: произнеся принятую у них формулу клятвы, они поклялись в том, что они не станут предпринимать никаких враждебных действий и не будут нарушать договора вплоть до установленного дня, ибо так угодно римлянам; они обещали также не трогать крепость и даже доставлять на собственных плечах провиант, если защитники крепости дадут им знать, что терпят недостаток в нем. И то, и другое они сделали, очевидно, потому, что их коварство обуздал страх.

Гл. 8, § 3. ...Юлиан двинулся прежде всего против франков, а именно против тех, которых обычно зовут салическими и которые уже давно проявляли слишком большую дерзость, осмелившись обосноваться со своими жилищами на римской территории, в местности, именуемой Токсандрией. [*Юлиан одержал над салиями победу и привел их к покорности.*]

§ 6. На хамавов, которые тоже решились на подобное деяние, Юлиан напал с такою же быстротою [*как и на салических франков*] и часть их перебил, других, оказавших отчаянное сопротивление и попавших в плен, велел заковать в кандалы, а остальным, в страхе бежавшим на родину, он дал возможность пока уйти невредимыми, чтобы не утомлять своих воинов длинными переходами...

Гл. 9, § 1–2. [*Начав восстановление трех разрушенных крепостей по Мозе, Юлиан оставил в них провианта на семнадцать дней из тех запасов, которые были взяты солдатами с собой в поход*], ибо он надеялся, что сможет пополнить из урожая хамавов то, что было отнято у воинов.

§ 3. Но обстоятельства сложились иначе. Ибо хлеб еще не созрел, воины израсходовали взятый с собою провиант иridge не могли найти себе пропитания...

Гл. 10, § 3. ...К Юлиану неожиданно явился король алеманнов Суомар¹³ со своими [*людьми*]; он был раньше очень дерзок и причинил своей необузданной свирепостью немало вреда римскому народу; но теперь он полагал, что если ему удастся хотя бы сохранить за собою свои владения, то это уже будет таким успехом, на который трудно было и рассчитывать... [*Поэтому*], отказавшись от притязаний на власть, он на коленях просил мира.

§ 4. Ему был дарован мир и прощены его прежние проступки при условии возврата пленных и снабжения наших войск съестными припасами в случае необходимости; при этом он должен был, как обыкновенный поставщик, получать при каждой поставке расписки, так что если бы он не предъявил римлянам своевременно расписок, то с него потребовали бы продукты вторично.

§ 5—6. [*Во владениях*¹⁴ *другого алеманнского короля, Хортара, римские войска произвели ввиду его непокорности жестокие опустошения.*]

§ 6. [*При этом*] они похищали и увозили с собою скот и людей, а всех сопротивлявшихся убивали без всякой пощады.

§ 7. Потрясенный этой бедою и уstraшенный неоднократно опустошительными [*вторжениями*] римских легионов король [*Хортар*], видя развалины сожженных деревень, вообразил, что и последние остатки его имущества будут преданы уничтожению, и тоже стал просить пощады. [*При этом он дал обещание вернуть пленных, но выполнил его лишь частично.*]

§ 8. [*Поэтому*] когда он, согласно обычаю, явился к Юлиану за получением подарков, тот задержал четырех его дружинников, которые были его вернейшей и самой надежной опорой, и не велел их отпускать до тех пор, пока Хортар не вернет всех пленных.

§ 9. [*После того как Хортар выполнил это требование, на него была возложена обязанность поставки грузовых повозок и строительного материала для восстановления разрушенных германцами римских городов.*]

После этого ему было разрешено вернуться к себе на родину. Ибо возложить на него поставку хлеба, как на Суомара, было невозможно, так как его владения были до такой степени опустошены, что он ничего не мог бы дать.

Книга XVIII

Гл. 2, § 13. [*Во время переправы римлян через Рейн при сопротивлении со стороны германцев*] Хортар — король, раньше заключивший с нами соглашение и не собиравшийся нарушать его, но живший в дружбе с соседними племенами, — созвал к себе на пир всех королей, людей королевского рода и кня-

зей отдельных округов; они долго оставались у него, ибо пир, по обычаю их племени, затянулся до третьей ночной стражи. А когда они собирались уходить, наши неожиданно натолкнулись на них. Однако они не в состоянии были ни перебить их, ни взять в плен, так как они под покровом [ночной] темноты умчались, куда их гнало смутное влечение. Но слуг и рабов, которые следовали за ними пешком, [римляне] перебили, поскольку их не спасла от гибели темнота.

§ 14. [После того как римлянам все же удалось переправиться через Рейн по сооруженному ими мосту несколько выше устья Неккара], короли и их соплеменники... в ужасе разбежались в разные стороны. Когда их необузданный пыл прошел, они поспешно стали увозить своих родных и свое имущество [в глубь страны]. [Римляне] вторглись на территорию варваров, но во время своего перехода пощадили страну Хортара.

§ 15. Но дойдя до областей враждебных нам королей, они прошли через территории мятежников, сжигая и грабя все на своем пути без всякого страха. Хрупкие и наскоро построенные огороженные жилища [германцев] сделались добычей огня, и было перебито много народу: можно было видеть, как одни падают под ударами меча, а другие умоляют о пощаде. Когда римляне вступили на территорию, носившую название Капелляции или Палас, где стояли пограничные камни, отделяющие владения алеманнов от владений бургундов¹⁵, они разбили лагерь, с тем чтобы иметь возможность в полной безопасности принять двух королей и родных братьев Макриана и Гариобауда, которые, чувствуя приближение гибели, пришли в страхе просить мира.

§ 16. Тотчас же вслед за ними прибыл и король Вадомар, который жил [на той стороне Рейна] против раураков...

§ 18. После длительных размышлений решено было наконец при всеобщем одобрении даровать мир Макриану и Гариобауду. Но Вадомару — который явился и для того чтобы получить гарантию личной безопасности, и чтобы выпросить в качестве посла мир королям Урию, Урзицину и Вестральпу, — пока не пришлось дать никакого определенного ответа, ибо, при вероломстве варваров, [могло бы случиться], что после нашего ухода они менее всего стали бы считаться с тем, о чем за них договорились другие.

§ 19. Однако, когда и эти короли, после того как их жатвы и жилища были сожжены, а многие соплеменники перебиты или взяты в плен, сами тоже отправили [к Юлиану] послов и так умоляли о мире, словно это они провинились в подобных проступках по отношению к нам, — и им был предоставлен мир на тех же условиях. Из этих условий наиболее настоятельным было требование возврата всех пленных, захваченных германцами во время многочисленных набегов.

Книга XXVI

Гл. 5, § 7. ...Алеманны прорвались за границы [провинции] Германии; причиной их более чем обычной враждебности было следующее обстоятельство: когда их послы отправились ко двору для получения определенных и заранее установленных подарков, то им были предложены малоценные предметы; как только послы их увидели, они пришли в ярость и побросали их [на землю], как недостойные германцев.

Книга XXVII

Гл. 2. [*Рассказывая о внезапном нападении начальника римской конницы в Галлии Иовина на отряд алеманнов во время их вторжения в Галлию в 367 году, Аммиан Марцеллин дает следующее описание германских нравов и военной тактики.*]

§ 2. Медленно продвигаясь вперед, замечательный полководец узнал путем точной разведки, что разбойничий отряд, недавно разграбивший усадьбы, отдыхает на берегу реки. Подойдя ближе, Иовин, скрытый густой растительностью равнины, увидел, что одни купались, а другие красили, согласно обычаю, в красный цвет свои волосы, а некоторые пили.

§ 3. Улучив наиболее благоприятный момент, он внезапно велел дать трубный сигнал к наступлению и напал на разбойничий лагерь; германцы не в состоянии были противопоставить ему ничего, кроме бесплодных угроз, хвастливых криков и шума; под натиском победителя они не могли ни взяться за разбросанное оружие, ни выстроиться в боевом порядке, ни вообще собраться с силами. Поэтому большую часть их за-

кололи копьями или убили мечами за исключением тех, которые обратились в бегство и спаслись по извилистым узким тропинкам.

Гл. 10. [*Ввиду постоянных нападений алеманнов на римские крепости, в частности на Могонциак, император Валентиниан I весной 368 года вместе с Грацианом отправился в поход против алеманнов и перешел Рейн, поручив командование обоими флангами Иовину и Северу.*]

§ 7. ...Так как в течение нескольких дней продвижения римское войско не встретило сопротивления ни с чьей стороны, то все посевы и постройки, которые римляне застали еще нетронутыми, были преданы солдатами когорты всепожирающему огню за исключением пищевых припасов, которые пришлось собрать и сохранить про черный день.

§ 8. [*Около Солициниума Валентиниан, узнав о близости неприятеля, внезапно остановился.*]

§ 9. Не видя никакого другого способа спасения, кроме как защитить себя быстрым нападением на наши силы, варвары, полагаясь на свое знакомство с местностью и в полном согласии между собой, заняли горные высоты, обрывающиеся крутыми холмами, неприступными со всех сторон, кроме северной, представлявшей собой отлогий и удобный для подъема склон.

§ 11. [*Во время осмотра позиций перед битвой*], когда... [*Валентиниан*] ехал по неизвестным местам через болотные заросли, без дороги, вражеский отряд, находившийся сбоку в засаде, напал на него с такой стремительностью, что гибель его была бы неминуема, если бы он не прибег в крайней опасности к последнему средству: он погнал коня во весь опор через болото и скрылся под защитой легионов, спасаясь от страшной опасности. Насколько он был к ней близок, видно из того, что спальник, везший его шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями, совсем исчез вместе со шлемом и не был найден потом ни живым, ни мертвым.

§ 13. С большим ожесточением обеих сторон начался бой: с одной стороны солдаты, более обученные военному искусству, с другой — варвары, напивавшие в своей дикой храбрости безо всяких предосторожностей, сошлись в рукопашной схватке. Разворачиваясь все шире, наша армия начала теснить

врага на обоих флангах среди криков ужаса, ржания коней и звука труб.

§ 14. Однако, оправившись, варвары дали отпор, и на некоторое время шансы боя выровнялись. Битва шла со страшным упорством, и потери были очень значительны с обеих сторон.

§ 15. Наконец варвары были смяты воодушевленным напором римлян, и в страхе смешались передние с задними и стали отступать. Тут их поражали дротики и метательные копья. Когда же, совершенно обессилевшие и истомленные, они побежали, то открыли преследующему неприятелю свой тыл, коленные суставы и сухожилия. Много было перебито... Остальные, рассеявшись, скрылись в чаще лесов.

Книга XXVIII

Гл. 2, § 6. [*Когда римские военачальники Сиагрий и Гермоген переправились через Рейн для возведения одной из намеченных к постройке крепостей*], к ним явились знатные алеманны, отцы тех заложников, которых мы удерживали у себя в качестве ценной гарантии как можно более продолжительного мира.

§ 7–8. [*Они безуспешно пытались уверить римлян, что те заблуждаются относительно истинных намерений германцев, но, видя бесплодность этих попыток*], удалились, оплакивая [*предстоящую*] гибель их сыновей.

§ 8. Но как только они ушли, тотчас же из потайного места за ближайшим холмом выступил германский отряд, очевидно, дожидавшийся ответа, который должны были получить знатные. [*Напав на римлян, занятых приготовлениями к постройке крепости и рытьем углублений в земле для ее закладки, алеманны перебили всех до одного, кроме Сиагрия.*]

Гл. 6, § 8–9. [*Валентиниан был озабочен набегами алеманнов*], ибо это ужасное племя, с самого начала не раз терпевшее убыль в численности вследствие превратностей судьбы, столь быстро восстанавливается и размножается, словно оно оставалось никем не тронутым в течение ряда столетий.

§ 9. [*Для борьбы с алеманнами Валентиниан решил вступить в соглашение с бургундами*], народом, который отличался воинственностью, обладал избытком сил и весьма многочислен-

ной боеспособной молодежью и нагонял этим страх на всех соседей.

§ 10. [*Валентиниан предложил бургундскому королю план совместных действий против алеманнов.*]

§ 11. [*Этот план встретил у бургундов сочувствие между прочим и потому, что*] у них происходили частые столкновения с алеманнами из-за соляных источников и споров о границах.

§ 12—13. [*Так как Валентиниан не смог оказать обещанную помощь продвинувшимся к Рейну бургундам*], то их короли в негодованием на то, что римляне надсмеялись над ними, перебили всех пленных и вернулись на родину.

§ 14. У бургундов каждый король носит общее для всех королей имя «Гендинос» и, согласно старинному обычаю, принуждается к отречению от власти и устраняется [*от участия в политической жизни*] в том случае, если при нем племя постигнут военные неудачи или земля откажет в достаточном урожае хлеба, подобно тому как и египтяне вменяют своим правителям в вину такие превратности судьбы. Верховный жрец у бургундов называется «Sinistus» («Старший»); он несменяем и в отличие от королей ни за что не несет никакой ответственности.

Книга XXXI

Гл. 10, § 1—5. [*Алеманнское племя лентиев совершило в феврале 378 года переход через Рейн по льду, и вслед за тем началось усиленное брожение в среде германцев.*]

§ 5. ...Жители всех округов стали стекаться в одно место, и 40 тысяч вооруженных воинов — или даже 70 тысяч, как преувеличенно утверждали некоторые к вящей славе императора, — с дерзкой самонадеянностью вторглись в наши владения.

§ 10. [*После одержанной Грацианом победы*] из вышеназванного числа, как предполагают, спаслось не более 5 тысяч, скрывшихся в густых лесах, и среди множества прочих отважных и смелых воинов пал и сам король Приарий, зачинщик губительной войны.

§ 11. Эта удача увеличила еще больше уверенность в себе Грациана, и... он повернул налево, незаметно перешел через

Рейн, решив в доброй надежде истребить, если будет благоприятствовать счастье, все это вероломное и охочее до волнений племя.

§ 12. ...Лентии... стремительно отступили по трудно проходимым тропинкам в горные местности и, стоя кругом на крутых утесах, всеми силами охраняли свое имущество и семейства, которые привели с собою.

§ 13. ...Решено было выбрать из каждого легиона по пятьсот человек, хорошо проверенных в боевых трудах, и штурмовать эти высоты. Настроение людей поднимало особенно то обстоятельство, что император был постоянно на виду у всех в передних рядах, и они старались взойти на высоты, исполненные уверенности, что если им удастся взобраться на горы, то уже без всякой борьбы они захватят варваров, как добычу на охоте. Но начавшееся около полудня сражение затянулось, и его прекратил ночной мрак.

§ 14. Бой шел с большими потерями с обеих сторон...

§ 16. ...Германцы продолжали с таким же упорством борьбу и, пользуясь знанием местности, перешли на другие горы, еще более высокие, чем те, в которых они засели; император последовал за ними и туда с войском и с таким же мужеством искал тропинки, ведущие на высоты.

§ 17. Лентии, видя, что он во что бы то ни стало решил покончить с ними, стали молить императора со слезными просьбами принять их покорность, выдали, по его требованию, всю свою молодежь для зачисления в нашу армию и получили разрешение беспрепятственно вернуться в родную землю.

Гай Юлий Цезарь
ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

- ¹ Местонахождение этого пункта не установлено.
- ² То есть Трансальпийскую Галлию.
- ³ В 59 году до н. э.
- ⁴ Восстание Спартака в 73—71 годах до н.э.
- ⁵ Тысяча двойных римских шагов равна одной римской миле (приблизительно 1,5 километра)
- ⁶ Около 9 километров.
- ⁷ Ср. описание конницы германцев в кн. IV, гл. 2, а также у Тацита («Германия», гл. 6).
- ⁸ 900 метров.
- ⁹ Ср. описание гаданий и прорицаний у Тацита («Германия», гл. 10).
- ¹⁰ 7,5 километра.
- ¹¹ Речь идет о втором консульстве (в 55 году до н. э.) двух влиятельных политических деятелей тогдашнего Рима, входивших вместе с Цезарем в так называемый первый триумvirат (заключенный в 60 году до н. э.).
- ¹² Ср. описание конницы германцев в кн. I, гл. 48 и у Тацита («Германия», гл. 6).
- ¹³ 900 километров. Возможно, это преувеличенная цифра; отсюда — осторожное «говорят» у Цезаря.
- ¹⁴ Хотя здесь и идет речь о германцах в общей форме, но имеются в виду, очевидно, узипеты и тенктеры.
- ¹⁵ Около 120 километров.
- ¹⁶ То есть в Северное море.
- ¹⁷ Ср. с этим свидетельством Цезаря описание быта приморских хавков у Плиния («Естественная история», XVI, 2—4).
- ¹⁸ Около 18 километров.
- ¹⁹ «Сенат» — в данном контексте совет старейшин. Употребленное Цезарем выражение «*principes ac senatus*» представляет собою один

из случаев обозначения германских политических институтов при помощи римских терминов.

²⁰ Около 6 километров.

²¹ Около 12 километров.

²² См. гл. 9 кн. IV.

²³ Вопреки данному самим Цезарем объяснению причиной его возвращения в Галлию было, очевидно, нежелание затевать новую войну в малознакомой стране.

²⁴ То есть перейти Рейн во второй раз.

²⁵ То есть до предстоявшего сражения со свевами.

²⁶ Цезарь недаром подчеркивает здесь тот факт, что кельты и германцы — разные народы; ясное осознание этого факта явилось результатом его собственных завоеваний. До этого античная этнографическая литература черпала свои сведения о кельтах и германцах главным образом из 23-й и 30-й книг утерянного исторического труда греческого естествоиспытателя, историка и философа Посидония (135–51 годы до н. э.); этот труд, излагавший в 52 книгах события с 144 по 86 год до н. э. и составлявший прямое продолжение «Истории» Полибия, был окончен Посидонием около 80 года до н. э. и известен нам лишь в виде фрагментов в непосредственной передаче Страбона, Атенея (греческого писателя III века) и в изложении, через ряд посредников, у Л. А. Флора (автора «Римской истории» на латинском языке, написанной в 117–138 годах) и Диона Кассия (между 150 и 164–230-е годы).

Посидоний, никогда не посещавший Германии и собиравший данные о германцах из Массалии (нынешний Марсель), имел точные сведения лишь о сильно кельтизированных левобережных германцах и вообще о прирейнских германских племенах. Поэтому он рассматривал кельтов и германцев как два народа, хотя и различных, но весьма близких друг к другу, и даже противопоставлял кимвров кельтам и германцам, взятым вместе. Против такого сближения кельтов и германцев и протестует Цезарь, воочию убедившийся в наличии кардинальной разницы между ними, с констатирования которой он и начинает свой второй германский экскурс (ср. начало гл. 21 кн. VI).

²⁷ То есть от образа жизни галлов, описанного Цезарем в главах 12–20 книги VI (в так называемом кельтском экскурсе).

²⁸ Тацит иначе характеризует религию и культ германцев (ср. «Германия», гл. 2, 3, 7, 9, 10, 39).

²⁹ Некоторые комментаторы и исследователи переводят выражение «*qui tum una coelegant*» не: «живущие вместе», а «сходящиеся для этой цели вместе» (то есть для наделения землею).

³⁰ То есть Трансальпийской Галлии, которую часто называли просто «провинцией».

- ³¹ О кубках из рогов зубра см. также у Плиния («Естественная история», XI, 326).
³² 45 километров.
³³ Ср. также Тацит, «Германия», гл. 5.

Страбон ГЕОГРАФИЯ

- ¹ Страбон, по-видимому, имеет в виду походы Марка Красса (53 год до н. э.) и Марка Антония (38 год до н. э.).
² Походы Друза (12–9 годы до н. э.) и поражение Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу (9 год н. э.).
³ Марий разбил эти племена, объединившиеся с кимврами, при Акве Секстийской в 102 году с помощью массалиотов.
⁴ Неясно, о какой войне идет речь — о походе Друза Германика, Квинтия Вара или Германика Младшего.
⁵ Поход Агриппы в 38 году до н. э.
⁶ Следовательно, ко времени написания географии Страбона — в начале н. э.
⁷ Имеются в виду галлы.
⁸ Дунай (Истр).
⁹ В 12 году до н. э.
¹⁰ Букв. «дом бойев»; отсюда происходит название «Богемия». О Маробде см. у Тацита в «Германии» и «Анналах».
¹¹ Вероятно, Страбон имеет здесь в виду истоки реки Липпе. 600 стадий — около 106 километров; в действительности это расстояние составляет около 120 километров.
¹² В 9 году до н. э.
¹³ Римляне называли его Fabaria (Бобовый остров) (Плиний. Естественная история, IV, 27).
¹⁴ Упоминается в надписи «Monumentum Ancusarum», называемой так по месту находки в Ангоре (греческое Ankyra) и содержащей автобиографию императора Августа. Там, в гл. 32, Мелон называется королем маркоманов-свевов.
¹⁵ Подробное описание поражения Вара в Тевтобургском лесу см. у Диона Кассия.
¹⁶ Сын Друза. Его триумф в 15 г. н. э. — см. у Тацита, «Анналы», кн. I, гл. 55.
¹⁷ Иначе Теодориха.
¹⁸ Боденское озеро.
¹⁹ Котел применялся при жертвоприношениях, в него стекала кровь зарезанных пленников.
²⁰ В сражении при Верцеллах (см. биографию Мария).
²¹ В битве при Аквах Секстийских (см. там же).
²² Емкость одной амфоры приблизительно равна 26 литрам.

Веллей Патеркул
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

- ¹ О хавках и об их подразделении на разные племена см. также у Плиния («Естественная история», XVI, 2–4), Тацита («Германия», 35; «Анналы», XI, 18 и XIII, 55; «Истории», V, 19).
- ² Около 600 километров.
- ³ Около 300 километров.
- ⁴ 6 год н. э.
- ⁵ О дальнейшей судьбе Маробода и его державы см. Тацит, «Анналы» II, 44–46; 62–63 и XII, 29.
- ⁶ Племена херусков.
- ⁷ В качестве предводителя вспомогательных отрядов херусков в римском войске.
- ⁸ О роли Сегеста см. «Анналы» Тацита, I, 55.
- ⁹ Отец Вара погиб в битве при Филиппах во время столкновения республиканской армии под начальством Брута и Кассия с легионами триумвиров — Марка Лепида, Марка Антония и Октавиана в 42 году до н. э.; дед Вара пал, по всей вероятности, в 48 г. до н. э. при Фарсале в битве между легионами Помпея и Юлия Цезаря.

Гай Плиний Старший
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- ¹ Ср. деление германских племен на 3 больших группы — ингевонов, герминонов и истевонов — в «Германии» Тацита, гл. 2.
- ² Балтийское и Северное море.
- ³ Около 150 километров.
- ⁴ Название «Косматая» происходит от того, что обитатели Галлии носили длинные волосы. Имеется в виду вся Галлия по ту сторону Альп (за исключением Нарбоннской Галлии).
- ⁵ Плиний ссылается здесь на перечисление в кн. IV, гл. 101.
- ⁶ «Ganta», или «gansa», — латинизированная форма германского слова, употреблявшегося для обозначения гуся (близко к нему Gans); Плиний пользуется этой формой в отличие от латинского «anser» (гусь).
- ⁷ Подобные сценки Плиний, по-видимому, сам наблюдал во время походов Домиция Корбулона в 47 году.
- ⁸ Волчник, или лаврушка, пахучее ядовитое растение (так называемые «волчьи ягоды», «Daphne», по Плинию — «Casia Daphnidis»), употреблявшееся в качестве приправы к уксусу и применявшееся в народной медицине.
- ⁹ То есть родом из Португалии. Лузитания — древнеримская провинция, располагавшаяся на большей части территории нынешней Португалии и юго-западной Испании.

- ¹⁰ Плиний имеет в виду спор двух стихий (в античном понимании этого слова) — земли и воды; заливая землю, вода как бы «прикрывает» их противоположность.
- ¹¹ Плиний имеет здесь в виду земляные насыпи.
- ¹² Земля, употребляемая в качестве топлива, конечно, не что иное, как торф, который в средиземноморских странах не применялся и потому не был известен Плинию.
- ¹³ Своеобразные цистерны, и до сих пор еще встречающиеся в сельских местностях Восточной Фрисландии.
- ¹⁴ Несмотря на риторичность стиля, это описание Плиния основано на его личных наблюдениях (в 47 году) и в общем достоверно. Но Плиний изобразил быт лишь одной ветви племени хавков — той, которая застряла на самом морском берегу, — и слишком обобщил свое описание (о хавках см. еще Тацит, «Германия», 35; «Анналы», XI, 18–19; XIII, 55–56; Дион Кассий, «Римская история», LX, 30).
- ¹⁵ Плиний имеет в виду озеро Флево с системой сопутствующих ему мелких озер, болот и каналов, преобразовавшихся позже в мелководный залив Зейдерзе в Северном море (имел около 100 километров в длину и более 50 километров в ширину); ныне на месте Зейдерзе образовавшееся после возведения дамбы искусственное озеро Эйсселм.
- ¹⁶ Сообщение Плиния о лесах на болотистой торфяной почве, по-видимому, совершенно достоверно; географические данные показывают, что именно в такой местности и возможно явление плавающих деревьев: комья торфа не тонут так легко, как комья земли; омываемые и разрываемые на части волнами, они, однако, в силу их волокнистого строения не растворяются в воде.
- ¹⁷ О пиратских набегах хавков см. Тацит, «Анналы», XI, 18.
- ¹⁸ Речь идет, по-видимому, о травах, служивших кормом для германского скота; Плиния удивляет тучность германских пастбищ. Однако ввиду широты значения слова «*rabulum*» («пища» — и человека, и животных) мы дали в тексте более осторожный перевод.
- ¹⁹ Плиний описывает удобрение мергелем только у одного германского племени — убиев (которое он, по-видимому, наблюдал собственными глазами), но уже Варрон рассказывает о прирейнских племенах, удобряющих землю «белой минеральной породой, напоминающей глину», то есть глинистым известняком, или мергелем. Известие Варрона относится к 60-м годам I века до н. э.
- ²⁰ Ср. Тацит, «Германия», гл. 16.
- ²¹ Имеется в виду род моркови.
- ²² То есть у италиков.
- ²³ Собственно не мыло, а мазь или нечто вроде помады.
- ²⁴ В окрестностях нынешнего Висбадена.
- ²⁵ Янтарный остров.

Публий Корнелий Тацит
ГЕРМАНИЯ

- ¹ Карпатами.
- ² Островом в то время считали и Скандинавию; поэтому Тацит и говорит об «огромных» островах.
- ³ Здесь имеется в виду, по-видимому, поход Тиберия в 5 году н. э. (во время правления Августа), когда римский флот прошел вдоль северных берегов Германии.
- ⁴ Под Азией и Африкой подразумеваются здесь, конечно, не эти части света в целом, а только находящиеся в них римские провинции.
- ⁵ То есть к Северному морю.
- ⁶ У римлян название «германцы» впервые упоминается в 222 году до н. э. (в триумфальных фастах), затем после долгого промежутка мы встречаем его в «Комментариях» Цезаря, и уже после этого оно входит у римлян в общее употребление.
- ⁷ Тут, по-видимому, подразумевается один из главных германских богов — воинственный Донар, бог грома.
- ⁸ Серраты — римские серебряные монеты с зубринами; бигат — серебряный денарий с изображением колесницы, запряженной парой лошадей.
- ⁹ Германская конница или скакала прямо на неприятельский отряд, или объезжала его справа, что делалось для того, чтобы все время быть обращенным к неприятелю левым боком, который закрыт щитом, и таким образом в меньшей степени подвергаться опасности от вражеских стрел, дротиков и других метательных орудий. В случае удачи неприятель оказывался заключенным внутри сомкнутого круга германских всадников.
- ¹⁰ «Сотней» у древних германцев называлась первоначально родовая группа, состоящая из ста приблизительно семей, живших по соседству друг с другом; впоследствии так же стали называть и представляемые каждой такой группой отряды, из которых и составлялось германское войско.
- ¹¹ В сражении отдельные отряды или все войско германцев часто строилось в виде клина, то есть такой фигуры, которая к переднему концу, обращенному к неприятелю, суживалась, а к противоположному становилась все шире и шире.
- ¹² Слово «гех» мы переводим не «царь», а «король»; у древних германцев такие властители назывались «Kuning» (конунг), отчего произошло немецкое König, которое обычно и переводится словом «король» (от Kuni или Künne — род).
- ¹³ Изображения священных животных разных богов (например, змеи и волка Водана, медведя и козла Донара), а также предметы, являющиеся символом этих богов, — «копье Водана», «молот Донара» и т. п.

- ¹⁴ Римское название отряда кавалерии, составлявшего десятую часть «алы».
- ¹⁵ Женщины подставляли свою открытую грудь обращающимся в бегство мужьям, отцам и сыновьям, чтобы те пронзили их, потому что смерть они предпочитали плену, который неизбежно угрожал им в случае поражения.
- ¹⁶ Велада была в Риме в качестве военнопленной, и там Тацит мог видеть ее.
- ¹⁷ Здесь Тацит намекает на случаи, когда римляне, из раболепства и повинувшись императорскому указу, обоготворяли и воздавали божеские почести сестре Калигулы — Друзилле и жене Нерона — Сабине Поппее.
- ¹⁸ Германские божества Тацит старается сблизить с римскими богами, именами которых и называет их: так, здесь Донар называется Геркулесом (как и в гл. III), Водан — Меркурием, Циу — Марсом.
- ¹⁹ Некоторые животные считались у германцев нечистыми, и их нельзя было приносить в жертву богам; кроме того, у каждого бога были свои излюбленные жертвы — например, Водану обычно приносили в жертву коня.
- ²⁰ Культа египетской Изиды у древних германцев, конечно, не существовало. По-видимому, Тацит название *Idis* — одно из имен германского божества семейной жизни и любви — смешал с *Isis* (Изиды); то, что символом ее было судно, так же как и у некоторых других богов, показывает только то, что она была также и богиней мореплавания.
- ²¹ Идис была у германцев также богиней мореплавания — вне всякой связи с Изидой.
- ²² Обычно дуба или бука, которые у древних германцев считались плодовыми деревьями; древесные породы с мягкой древесиной (кроме орешника, бузины и можжевельника) считались для этой цели неподходящими, как нечистые, и приносящими несчастье.
- ²³ В противоположность римлянам, которые повторяли гадание до тех пор, пока не получали благоприятного ответа.
- ²⁴ Собственно, гадали не по полету, а по тому, откуда и какие птицы появлялись; при гадании по птицам особенное значение имели ворон, сова и некоторые хищные птицы.
- ²⁵ Этот способ гадания существовал также у персов и у славян.
- ²⁶ То есть когда собравшиеся найдут, что их явилось уже достаточное число, чтобы открыть народное собрание.
- ²⁷ На самом деле, когда старейшина разъезжал по округам творить суд, то в разборе дел участвовали все свободные той сотни, которой это дело касалось.
- ²⁸ Торжественное вручение юноше оружия на народном собрании знаменовало собой признание его совершеннолетним и освобождение от опеки отца. Поэтому и совершал этот обряд сам отец,

если же отца юноши уже не было в живых — то заменивший его опекун из ближайших родичей; иногда, в виде особого почета, это делал вождь племени.

- ²⁹ У римлян обряд признания совершеннолетия выражался в том, что юноша торжественно облакался в мужской плащ (*toga virilis*), которого не имел права носить подросток; вот почему Тацит и говорит, что это у германцев заменяло тогу.
- ³⁰ Здесь слова «*principis dignationem*» (в некоторых рукописях «*dignitatem*») переводятся «звание вождя», но некоторые комментаторы переводят «благосклонность вождя». В следующем предложении они вместо слова «*ceteri*» читают «*ceteris*» (как это и стоит в некоторых рукописях) и толкуют все это место так, что очень знатные юноши не сами делаются вождями, а поступают в дружину вождя, благосклонностью которого они заручились, и там присоединяются к другим дружинникам, более сильным и уже испытанным в боях.
- ³¹ Речь идет о некой иерархии среди дружинников.
- ³² Пенатами у римлян назывались боги домашнего очага, покровители дома и живущей в нем семьи, а в переносном смысле — сам домашний очаг, дом, жилище.
- ³³ Имеются в виду не способные носить оружие.
- ³⁴ Фалеры — металлические (часто серебряные и даже золотые) бляхи, служившие как украшением конской сбруи (в виде налобника и нагрудника), так и нагрудным значком у воинов, являясь своего рода знаком отличия.
- ³⁵ Многие толкуют употребленное здесь слово «*sedes*» не как жилище отдельной семьи — единичную усадьбу, а как место поселения целой родовой группы, даже племени.
- ³⁶ То есть разноцветной глиной.
- ³⁷ Более зажиточные германцы носили рубашку и штаны; есть основание предполагать, что штаны носили и женщины.
- ³⁸ Имеются в виду берега Дуная и Рейна, по которым шла граница Римской империи.
- ³⁹ То есть украшают ее кусками меха с иной окраской. Под «чудовищами» Тацит подразумевал, по-видимому, морских животных, водящихся в Северном море и дальше в Ледовитом океане, а также животных, которые встречались на островах и в странах, омываемых этими морями.
- ⁴⁰ Имеется в виду столь откровенная, с точки зрения римлянина, женская одежда.
- ⁴¹ Так, король Норика выдал за Ариовиста свою сестру, хотя тот уже и был женат; сделал он это из политического расчета, чтобы заручиться дружбой с таким могущественным человеком, как Ариовист.
- ⁴² Имеется в виду обмен подарками в присутствии родичей, которые, осмотрев подарки жениха, признают их достаточным выкупом за невесту.

- ⁴³ Здесь сравнение с обычаями римлян, у которых бракосочетание в то время сопровождалось разными торжественными церемониями и священными обрядами с обращением к особым божествам брака.
- ⁴⁴ Подразумевается: сыновьям.
- ⁴⁵ Здесь стоит слово «agnatus», которым римляне обозначали детей, родившихся после смерти отца или же после того как им уже составлено завешание; вследствие этого «agnati» не могли рассчитывать на наследство после отца.
- ⁴⁶ Когда они получают право носить оружие как совершеннолетние.
- ⁴⁷ Таким образом намеренно расширялся круг лиц, который был заинтересован в том, чтобы заложник остался здоров и невредим.
- ⁴⁸ В противоположность римлянам, у которых бездетный старик-богач всегда был окружен целым роем заискивающих его расположения людей, часто совершенно ему чужих, но мечтающих получить наследство, так как по завещанию он мог оставить его кому угодно.
- ⁴⁹ Здесь имеется в виду «семья» в самом широком смысле этого слова, то есть вся родовая группа.
- ⁵⁰ Так описывает Тацит пиво, бывшее уже и в те времена излюбленным напитком германцев.
- ⁵¹ У всех мало-мальски зажиточных римлян была многочисленная дворовая челядь из рабов, у богачей доходившая до огромных размеров. Не только для каждой службы при доме, но и для каждой отдельной услуги «господам» предназначен был целый штат рабов, у каждого из которых была своя специальность, иногда очень узкая, например, только разрезать кушанья, подаваемые к столу, или только провозглашать имя каждого из прибывающих гостей и т. д.
- ⁵² У римлян колоннами в то время назывались лично свободные, но уже попавшие в экономическую зависимость и эксплуатируемые крестьяне-арендаторы, платившие за пользование землей деньгами или натурой; с ними и сравнивает Тацит большинство германских рабов, получавших от своего господина отдельный участок земли, на котором раб имел свое жилище и вел собственное хозяйство, уплачивая оброк натурой.
- ⁵³ Имеется в виду не одежда в готовом виде, а материал для ее изготовления — лен, шерсть, кожа, холст и т. д.
- ⁵⁴ Тогда как при убийстве свободного пришлось бы платить денежную компенсацию (вергельд), чтобы не подвергнуться мести родичей убитого (см. гл. XXI).
- ⁵⁵ Здесь Тацит противопоставляет германские нравы римским. У римлян вольноотпущенники часто достигали очень влиятельного положения, и не только в доме своего господина; при императорах же некоторые вольноотпущенники в качестве их фаворитов бывали иногда самыми могущественными людьми в государстве.

- ⁵⁶ Королевская власть в эпоху Тацита была скорее исключением, чем общим правилом в политическом строе германцев.
- ⁵⁷ Таково одно из толкований этого места «Германии», возбуждающего среди комментаторов ожесточенные споры. В этом предложении «*agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur*» слово «*occupantur*» понимается как занятие земли (на принадлежащей племени территории) для возделывания; но иные толкуют его как первоначальный захват племенем завоеванной или же до тех пор никому не принадлежавшей территории. Далее, слова «*pro numero cultorum*» переводятся здесь «по числу работников», или рабочих рук в каждой из участвующих в дележе групп, но можно их понимать и как «по числу домохозяев». Наконец, вместо слов «*in vices*» (или «*in vicem*»), что значит «поочередно», некоторые читают «*vicis*», то есть «всеми деревнями».
- ⁵⁸ Слова «*secundum dignationem*» («по достоинству») можно толковать «по качеству делимой земли», но можно понимать и как «по достоинству участников в дележе», по их личному значению и социальному положению, то есть что знатный человек получает больше земли, чем рядовой свободный германец.
- ⁵⁹ Дуб, бук, сосна и можжевельник.
- ⁶⁰ Юлий Цезарь говорит в своих «Записках о галльской войне» (кн. 14, гл. 24, 1): «некогда было время, когда галлы превосходили германцев доблестью, по собственному почину затевали войны с ними».
- ⁶¹ Рейн.
- ⁶² Бойи ушли из этих мест еще в 60 году до н. э., а во 2 году туда пришли маркоманы; указание Тацита в главе XLII, что маркоманы прогнали отсюда бойев, неверно.
- ⁶³ И арависки, и озы были иллирийского происхождения, и Тацит ошибается, назвав здесь озоз германцами, тем более что в гл. XLIII он сам говорит, что паннонский язык озоз выдает их негерманское происхождение. Замечание Тацита об «одинаковой свободе на обоих берегах [Дуная]» основывается на том, что в те времена и на правом берегу Дуная еще не утвердилось римское владычество.
- ⁶⁴ Имеются в виду народы, переселившиеся в Галлию из Германии.
- ⁶⁵ Пространство между двумя рукавами Рейна при его впадении в море.
- ⁶⁶ «Декуматными полями» (*decumates agri*) называлась территория между Рейном, Майном и верхним Дунаем. Сначала ее занимали гельветы, потом здесь стали появляться германцы, а после Цезаря опять кельты. В течение I века н. э. ею завладели римляне. Название «*decumates agri*» обычно переводилось как «десятинные поля» и толковалось в том смысле, что поселившиеся здесь римские колонисты платили в казну подать в виде десятины. Но новейшие

исследования немецкого ученого Э. Нордена (1868—1941) показали, что слово «desumat» кельтского, а не латинского происхождения и обозначало «десяток» населявших эту местность родоплеменных групп.

- ⁶⁷ Население «декуматных полей» состояло главным образом из германцев и смешавшихся с ними галлов. Ввиду того что владычество римлян было здесь вначале непрочно и всей этой территории угрожали постоянные набеги свевов и других германцев, Тацит называет переселявшихся сюда галлов «в высшей степени легкомысленными» и набравшимися смелости лишь вследствие крайней нужды. Но потом римляне укрепили здесь границу, и вся эта территория была включена в состав римской провинции Верхняя Германия.
- ⁶⁸ Имеется в виду население «декуматных полей».
- ⁶⁹ Герцинскими лесистыми горами Тацит называет здесь северо-западную часть Герцинского леса, который за областью хаттов идет дальше в восточном направлении до Карпат.
- ⁷⁰ Речь идет о заступах, кирках, топорах или других саперных орудиях.
- ⁷¹ Южнее Рейн не мог быть такой границей, потому что протекал по болотистой местности и в некоторых местах менял иногда свое русло.
- ⁷² Дошедшие до Тацита слухи о полном истреблении бруктеров во всяком случае преувеличены; часть бруктеров продолжала жить на своей прежней территории.
- ⁷³ Тацит сравнивает выгодное, а потому и приятное для римлян избиение бруктеров своими же соплеменниками — германцами с услаждавшим глаза римской публики боем гладиаторов.
- ⁷⁴ Потому что обращение римлян с покоренными ими народами было совсем не таким, чтобы можно было очень рассчитывать на их любовь и преданность.
- ⁷⁵ Сзади с точки зрения римских владений — на Рейне, то есть с востока, спереди — с северо-запада.
- ⁷⁶ Имеется в виду озеро Флево и сопутствующие ему водоемы. Римские корабли — флоты Друза, плававшего в этих местах в 12 году до н. э., Тиберия — в 4 году н. э. и Германика — в 15 году н. э.
- ⁷⁷ Под этими «Геркулесовыми столбами» подразумеваются, по-видимому, две скалы у острова Гельголанд, из которых одна, красная, стоит до сих пор, а другая, белая (из гипса), была впоследствии разрушена.
- ⁷⁸ Так Тацит называет здесь пасынка Августа, младшего брата Тиберия. Он первый из римлян проплыл (в 12 году до н. э.) от устья Рейна до Каданского залива (в западной части Балтийского моря).
- ⁷⁹ Образует почти прямой угол между берегом Немецкого моря и западным берегом Ютландии.

- ⁸⁰ Кимвры занимали северный конец Ютландии, которая в те времена называлась Кимврским полуостровом. Таким образом, они действительно жили «у того же изгиба», что и хавки, но только по другой стороне его.
- ⁸¹ На обоих берегах Рейна.
- ⁸² Второе консульство Траяна приходится на 98 год.
- ⁸³ Тацит, говоря здесь об Испании и Галлии, употребляет эти топонимы во множественном числе, так как было две провинции Испании и три провинции Галлии.
- ⁸⁴ Погибшего вместе со всем войском при сражении с парфянами в 53 году до н. э.
- ⁸⁵ В 101 году до н. э. Марий наголову разбил кимвров в Северной Италии.
- ⁸⁶ Юлий Цезарь в 58—53 годах до н. э. имел в Галлии ряд удачно завершившихся для римлян столкновений с различными германскими племенами (свевами, узипетами, тенктерами, сугамбрами).
- ⁸⁷ Друз четыре раза ходил за Рейн против германцев в 12—9 годах до н. э.
- ⁸⁸ Тиберий Клавдий Нерон — пасынок и преемник Августа — воевал в Германии в 8—7 годах до н. э., затем в 4—6 годах и в 10—11 годах н. э.
- ⁸⁹ Четыре экспедиции Германика в пределы Германии относятся к 14—16 годам н. э.
- ⁹⁰ Так Тацит называет императора Калигулу (настоящее имя — Гай Юлий Цезарь Август Германик), поход которого в 39—40 годах после шумных приготовлений кончился полной неудачей.
- ⁹¹ Здесь имеется в виду борьба за власть между Гальбой, Оттоном, Вителлием и Веспасианом, начавшаяся после низложения и смерти Нерона (в 68 году н. э.) и законченная лишь к 70 году, когда окончательно восторжествовал над своими соперниками Веспасиан. Этой междоусобицей и воспользовались германцы: вождь батавов Цивилис организовал восстание против римлян, с которым те справились не без труда.
- ⁹² Намек на императора Домициана, который в 83 году предпринял поход против хаттов, но вернувшись из него ни с чем, так как даже не видел неприятеля: это не помешало ему, однако, устроить себе триумф.
- ⁹³ По-видимому, имеется в виду Аугсбург.
- ⁹⁴ Боги, которым посвящена эта роща.
- ⁹⁵ Что и дает основание проводить аналогию между германскими Алками и римскими Кастором и Поллуксом.
- ⁹⁶ За «свионами», то есть по другую сторону Скандинавии. «Другое море» — не то, которое Тацит называет Океаном и которое омывает берега Германии, то есть не Балтийское.
- ⁹⁷ Отзвук представления о земле, как о плоском круге, который опоясан водным потоком.

- ⁹⁸ Древние греки и римляне обожествляли солнце, представляя его себе в виде лучезарного Феба, который каждое утро выезжает на колеснице, запряженной четверкой лошадей.
- ⁹⁹ При Таците январь снова стал входить в большую моду у римлян.
- ¹⁰⁰ В данном случае Тацит ошибается, так как в еще более древние времена, до знакомства с римлянами, германцы, жившие на берегах Балтийского моря, выделывали из янтаря женские украшения в виде полых цилиндров, кружков и бус.
- ¹⁰¹ То есть постоянного дома.
- ¹⁰² То есть заниматься земледелием, ремеслами и торговлей.
- ¹⁰³ Возможно, что такие слухи ходили о народах Крайнего Севера, меховая одежда которых делала их похожими скорее на зверей, чем на людей.

АННАЛЫ

- ¹⁰⁴ Цезийский лес был расположен, вероятно, в бассейне реки Липпе. В других источниках не упоминается.
- ¹⁰⁵ Танфана — по-видимому, локальное женское божество марсов и соседних с ними племен. Речь идет собственно не о храме, а о здании, предназначенном лишь служить помещением для судебных собраний и празднеств, приуроченных к дням жертвоприношений; поэтому такое здание обычно строилось возле алтаря.
- ¹⁰⁶ Имеются в виду «дружественные» римлянам, так называемые «союзные» племена батавов, убиев и сугамбров.
- ¹⁰⁷ Во время заговора Арминия, приведшего к поражению Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 году н. э.
- ¹⁰⁸ Основанный Друзом алтарь Августа, который был расположен возле «города убиев».
- ¹⁰⁹ Клиентела — институт личной зависимости в Древнем Риме; в применении к германцам термин «клиенты» у Тацита отличается некоторой неопределенностью и может иметь разный смысл: иногда в содержание этого понятия могли, вероятно, входить и дружинники, хотя для обозначения дружины Тацит пользуется в «Германии», а также и «Анналах» (см. кн. II, гл. 63) другим техническим термином — «*comitatus*».
- ¹¹⁰ Квинтилий Вар.
- ¹¹¹ Сегест намекает здесь на свое участие в мятеже херусков в 9 году н. э., в который он был вовлечен против своей воли.
- ¹¹² В лагерь Сегеста.
- ¹¹³ «Старая провинция» — местность на левом берегу Рейна, в противоположность правобережным областям, предназначенным к превращению в «новые» провинции в результате предстоявших завоеваний.
- ¹¹⁴ Этот рассказ Тацита до нас не дошел.

- ¹¹⁵ Символы римского владычества. Римские должностные лица, наделенные высшей властью (консулы, преторы, в экстренных случаях — диктаторы), выступали в сопровождении особой стражи — ликторов, несших впереди них связки прутьев с секирой, символизовавшей их неограниченную власть над жизнью и смертью подданных. Тога — верхняя одежда римлян.
- ¹¹⁶ Озеро Флево.
- ¹¹⁷ Так называемые «Длинные мосты» («Pontes longi») были сооружены римским полководцем Люцием Домицием Агенобарбом в 6—2 годах до н. э. Ныне их месторасположение вызывает споры. Возможно, они были проложены в болотах, находящихся на границе нынешних Голландии и Ганновера.
- ¹¹⁸ Плиний Старший.
- ¹¹⁹ Из всего рассказа Тацита о походе Германика ясно, что рекой, по направлению к которой плыл флот Германика и шел обратным маршем Вителлий с берегов Эмса, мог быть только Рейн или его рукав Вехт, но никоим образом не Везер (Визургис).
- ¹²⁰ То есть в левобережной части рейнской дельты.
- ¹²¹ Примипиларий — центурион первой центурии первого манипула первой когорты легиона, назначавшийся на должность за особые заслуги, опытность и храбрость. Он получал при назначении всадническое достоинство и единственный из 60 центурионов легиона входил в военный совет.
- ¹²² Вероятно, здесь Геркулес отождествляется с каким-нибудь германским божеством, может быть, с Донаром. Ср. также упоминания о Геркулесе в гл. III и IX «Германии».
- ¹²³ Долина на правом берегу Везера, между нынешними городами Минденом и Гамельном.
- ¹²⁴ У римлян счет дневных часов начинался с рассвета; поэтому «quinta hora» — пятый час — для летнего времени года приблизительно соответствует 10 часам утра.
- ¹²⁵ Около 15 километров.
- ¹²⁶ То есть Арминию.
- ¹²⁷ Летом 18 года Германик посетил Ахею (Грецию), Армению, Египет.
- ¹²⁸ Нарбонская Галлия — римская провинция на территории современных Лангедока и Прованса в южной Франции. Форум Юлиум — нынешний Фрежюс на Лазурном берегу.
- ¹²⁹ Маробода и Катувальды.
- ¹³⁰ Либо у протока озера Флево, либо на реке Вехт в том месте, где она ответвляется от старого Рейна и течет по направлению к нынешнему Зейдерзе.
- ¹³¹ После того как кончилось сражение с фризами.
- ¹³² Единственное упоминание этой фризской богини, о которой в других источниках нет никаких данных; возможно, что это — богиня войны.

- ¹³³ В 47 году н. э.
- ¹³⁴ В 47 году н. э.
- ¹³⁵ В какие конкретные формы вылились эти чисто римские институты у фризов, судить, конечно, трудно за отсутствием данных. Но необходимо иметь в виду, что римские писатели (в частности Цезарь и Тацит) часто обозначали даже чисто германские учреждения при помощи римской правовой и политической терминологии.
- ¹³⁶ Приказ увести войска на левый берег Рейна.
- ¹³⁷ Особые знаки отличия, которые присуждались римскому полководцу по случаю празднования триумфа после побед над врагом.
- ¹³⁸ В 50 году н. э.
- ¹³⁹ В 51 году н. э.
- ¹⁴⁰ В пределы владений Ванния.
- ¹⁴¹ То есть не во время бегства.
- ¹⁴² Тацит, вероятно, имеет в виду паннонскую флотилию римского флота на Дунае.
- ¹⁴³ Этот слух был порожден тем, что император Клавдий снял все укрепления с правого берега Рейна; римское правительство в это время склонялось к отказу от наступательной тактики по отношению к германцам.
- ¹⁴⁴ Озеро Флево.
- ¹⁴⁵ Состоявшие на римской службе вспомогательные отряды германской конницы.
- ¹⁴⁶ В 58 году н. э.
- ¹⁴⁷ Имеется в виду либо река Верра (приток Везера), либо так называемая франконская Заала (приток Майна). Соль добывалась не из самой реки, а из соседних источников рядом с ней.
- ¹⁴⁸ По всей вероятности, источником сведений Тацита о способе добывания соли у германцев послужил Плиний («Естественная история», XXXI, 82).
- ¹⁴⁹ «Извержение подземного огня» в стране убиев произошло в 58 году. Вероятно, речь идет о пожаре на торфяных болотах. Имеется в виду Агриппинская колония, основанная в 50 году.

ИСТОРИИ

- ¹⁵⁰ Речь идет о так называемом Батавском острове, омываемом Старым Рейном, Ваалом и Северным морем.
- ¹⁵¹ Намек на то, что Цивилис был одноглазым, подобно Серторию и Аннибалу.
- ¹⁵² Речь идет о походе императора Калигулы, предпринятом им в 39–40 годах.
- ¹⁵³ Имеется в виду их доставка из снесенных близ лагеря зданий.
- ¹⁵⁴ Имеется в виду лагерь Гельдуба.
- ¹⁵⁵ Очевидно, крайние северо-восточные области.

- ¹⁵⁶ Очевидно, проходы по узким дамбам среди болот.
- ¹⁵⁷ Классик, Титор, Сабин и их сторонники.
- ¹⁵⁸ 7,5 километра.
- ¹⁵⁹ Начальник 16-го легиона, и до этого не пользовавшийся авторитетом среди солдат.
- ¹⁶⁰ Тенктеры жили на правом берегу Рейна, напротив убиев.
- ¹⁶¹ Прежнего названия «убии» вместо нового «агриппинцы», присвоенного им после основания колонии в 50 году.
- ¹⁶² Тацит называет именем римского бога божество Тиу (или Циу), имевшего в германском пантеоне те же функции, что и Марс у римлян.
- ¹⁶³ Зарейнские жители, приходившие в г. Кельн, должны были платить поголовную пошлину и находиться под надзором.
- ¹⁶⁴ Возле нынешнего Маастрихта.
- ¹⁶⁵ То есть на мосту.
- ¹⁶⁶ Тех германцев, что были расквартированы по частным домам Агриппинской колонии.
- ¹⁶⁷ Уловка заключалась в том, чтобы заставить германцев заподозрить Цивилиса в тайном соглашении с римлянами.
- ¹⁶⁸ Очевидно, намек на роль Веледы и ее авторитет.
- ¹⁶⁹ Вторая половина книги V «Историй» утеряна, и мы не располагаем рассказом Тацита об окончании батавского мятежа и о сдаче Цивилиса; глава 26 книги V обрывается на изложении речи Цивилиса, произнесенной им во время его переговоров с Цериалисом.

Плутарх
ГАЙ МАРИЙ

- ¹ Меотиды — Азовское море. Понтийская Скифия — степи по северному побережью Черного моря (Украина, степной Крым, Северный Кавказ).
- ² Имеется в виду строки из XI песни «Одиссеи»:
- Там страна и город мужей коммерийских. Всегдашний
Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце
Не освещает лучами людей, населяющих край тот...
- Перевод В. В. Вересаева*
- ³ То есть разбойниками.
- ⁴ Четвертое консульство Мария и новое вторжение кимвров в Галлию из Испании падают на 102 год до н. э.
- ⁵ Знамя легиона с изображением орла.
- ⁶ Предположительно, медный бык был у кимвров военным знаменем, как у римских легионов — серебряный орел.
- ⁷ Цезарь впоследствии также использовал этот прием. В обоих случаях и у Мария, и у Цезаря расчет был один и тот же: копье, вон-

зившееся в щит и согнувшееся, мешало движениям противника и заставляло его бросить щит. Эта тактика применялась специально против кельтов и германцев, вооруженных большими щитами и почти лишенных остальных оборонительных доспехов.

⁸ Битва при Верцеллах произошла в 101 году до н. э.

⁹ В войне с кимврами Сулла состоял под командой Катула. В своих мемуарах (которыми пользовался Плутарх) Сулла между прочим описывал эту войну, причем он тенденциозно умалял роль Мария, будучи его политическим противником. Сочинение Суллы до нас не дошло.

¹⁰ Отсюда видно, что Плутарх сам не читал воспоминаний Катула, а пользовался ими из вторых рук, вероятнее всего, из упомянутых записок Суллы.

¹¹ Около 6 километров.

¹² Жертва в 100 голов скота.

¹³ Месяц секстилий был переименован в август в честь императора Августа. До реформы календаря, проведенной Юлием Цезарем, римский год значительно разошелся с истинным солнечным годом, что мы и видим в данном случае. За три дня до начала августа, по римскому счету, — 30 июля.

¹⁴ Сочинение Катула «О моем консульстве и о моих подвигах» до нас не дошло. Плутарх сам пользовался им из вторых рук.

¹⁵ После Ромула и Камилла, получившего за изгнание галлов титул «второго основателя Рима».

¹⁶ Имеется в виду занятие Рима галлами в начале IV века до н. э.

Люций Анней Флор

ИЗ ИСТОРИИ РИМСКОГО НАРОДА

¹ Весьма спорная версия о наступлении моря на сушу как причине переселения указанных племен обычно приурочивается лишь к кимврам и тевтонам, но не к тигуринам. См. разбор этой версии у Страбона («География», VII, 2).

² Имеются в виду римляне; бог войны Марс считался отцом Ромула, основателя римского государства.

³ Под аграрными законами Флор разумеет меры, направленные против поглощения латифундиями мелкой крестьянской собственности.

⁴ Как явствует из трудов греческих географов, германцы употребляли жареное мясо, но не вареное и не сырое. Это и хочет сказать Флор, указывая на ознакомление германцев с вареным мясом как новым для них родом пищи.

⁵ Имеется в виду Германия, которую походы Друза Старшего должны были по замыслу Августа превратить в римскую провинцию наподобие Галлии.

- ⁶ Друзу было присвоено почетное имя Германика (победителя германцев), которое впоследствии присвоено было и его сыну, обычно фигурирующему в источниках под этим именем.
- ⁷ Это упоминание Флора о жестокости Вара противоречит его характеристике у Веллея Патеркула, отмечающего мягкость, легкомыслие, беспечность Вара и ставящего его судебную деятельность в Германии в связь именно с этими качествами.
- ⁸ В изображении Флора деятельность Вара в Германии рисуется как насильственное насаждение римских порядков в стране, еще не покоренной окончательно силой оружия, и неосторожность Вара сводится именно к его чрезмерной агрессивности, между тем как, по Веллею Патеркулу, она заключалась в излишней доверчивости к германцам, которые систематически обманывали Вара. Тацит, по-видимому, присоединяется к толкованию Флора, заставляя Арминия в речи после сдачи Сегеста в 15 году с ненавистью упоминать о римских тогах и ликторских секирах за Рейном (см. Тацит, «Анналы», I, 59).
- ⁹ Консул Люций Паул погиб в битве при Каннах в 216 году до н. э., в которой Ганнибал нанес римлянам жестокое поражение.

Аппиан

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

- ¹ Названия племен взяты в латинском произношении.
- ² Сугамбры здесь названы, конечно, ошибочно. Из текста Юлия Цезаря («De bel. gal.», IV, 9–15) видно, что это были узипеты и тенктеры. См. дальше у самого Аппиана, «Кельтика», гл. 18.
- ³ Здесь имеется в виду переход Цезарем Рейна после уничтожения узипетов и тенктеров.
- ⁴ В других источниках, говорящих о битве при Норее, упоминаются только кимвры.
- ⁵ Марий после битвы при Верцеллах.
- ⁶ Из-за Рейна.
- ⁷ До прихода Цезаря в Галлию в 58 году до н. э. Ариовист явился в Галлию в 72 году до н. э.
- ⁸ В 59 году до н. э.
- ⁹ См. у Цезаря, кн. I, гл. 47.
- ¹⁰ Здесь последовательность изложения не соответствует действительному ходу событий. Как угроза Цезаря (занятие Везонциона), так и паника среди его войск предшествовали личным переговорам Цезаря с Ариовистом и посольству к нему от Цезаря (см. у Цезаря, кн. I, гл. 38–39, и кн. I, гл. 43–46).
- ¹¹ См. у Цезаря, кн. IV, гл. 4–15.
- ¹² Танузий Гемин — римский историк I века до н. э., на труд которого ссылаются Светоний, Сенека и Плутарх. Марк Порций Катон

Младший — политический противник Цезаря, покончил самоубийством после победы Цезаря в Африке над войсками республиканцев (46 год до н. э.).

Дион Кассий
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

- ¹ Римлян.
- ² Здесь имеется в виду длительное пребывание кимвров в Испании и Северной Италии.
- ³ Ариовиста.
- ⁴ Римские легионеры начинали бой тем, что бросали в противников дротики, чтобы привести их в расстройство еще до начала рукопашной схватки.
- ⁵ Кельтские племена, как и везде у Диона Кассия, — германцы.
- ⁶ Против желания молодежи.
- ⁷ Дион Кассий дает объяснение своей терминологии, в силу которой он всюду называет кельтами зарейнских германцев. Говоря о Кельтских Альпах, он, соответственно, подразумевает Германские Альпы.
- ⁸ См. Цезарь, кн. IV, гл. 15–19.
- ⁹ В 53 году до н. э.
- ¹⁰ Против римлян.
- ¹¹ То есть народ, живущий в Скифии (северное побережье Черного моря).
- ¹² Имеются в виду даки.
- ¹³ Озеро Флево.
- ¹⁴ Друз и Тиберий, временно уходивший из Галлии на Дунай и затем вернувшийся.
- ¹⁵ В окрестностях Лиона.
- ¹⁶ Дион Кассий здесь называет Зевсом главного бога римлян Юпитера.
- ¹⁷ Марш быстрого темпа, сигнал к наступлению.
- ¹⁸ Верхняя и Нижняя Германии — две римские провинции на левом берегу Рейна.
- ¹⁹ Сын Друза.
- ²⁰ По-видимому, Ксифилин, византийский историк конца XI века, сохранивший этот отрывок, при его передаче ошибочно поставил слово «Германия» вместо «Кельтика», обычного названия зарейнской Германии у Диона Кассия.
- ²¹ Здесь, как и в дальнейшем, сведения о язигах приведены в тех случаях, когда они упоминаются в связи с германскими племенами.
- ²² Династ — от др.-греч. Δυναστής (δυναστεία) — властелин. Так древнегреческие авторы обычно обозначали незначительных правителей в негреческих землях.

- ²³ Марк Аврелий Антонин.
- ²⁴ Здесь Дион Кассий отступает от своего обычного термина «кельты» для обозначения германцев, давая объяснение латинского титула «Германик».
- ²⁵ Язигов.
- ²⁶ Около 8 километров.
- ²⁷ То есть Каракалла. Полное его имя было Марк Аврелий Север Антонин Август.
- ²⁸ Неизвестное германское племя, может быть, часть хаттов.

Аммиан Марцеллин

ИСТОРИЯ

- ¹ В 354 году. В подлиннике ошибочно говорится о третьем консульстве.
- ² «Цезарь» — титул одного из двух младших соправителей империи, подчиненных двум «Августам», которые делили между собою полноту политической власти. Должность «цезаря» была учреждена Диоклетианом (император в 284—305 годах).
- ³ Имеется в виду отказ от своего первоначального намерения тотчас же вступить в битву с римлянами.
- ⁴ Любопытно, что целый ряд названий городских округов фигурирует здесь, как и в ряде других мест «Истории», во множественном числе и иногда буквально повторяет названия соответствующих племен (неметы, вангионы, тунгры и пр.).
- ⁵ Ремаген (Ригомаг) находится в 97 километрах от Кобленца (Конфлюэнса), так что подчеркнутая в тексте близость этих пунктов друг к другу не соответствует действительности: очевидно, топографические указания Аммиана не всегда точны.
- ⁶ Лэты — германские (алеманнские или франкские) поселенцы на территории Галлии в III—IV веках, державшие землю на правах наследственной аренды и обязанные нести военную службу империи.
- ⁷ Имеются в виду острова.
- ⁸ См. Аммиан, кн. XIV, гл. 10, § 9.
- ⁹ Клиньями и с конницей на левом фланге.
- ¹⁰ Так называемый «палатинский легион», первоначально (после 325 года) сформированный взамен преторианской гвардии для охраны дворца и членов императорской семьи.
- ¹¹ Имеются в виду катафрактары — тяжеловооруженная кавалерия.
- ¹² Вторжением войск Юлиана в их владения.
- ¹³ Владения Суомара находились, по-видимому, в окрестностях нынешнего Майнца.
- ¹⁴ Окрестности нынешнего Шпайера.

- ¹⁵ Эта территория была расположена, по-видимому, к востоку от линии (пограничного вала), в районе нынешнего немецкого города Эрингена, в бассейне правых притоков Неккара — рек Ягста и Кохера. Как предполагает Э. Норден, пограничные камни, о которых идет речь у Аммиана, отделяли от владений бургундов римские (а не алеманнские) владения, то есть территорию «декуматных полей» (см. Тацит, Германия», гл. 29), утраченных римлянами в 259–260 годах, но частично вновь заселенных ими впоследствии. Согласно его гипотезе, эти камни были поставлены в результате договора о границах между романизованным населением «декуматных полей» и бургундами, имевшего место, по всей вероятности, между концом 30-х и 50-ми годами IV века. По мнению Нордена, Палас — это более древнее название описанной у Аммиана территории, восходящее, быть может, даже к докельтской эпохе; Капелляции — имя какого-то галло-римского рода, впоследствии поселившегося на этой территории.

Указатель имен, названий племен, топонимов

Абнобские горы — Шварцвальд.

Август Гай Октавий, после усыновления его Цезарем называвшийся Гай Юлий Цезарь Октавиан, в 27 году до н. э. получил от сената титул Август (Augustus — священный, высокочтимый), — основатель принципата, первый римский император с 30 года до н. э. до 14 года н. э. 33, 34, 36, 39, 42, 69, 75, 79, 80, 108, 134, 149, 150, 151, 152, 153, 157, 158, 189, 192, 197, 198, 199, 203.

Авионы — небольшое германское племя, жившее на островах, расположенных вдоль западного берега Ютландии 70.

Авриния — германская прорицательница 54.

Агенарих — см. *Сераний*.

Агенобарб — Люций Домиций Агенобарб, дед императора Нерона; был наместником римских придунайских провинций 152, 200.

Агриппа — Марк Випсаний Агриппа (63—12 годы до н. э.), зять и сподвижник Октавиана Августа, римский полководец и политический деятель. Будучи послан Августом в Галлию, совершил оттуда поход в Германию и был, таким образом, вторым (после Цезаря) римским полководцем, перешедшим Рейн 31, 99, 189.

Агриппина Старшая — Юлия Агриппина, жена Германика и мать Калигулы и Агриппины Младшей, умерла в 33 году 85.

Агриппина Младшая, дочь Германика и Агриппины Старшей, племянница и жена императора Клавдия 99.

Агриппинская колония (Colonia Agrippinensis) — римская колония на левом берегу Рейна, нынешний Кельн 44, 112, 113, 169, 170, 201, 202.

Адрана — река Эдер 78.

Имена римлян, состоящие из трех частей (например, Марк Випсаний Агриппа), помещаются в указателе по третьему имени за немногими исключениями, когда в тексте автор называет данное лицо вторым именем (например, Авл Цецина Север помещен в указателе под именем Цецина, а не Север, потому что так он назван у Тацита в «Анналах»).

Адуатuca — укрепленное место в стране галльского племени эбурунов 28, 29.

Адуатуки — одно из племен белгов, в северной Галлии 28, 147.

Аквитания — югозападная часть Галлии 44, 169.

Аквы Секстийские (Aquae Sexliae) — «Секстийские воды», город, расположенный недалеко от Массилии (нынешний Марсель); название его происходит от Гая Секстия, основавшего поселок вблизи находящихся там теплых источников 125, 134, 142, 189.

Атумер — вождь хаттов, дед Италика 97, 98.

Алеманны — группа германских племен, происшедших, быть может, от семнонов и свевов 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 206, 207.

Алки — божества германского племени наганарвалов 72, 198.

Аллоброги — кельтское племя, занимавшее территорию нынешних Дофина и Савойи 12.

Альбис (у греков Альбий) — река Эльба 33, 34, 35, 37, 38, 43, 71, 80, 89, 91, 136, 151, 153, 165.

Амация, Амизия, Амизис — река Эмс 33, 34, 43, 80, 81, 82.

Амбивариты — небольшой кельтский народ из группы белгов, обитавший на территории нынешней Бельгии 18.

Амбиориг — вождь галльского племени эбурунов 23, 28, 148.

Амброны — по-видимому, кельтское племя, участвовавшее в нашествии кимвров на Галлию и Италию 31, 123, 126, 127.

Ампсиварии — германское племя, жившее на левом берегу нижнего Эмса, к востоку от фризов 101, 102, 103.

Анартии — дакийское племя, обитавшее по течению реки Тиссы, притока Дуная 26.

Англы — германское племя, жившее на север от нижнего течения Эльбы 70.

Ангриварии — германское племя, жившее между реками Эмсом и Везером 67, 87, 91.

Апроний — Люций Апроний, пропретор провинции Нижняя Германия 78, 96, 98.

Арависки — племя иллирийского происхождения; во времена Тацита жило в Паннонии, на правом берегу Дуная 64, 196.

Арбало — населенный пункт в стране хавков 45.

Арбеций — начальник римской конницы во время похода против лентиев в 354 году 169.

Арверны — галльское племя 6.

Аргенторат — Страсбург 169, 170, 171, 172, 174, 176, 177, 179.

Арлат — Арль 168.

Ариовист — вождь свевского союза, «король германцев», занявший в 72–58 годах до н. э. значительную территорию в Галлии и изгнанный оттуда Цезарем 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 21, 117, 138, 139, 140, 143, 144, 145, 146, 194, 204, 205.

Ариогез — король квадов с 172 года 161.

Арминий — вождь херусков (ок. 16 до н. э. — ок. 21 н. э.); в 9 году нанес поражение Вару в Тевтобургском лесу, в 15–17 годах вел борьбу с Германиком, в 17–19 годах — с Марободом 35, 41, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 98, 102, 137, 154, 199, 200, 204.

Арморика — по Плинию, прежнее название Аквитании 44.

Арнуфий — египетский маг, состоявший при императоре Марке Аврелии 162.

Ари — один из вождей племени хаттов 87.

Арсак — родоначальник царской династии в Парфии, жил около 250 года до н. э. 69.

Архилох — греческий лирик и сатирик, родился на острове Паросе между 700 и 680 годами до н. э. 128.

Асцибург — город у германцев, вероятно, теперешний Асберг 52.

Атезис, Атисон — река Эч в восточной Ломбардии, текущая параллельно нижнему течению По и впадающая немного севернее от нее в Адриатическое море. В верховьях этой реки находится Верона 129, 135.

Аугуста Треверорум (Augusta Treverorum) — Трир 117, 118, 119.

Бадугенна — божество племени фризов 96.

Балломарий — король маркоманов в 166 году н.э. 160.

Банадасп — король язигов в 174 году 163.

Барбацио — римский военачальник при Юлиане 171, 172, 173, 174.

Басс — Иаллий Басс, правитель римской провинции Паннонии в 166 году 160.

Бастарны — народ, по-видимому, германского происхождения, живший на южных и восточных склонах Карпат; около начала II века до н. э. их находят на левом берегу Дуная в самом нижнем его течении 32, 37, 43, 74.

Батавы — германское племя; занимало территорию, омываемую главным руслом Рейна и рекой Ваалой (так называемый «Батавский остров») 19, 43, 44, 65, 86, 88, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 150, 176, 198, 199, 202.

Батавский остров — 19, 86, 106, 119, 120, 150, 201.

Баттарий — упоминаемый Дионом Кассием 12-летний мальчик, стоявший во главе посольства германцев к императору Марку Аврелию в 169 году 160.

Баценский лес — название это обозначает либо западную часть Тюрингенского леса, либо нынешний Гарц 24.

Байнобад — трибун вспомогательного отряда корнутов в войске Юлиана 171, 177.

Белги — группа кельтских племен, населявших северную Галлию 32, 147, 149, 169.

- Белгика* — римская провинция в северной части Галлии 45, 116, 149.
- Беториг* — брат Мелона, вождя сугамбров 35.
- Бурханий* — германский остров, занятый Друзом Германиком 34.
- Борисфен* — греческое название реки Днепр 32.
- Боспор Киммерийский* — Керченский пролив 36.
- Бойаймон* — см. *Бойгемум*
- Бойгемум* (у Страбона *Бойаймон*, но Страбон так называет не всю Богемию, а только дворец Маробода) — название области, которую занимали бойи, нынешняя Богемия 33, 40, 64.
- Бойи* — галльское племя, обитавшее на территории нынешней Чехии, которая от них получила название Богемии; бойи перекочевали оттуда в 60 году до н. э. 36, 64, 71, 189, 196.
- Бойокал* — вождь амписвариев в 58 году 102.
- Бойориг* — король кимбров, побежденный Марием при Верцеллах в 101 году до н. э. 130, 136.
- Бригантик* (Юлий) — начальник вспомогательного отряда в римском войске во время батавского мятежа в 69–70 годах 116.
- Бригантинское озеро* — Боденское озеро 169.
- Бринно* — вождь каннифатов 106.
- Бротомаг* — город в Германии, нынешний Брумат 170.
- Бруктеры* — германское племя, жившее между рекой Липпе и верхним течением Эмса по обоим берегам этой реки. По Страбону, они делятся на «больших» и «малых» бруктеров 33, 34, 35, 38, 67, 76, 80, 81, 103, 107, 113, 197.
- Бургунды* — германское племя, впервые упоминаемое Плинием Старшим («Естественная история», IV, 99) в качестве ветви вандалов (вандилиев). Во II веке географ Птоломей локализирует их в области между средним Одером и Вислой, где им в 248 году нанесли поражение гепиды (ветвь готов). В конце III века бургунды заняли бассейн среднего Майна и его притока Таубера, а также верхнего и среднего Кохера (притоков Неккара) 43, 167, 168, 181, 184, 185, 207.
- Буры* — германское племя, жившее на территории Силезии и Галиции 71, 163, 164.
- Бэтази* — кельтизированное германское племя из группы левобережных германцев 112, 115.
- Вагал, Вакал* — река Ваал 19, 87.
- Вадомар* — король алеманнов в середине IV века 168, 174, 181.
- Валентиниан I* — римский император с 364 по 375 год 183, 184, 185.
- Валентия* — город в Галлии, нынешний Валанс 168.
- Вангион* — племянник короля Ванния 100, 101.
- Вангионы* — германское племя, входившее в состав свевского военного союза Ариовиста; во времена Тацита вангионы занимали территорию на левом берегу Рейна к северу от неметов; теперешний

город Вормс у Аммиана Марцеллина называется Вангионом 14, 44, 64, 99, 206.

Вандалы — германское племя, которое распалось на астингов и силингов; жило первоначально у берегов Балтийского моря, потом по обоим берегам среднего течения Одера, отсюда во II веке стало продвигаться на юг 164, 166.

Вандальские горы — так Дион Кассий называет горный хребет между Богемией и Силезией, откуда берет свое начало река Эльба 151.

Вандилии — германский народ, по-видимому, тождественный вандалам 43, 51.

Ванний — король свевов из племени квадов 95, 100, 101, 201.

Вар — Квинтилий Вар, правитель римской провинции Германии, погибший со своим войском в 9 году во время битвы с германцами в Тевтобургском лесу 35, 40, 41, 42, 69, 77, 79, 81, 84, 86, 89, 93, 100, 136, 137, 153, 154, 156, 157, 158, 189, 190, 199, 204.

Варины — небольшое германское племя, жившее на территории южной части Ютландии 43, 70.

Везонцион — город Безансон; во времена Цезаря крепость в стране секванов 10, 143, 204.

Веледа — прорицательница из германского племени бруктеров; при императоре Веспасиане жила пленницей в Риме 54, 113, 115, 119, 120, 193, 202.

Венеды — славянское племя, жившее к востоку от германцев, на правом берегу Вислы 74.

Венеты — италийское племя, жившее в северо-восточной части нынешней Ломбардии; их главное поселение — Патавиум (нынешняя Падуя) 135.

Вентидий — легат Антония, победивший в 39 году до н. э. Пакора, сына парфянского царя Орода 69.

Веррит — один из вождей фризов в 58 году 101.

Верхняя Германия — римская провинция в бассейне верхнего Рейна 48, 96, 99, 116, 149, 169, 197, 205.

Верцеллы — город в области либуев (кельтско-лигурийского племени), ныне Верчелли 130, 189, 203, 204, 211.

Верцингеториг — вождь галльского племени арвернов, поднявший в 52 году до н. э. восстание против Цезаря 149.

Веспасиан — Тит Флавий Веспасиан, командующий римскими войсками на востоке. После того как легионы, во главе которых он стоял, провозгласили его императором, явился в Рим и в декабре 69 года завладел властью. Был императором с 69 по 79 год 54, 104, 105, 107, 110, 198.

Вестральп — король алеманнов в 357 году 172, 181.

Ветера (Castra vetera — старый лагерь) — римский лагерь на левом берегу Рейна, близ нынешнего Ксанта 107, 110, 111, 112, 118.

Вибиллий — вождь гермундуров 96, 100.

Виенна — Вьенна 169.

Висургий, Визургис — река Везер 34, 38, 43, 86, 87, 88, 90, 91, 136, 150, 151, 153, 154, 200.

Виндекс — начальник римской конницы, победивший лангобардов и обив в 166 году; погиб в сражении с маркоманами в 171 году 159, 161.

Винделики — племя, жившее между Речицей и Дунаем 35, 36, 90.

Виндонисса — римский лагерь, нынешний Виндиш, в швейцарском кантоне Аргау 113, 116.

Виниций — Марк Виниций, римский полководец, предпринявший в 25 году до н. э. экспедицию против германцев 149.

Вискулус, Вистла — река Висла 43.

Вителлий — Авл Виттелий, назначенный императором Гальбой наместник с 68 года провинции Нижней Германии; когда приверженцы Оттона в январе 69 года свергли Гальбу, стоявшие в Германии легионы провозгласили императором Вителлия. Ему пришлось вступить в борьбу с Оттоном, которого он и победил в апреле 69 года, после чего императором признал его сенат. Но одновременно с ним на востоке провозглашен был императором Веспасиан, который сверг Вителлия в декабре того же года 104, 105, 107, 198.

Виттелий — Публий Виттелий, римский военачальник, подчиненный Германику 85, 86, 200.

Внешнее море — у Плутарха название морей к северу от Германии 122.

Вогезы — горы на северо-востоке Франции 18.

Вокула — легат 22 легиона во время мятежа батавов в 69–70 годах 110, 111, 112.

Вокций — король нориков, брат одной из двух жен Ариовиста 15.

Вольки — кельтский народ, распадавшийся на два племени: тектосагов и арекомиков. Тектосаги занимали область от подножия Пиренеев до Нарбо (ныне Нарбонна), их центром была Толоза (ныне Тулуза). Арекомики жили к востоку от них, до реки Роны 26.

Габиний — Публий Габиний, римский полководец, победивший в 41 году маврусиев 158.

Габрета — лес, упоминаемый Страбоном 36.

Галаты — союз кельтских племен; по сообщению Страбона первоначально делились на три племени, каждое из которых, в свою очередь, делилось еще на четыре племени 32, 33, 36.

Галл — Геренний Галл легат 1-го легиона во время мятежа батавов в 69–70 годах 109.

Гальба — Сервий Сульпиций Гальба, участник восстания против Нерона, после свержения которого он стал императором в июне 68 года, но уже в январе следующего года был свергнут и убит сторонниками Оттона 104, 105, 158, 198.

Гамабривы — упоминаемое Страбоном германское племя 34.

Гамбрии — см. *Сугамбры*.

Ганнаск — вождь каннифатов, ставший во главе хавков, восставших против римлян в середине I века 98, 99.

Гари — см. *Лугии*.

Гариобауд — король алеманнов в 359 году 181.

Гаруды — германское племя, входившее в союз Ариовиста 7, 9, 14.

Гарумна — река Гаронна 44.

Гайбомар — король квадов, казненный императором Каракаллой в 215 году 166.

Гелизии — см. *Лугии*.

Гелиний — галло-римское название реки Ваалы 43.

Геллузии — упоминаемый Тацитом в «Германии» фантастический северный народ с человеческим лицом и звериным туловищем 74.

Гельвеоны — см. *Лугии*.

Гельветы, гелветии — кельтское племя, обитавшее во времена Цезаря на левом берегу верхнего Рейна, выше нынешнего Базеля. Возможно, что до нашествия кимвров они жили несколько севернее и занимали территорию между Рейном и Майном, как об этом говорит Тацит («Германия», гл. XXVIII); передвижение их туда из Галлии могло произойти около конца V века до н. э. 6, 7, 19, 26, 31, 36, 64, 138, 143, 196.

Гельдуба — римский лагерь к северу от нынешнего Нойса 48, 111, 201.

Ганнибал (247–183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец 105, 204.

Гермионы, гермионы (у Плиния) — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; обитали на территории между Майном и Эльбой 43, 51, 190.

Гермоген — римский военачальник, подвергшийся нападению алеманнов в 369 году 184.

Гермундуры, гермондоры (у Страбона) — германское племя, близкое свевам; около начала н. э. они жили по правому берегу Эльбы, на юг от семнонов, а во времена Тацита занимали обширную территорию от бассейна верхнего Дуная до верховьев Майна и Эльбы (нынешние Бавария и Тюрингия) 34, 38, 43, 71, 95, 100, 101, 103, 153

Герцинский лес — весьма неопределенное географическое понятие, содержание которого по мере ознакомления римлян с внутренней Германией все более и более суживается, так что в конце концов под ним подразумевается Гарц и Судетские горы. Цезарь употребляет это понятие в самом широком смысле; Тацит обозначает так лишь западную часть горных хребтов средней Германии 26, 33, 35, 36, 37, 39, 40, 44, 46, 64, 65, 93, 122, 136, 197.

Герцинские лесистые горы — название у Тацита северо-западной части Герцинского леса 43, 65, 197.

Геты — народ, живший на нижнем Дунае и Днестре, родственник дакам 34, 37.

Готоны, готы — восточногерманское племя, жившее во времена

Тацита на правом берегу Вислы, в ее нижнем течении 72, 94, 167.

Грациан — сын римского императора Валентиниана I, в 367 году назначившего его августом (своим соправителем). Императором стал в 375 году, после смерти своего отца, и правил до 383 года 183, 185.

Гундомад — король алеманнов в 354 году 168, 174.

Гуталус — так Плиний Старший обозначает реку Прегелю или реку Неман 43.

Гутоны — упоминаемое Страбоном и Плинием германское племя 33, 43.

Даки — народ, населяющий Дакию 26, 50, 149, 159, 205.

Дакия — римская провинция, к востоку от реки Тиссы, левого притока Дуная 160, 164.

Далмация — римская провинция на восточном берегу Адриатического моря 40.

Далматы — жители Далмации 153.

Данувий — река Дунай 40, 65, 71, 95, 100, 101.

Девдори́г — сын Бетори́га, знатный сугамбр, фигурировавший в качестве пленного в триумфе Друза Германика Младшего в 15 году 35.

Децебал — король даков 159.

Децемпаги — город Дьёз 170.

Деценций — соправитель и брат императора Магненция в 350–353 годах 173.

Дивитиак — представитель племени эдуев на переговорах с Цезарем в 58 году до н. э. 6, 7.

Домициан — римский император в 84–96 годах 104, 159, 198.

Друз Старший — Нерон Клавдий Друз Германик (38–9 до н. э.), младший брат императора Тиберия 33, 34, 45, 67, 69, 119, 136, 149, 150, 151, 152, 189, 197, 198, 203, 204, 205.

Друз Младший — Друз Юлий Цезарь Германик (15 до н. э. — 19 н. э.), сын императора Тиберия 77, 94, 96, 100, 189, 199, 205.

Дубий Авит — римский наместник провинции Нижняя Германия в 58 году 101, 102.

Дулгубнии — германское племя, жившее между Эмсом и Липпе 67.

Евксинский Понт, Понт, Понтийское море — Черное море 31, 32, 50.

Заптик — король язигов в 174 году 162, 163.

Зумы — упоминаемое Страбоном германское племя 33.

Идиставизо — долина на правом берегу Везера, где произошла битва Арминия с Германиком в 16 году 88, 90.

Иллирия — римская провинция на север от Адриатического моря 40.

Ингвиомер — один из вождей херусков, дядя Арминия и его политический противник 80, 84, 85, 91, 92, 93.

- Ингевоны, ингвевоны* — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; занимали побережье Северного моря. Плиний к ним относит кимвров, тевтонов и хавков 43, 51, 190.
- Иннокентий* — начальник катафрактариев в римской армии, погибший в сражении с алеманнами в 357 году 177.
- Иовин* — начальник римской конницы в Галлии, сражавшийся с алеманнами в 367 году 182, 183.
- Истевоны, истевевоны, истевоны* — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; жили по среднему и нижнему течению Рейна 51, 43, 190.
- Истр* — название всего Дуная у греков и нижнего Дуная у римлян 31, 32, 35, 36, 37, 149, 159, 162, 163, 189.
- Италик* — сын Флавия, племянник Арминия, внук вождя хаттов Актумера; в 47 году он стал королем херусков 97, 98.
- Кавки* — см. *Хавки*.
- Калигула* — римский император в 37–41 годах 69, 106, 158, 193, 198, 201.
- Кампан* — знатный тунгр, перешедший на сторону Цивилиса 116.
- Кампсаны, кампсианы* — упоминаемое Страбоном германское племя 34, 35.
- Кандид* — римский военачальник, победивший лангобардов и обиев в 166 году 160.
- Каннинефаты* — союзное римлянам германское племя, родственное батавам; каннинефаты жили к западу от фризов и к северо-востоку от батавов 38, 43, 98, 105, 106, 110, 112.
- Канны* — город в Апулии (Италия), при котором римское войско было разбито Ганнибалом 137, 204.
- Капелляции, Палас* — территория, расположенная на восток от пограничного вала, в районе нынешнего Эрингена 181, 207.
- Каракалла* — римский император в 211–217 годах 164, 206.
- Карбон* — Гней Папирий Карбон, римский консул, разбитый кимврами в 113 году до н. э. в битве при Норее 68, 69, 124, 139.
- Карнунтум* — крепость и торговый пункт на правом берегу Дуная, почти против впадения в него реки Моравы 40.
- Каррина* — Гай Каррина, римский полководец, победитель галльского племени моринов в 29 году до н. э. 149.
- Карфаген* — государство в Северной Африке, с которым римляне вели ряд войн 69.
- Кассий* — Люций Кассий Лонгин, римский военачальник, разбитый кимврами и тигуринами в 107 году до н. э. 69.
- Кастор и Поллукс (Диоскуры)* — персонажи греческой мифологии, весьма почитаемые в Риме 72, 198.
- Катон* — Марк Порций Катон Младший — республиканец, боровшийся против монархических тенденций Помпея и Цезаря. После

- победы Цезаря над войсками республиканцев в 46 году до н. э. покончил с собой 140, 204.
- Катуальда* — вождь племени готонгов, пришел к власти в 19 году, но вскоре был свергнут 94, 95, 200.
- Катул* — Лутаций Катул, римский консул в 102 году до н. э. 123, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 203.
- Каулки* — упоминаемое Страбоном германское племя 34, 35.
- Квады, коадуи* — германское племя, родственное маркоманам; обитало на территории нынешней Моравии, которую военный союз Маробода занял в 8 году до н. э. 33, 71, 95, 159, 160, 161, 163, 164, 166.
- Кельтика* — обычное у Диона Кассия название зарейнской Германии. Аппиан и Страбон Кельтикой называют Галлию 30, 32, 33, 35, 138, 153, 158, 204, 205.
- Кенны* — германское племя, упоминаемое Дионом Кассием под 213 годом 165.
- Кимвры* — по предположениям некоторых античных писателей, до своего нашествия на римские владения жили на севере Ютландии 8, 10, 31, 32, 34, 36, 37, 43, 68, 117, 121, 122, 123, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 139, 141, 142, 147, 188, 189, 198, 202, 203, 204, 205.
- Киммерийцы* — племена, населявшие северный берег Черного моря в конце второго и начале первого тысячелетия до н. э. 36, 122.
- Клавдий* — римский император в 41–54 годах 75, 99, 100, 158, 201.
- Классик* — начальник конницы треверов, участник батавского мятежа в 69–70 годах 111, 113, 116, 117, 118, 202.
- Коммод* — римский император в 180–192 годах 163, 164.
- Кондрузы* — небольшое германское племя, жившее в окрестностях нынешнего бельгийского города Намюр; в эпоху Цезаря находились в зависимости от треверов 17, 28.
- Констанций II* — римский император в 337–361 годах 168, 169, 171, 173, 174.
- Конфлюэнс* — римское укрепление на западе Германии, ныне Кобленц 170, 206.
- Корбулон* — Домиций Корбулон, консул 39 года, начальник римских войск на нижнем Рейне с 47 года 75, 98, 99, 190.
- Котины* — германское племя, жившее на территории Силезии и Галиции 71.
- Красс* — Марк Лициний Красс, один из членов первого триумvirата (Цезарь, Помпей и Красс), погибший со всем своим войском при сражении с парфянами в 53 году до н. э. 15, 69, 189.
- Красс* — Публий Красс, сын Марка Лициния, начальник конницы в войске Цезаря во время его галльских войн 14.
- Криспин* — Тит Криспин, римский консул в 9 году до н. э. 151.
- Крупторикс* — римский наемник 96.
- Ксифилин* — византийский историк конца XI века 162, 205.

Куберны — германское племя, жившее между убиями и батавами, — вероятно, ветвь сугамбров 44.

Кузус — река на территории Венгрии 95.

Куртилий Манций — легат римских войск в Верхней Германии в конце 50-х годов 103.

Курций Руф — римский деятель, начавший в конце 40-х годов разработку серебряных рудников в стране маггиаков 99.

Лабеон — Клавдий Лабеон, начальник батавской конницы, соперник Цивилиса и его противник во время батавского мятежа в 69–70 годах 107, 112, 115, 116.

Лабиев — Тит Аттий Лабиев, легат Цезаря в Галлии, позднее перешел на сторону Помпея и пал в битве с Цезарем при Мунде в 44 году до н. э. 148.

Лангобарды — германское племя, в I веке жившее по нижнему течению Эльбы 34, 38, 70, 93, 94, 98, 159.

Ланды — упоминаемое Страбоном германское племя 35.

Лаипсо — римский военачальник, убитый в сражении с алеманнами в 357 году 177.

Лемовии — германское племя, обитавшее на берегу Балтийского моря, на запад от Вислы 72.

Лентии — племя алеманнов, жившее между Боденским озером и верхним течением Дуная 168, 185, 186.

Лепонтии — кельтское племя, жившее в Альпах 19.

Либеи — жрец хаттов 35.

Лигдамид — вождь киммерийцев 122.

Лигуры — народ, обитавший в Лигурии 126.

Лингоны — кельтское племя, занимавшее территорию в верховьях Сены, Марны и Соны 18, 111, 112, 116.

Лоллий — начальник римской конницы, сражавшийся с сугамбрами, узипетами и тенктерами в 16 году до н. э. 150.

Лугдун — ныне Лион 150, 151, 169, 171.

Лугии — большой германский народ, живший на север от Карпат между Одером и Вислой; в состав лугиев входило много племен; возможно, лугии тождественны вандалам 33, 72, 100, 101.

Лупия — река Липпе 34, 81, 87, 119, 150, 151.

Маврусии — упоминаемое Дионом Кассием германское племя 158.

Макриан — король алеманнов в 359 году 181.

Маллий — Гней Маллий Максим, консул 105 года, один из командующих римского войска в битве с кимврами при Аравзионе, в которой римляне потерпели жестокое поражение 69, 126, 142.

Малориг — один из вождей фризов в 58 году 101.

Манимы — германское племя, часть лугиев 72.

Манн — мифический родоначальник германцев, сын бога Туиско-на 51.

Марий — Гай Марий (156–86 до н. э.), знаменитый римский полководец 10, 31, 69, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 142, 189, 198, 202, 203, 204.

Марк Аврелий Антонин — римский император в 164–180 годах 159, 160, 161, 162, 163, 206.

Маркодурум — германский поселок на месте нынешнего города Дюрен на западе Германии 109.

Маркоманы — германское племя, входившее в свевский военный союз Ариовиста. До продвижения в Галлию занимало пограничные области к югу от реки Майн. В 8 году до н. э. маркоманы переселились на территорию Богемии, которая перед этим была покинута бойями 14, 33, 39, 40, 71, 92, 94, 136, 153, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 189, 196.

Маробод — вождь свевско-маркоманского союза, около 2 года до н. э. организовал королевство в Богемии; после неудачного сражения с Арминием был свергнут в 19 году Катуальдой и поселен римлянами в Равенне, где и умер через восемнадцать лет 33, 39, 40, 42, 71, 92, 93, 94, 95, 189, 190, 200.

Марсаки — германское племя, обитавшее на островах у устья Мааса, к югу от батавов 43, 112.

Марсигны — германское племя, жившее на восток от маркоманов и квадов 71.

Марсово поле — площадь в Риме, где происходили военные и гражданские собрания 152.

Марсы — германское племя, жившее между Рейном, Липпе и Эмсом 33, 51, 75, 76, 78, 199.

Марус — река Морава (верхний приток Дуная) 95.

Марфа — сирийская прорицательница, которая сопровождала Мариа во время его войны с кимврами 124.

Марцелл — Клавдий Марцелл, легат Мариа, участвовавший в войне с кимврами 127, 128.

Массалиоты — жители Массилии 31, 189.

Массилия, Массалия — нынешний Марсель 128, 188.

Маттиаки — хаттское племя, которое хотя и жило на правом, то есть германском, берегу Рейна (между Майном и Ланом), после 88 года стало подвластно римлянам. В области маттиаков находились целебный источник (нынешний Висбаден), посещавшийся римлянами, а также серебряные копи, которые разрабатывали римляне 49, 65, 99, 111.

Маттиум — главный населенный пункт хаттов к северу от реки Эдер 78.

Медерих — брат Хонодомара, король алеманнов в 357 году 175.

- Медиоматрики* — кельтское племя, жившее по Мозелю и Рейну, в окрестностях нынешнего Меца 19, 31.
- Мезия* — римская провинция, расположенная на правом берегу Дуная, в его нижнем течении 160.
- Мелон* — вождь сугамбров 34, 35, 189.
- Мен* — река Майн 64, 177.
- Менапии* — кельтское племя из группы белгов, жившее во времена Цезаря по нижнему течению Шельды и Рейна 17, 28, 31, 109.
- Меотиды* — Азовское море 36, 122, 202.
- Метелл* — Цецилий Метелл, римский консул в 113 году до н. э. 68.
- Меттий* — Марк Метгий, посол Цезаря во время переговоров с Ариовистом 12, 15.
- Могонциак* — город в Верхней Германии, ныне Майнц 106, 107, 111, 113, 116, 169, 170, 177, 183.
- Моза* — река Маас 18, 19, 20, 21, 43, 44, 87, 99, 109, 115, 136, 179.
- Мозелла* — река Мозель 170.
- Морины* — племя белгов, обитавшее к юго-западу от менапиев между Шельдой и Соммой, у берегов Па-де-Кале 109, 149.
- Муний Луперк* — легат римских войск в провинции Нижняя Германия во время батавского мятежа в 69–70 годах 107.
- Мушлоны* — упоминаемое Страбоном германское племя 33.
- Наганарвалы* — германское племя, часть лугиев 72.
- Назуа* — вождь свевов во время войны Цезаря с Ариовистом 9.
- Нантуаты* — кельтское племя, жившее на территории швейцарского кантона Валлис 19.
- Нарбонская Галлия* — римская провинция, расположенная в юго-восточной Галлии 95, 169, 200.
- Наристы* — германское племя, жившее на берегу Дуная в том месте, где он образует угол, меняя направление своего течения с северо-восточного на юго-восточное 71.
- Неметы* — германское племя, входившее в состав свевского военного союза Ариовиста; до продвижения в Галлию жило по обоим берегам Рейна в его среднем течении, несколько выше впадения в него Майна. Во времена Тацита неметы жили на левом берегу Рейна, напротив впадения в него Неккара, и несколько южнее. У Аммиана Марцелина нынешний город Шпайер называется Неметы 14, 26, 44, 64, 99, 169, 170, 206..
- Нервии* — племя, жившее в Галлии по средней Шельде и Маасу; некоторые античные авторы утверждают, что имели германское происхождение; ко времени Тацита нервии уже усвоили кельтский язык и культуру 31, 64, 112, 115, 116, 138, 147.
- Нерон* — при рождении в 37 году Люций Домиций Агенобарб. После усыновления императором Клавдием в 50 году стал называться Гаем Клавдием Нероном. Император в 54–68 годах 69, 75, 102, 104, 105, 193, 198.

Нерта — богиня земли, почитавшаяся особо у германских племен, обитавших к северу от нижней Эльбы 70.

Нижняя Германия — римская провинция, расположенная в бассейне Мааса и нижнего Рейна 75, 96, 98, 101, 149, 169, 205.

Новезий — нынешний Нойс 111, 119.

Норбан — Гай Норбан, римский консул в 15 году 77.

Норея — город в Норике, при котором кимвры разбили римлян в 113 г. до н. э., нынешний Неймаркт в Австрии 139, 204.

Норик, Норикум — римская провинция к югу от среднего Дуная в бассейне его правых притоков — Инна, а также Муры и Дравы (в их верхнем течении) 14, 40, 52, 95, 123, 136, 194.

Норики — племя, обитавшее в римской провинции Норик 139.

Нумизий Руф — легат римских войск в Нижней Германии во время батавского мятежа в 69–70 годах 107.

Нуитоны — небольшое германское племя, жившее на юге Ютландского полуострова 70.

Нумоний — легат Вара, бежавший после поражения римлян в Тевтобургском лесу 42.

Обии — германское племя, упоминаемое Дионом Кассием под 116 годом 159.

Озы — племя иллирийского происхождения, жившее на левом берегу Дуная рядом с квадами, которым они платили дань 64, 71, 196.

Океан — обычно у античных авторов Северное море. Плиний называет Оксаном Северное и Балтийское моря 19, 33, 34, 37, 38, 43, 45, 50, 51, 59, 67, 68, 70, 72, 82, 85, 86, 87, 92, 104, 106, 137, 148, 149, 150, 158, 165, 198.

Оксионы — упоминаемый Тацитом фантастический северный народ с человеческим лицом и звериным туловищем 74.

Оленний — начальник римского отряда, действия которого вызвали восстание фризов в 28 году 96.

Осрозны — стрелки из Осроэны (местность на верхнем Евфрате), которые входили в состав армии римского императора Каракаллы 165.

Павл — консул Люций Павл, погиб в битве с Ганнибалом при Каннах в 216 году до н. э. 137.

Павл — Юлий Павл, один из вождей батавов 105.

Пакор — сын парфянского царя Орода, побежденный в 39 году до н. э. Вентидием, легатом Антония 69.

Палас — см. *Капелляци*.

Палпеллий Истр — римский наместник в Паннонии 100.

Паннония — римская провинция на правом берегу Дуная 38, 40, 52, 64, 100, 101, 159, 160.

Паннонцы, паннонии — жители Паннонии 36, 50, 153.

Парфия — область к юго-востоку от Каспийского моря. В конце III века до н. э. здесь образовалось сильное государство, находив-

шея в постоянной вражде с Римом вплоть до 226 года, когда Парфия прекратила самостоятельное существование 69.

Парфяне — жители Парфии 30, 59, 198.

Паулин — наместник в Нижней Германии до 58 года 101.

Певкины — часть бастарнов, отделившаяся от них и названная так по имени острова в устье Дуная, на котором они поселились 43, 74.

Педо — по-видимому, Педо Альбинован, младший друг Овидия, известный не только как военачальник, но и как поэт 80

Пертинакс — римский полководец, отразивший в 166 году нашествие германцев на Италию. В 193 году стал императором, но правил всего три месяца 160.

Пиктоны — галльское племя, жившее в Аквитании 47.

Поллукс — см. *Кастор*.

Помпей — Гней Помпей (196—48 до н. э.), римский политический деятель, один из членов первого триумvirата 15, 190.

Помпейан — римский полководец, отразивший нашествие германцев в 168 году 160.

Помпоний — легат в римских войсках Верхней Германии, воевавших с хаттами в 51 году 99, 100.

Посидоний — древнегреческий философ-стоик (139 или 135 — ок. 50 до н. э.), историк, географ, астроном; послужил источником для многих позднейших писателей 36, 43, 188.

Приарий — король лентиев в 378 году 185.

Процилл — Гай Валерий Процилл, посол Цезаря во время его переговоров с Ариовистом 12, 15.

Равенна — город в Италии 80, 95, 160.

Рамис — дочь вождя хаттов Укромира 35.

Раудиум — долина близ Верцелл, где произошло сражение Мария с кимврами 135.

Раурак — Аугуста Раурика, город на берегу Рейна, ныне поселок Аугст, близ Базеля 168, 172.

Раураки, раурики — кельтское племя, жившее к северу от гельветов, до окрестностей нынешнего Базеля 26, 181.

Ревдигны — небольшое германское племя, жившее на юге Ютландского полуострова 70.

Ремы — племя и город в Галлии, ныне Реймс 171.

Ретийские Альпы — северо-восточная часть Альп 50.

Ретийцы, реты — жители римской провинции Реции 36, 50, 90.

Реция — римская провинция, расположенная у верховьев Рейна и на верхнем Дунае 52, 71, 116, 148, 169, 173.

Рейн, Рен — река, по которой проходила граница Германии и Галлии 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 64, 65, 66, 67, 71, 78, 80, 82, 84, 85, 86, 89, 96, 98, 99, 101, 103, 104, 105, 108, 109, 111, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 136, 137, 139, 141, 143, 147, 148,

149, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 168, 169, 170, 171, 174, 176, 177, 180, 181, 183, 184, 185, 186, 188, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 205.

Ригомаг — город в Германии, ныне Ремаген 170, 206.

Родан — река Рона 31, 123.

Роксоланы — сарматское кочевое племя, жившее между Днепром и Доном 37.

Ругии — германское племя, жившее на берегу Балтийского моря, на запад от Вислы 72.

Рур — река, правый приток Рейна 75, 202.

Сабин — Юлий Сабин, участник батавского мятежа в 69–70 годах, один из вождей лингонов 111.

Сала — греческое название реки Заала 34.

Салии, салические франки — ветвь франков, самостоятельно существовавшая с 420 года в Токсандрии 179

Салисон — город в Германии, ныне Зельц 170.

Самний — область в Италии, с жителями которой, самнитами, римляне вели упорную борьбу 69.

Санквиний Максим — предшественник Карбулона по командованию римскими войсками на нижнем Рейне 98.

Санкт — начальник 16-го легиона во время батавского мятежа в 69–70 годах 113.

Сарматы — название, служащее античным авторам для обозначения совокупности различных кочевых племен от Вислы до черноморских и приазовских степей 50, 59, 71, 74.

Сатурнин — Сентий Сатурнин, консул 4 года, воевал с хаттами 40.

Сварины — небольшое германское племя, жившее на юге Ютландского полуострова 70.

Севское море — у Тацита Балтийское море 73.

Севы — этим именем античные авторы обозначают то одно из германских племен (но не всегда одно и то же), то целую совокупность племен, включая в нее либо придунайских, либо заэльбских германцев, либо племена, жившие по Майну и Неккару. Наиболее широкое содержание в понятие «севы» вкладывает Тацит («Германия», гл. II, IX, XXXVIII, XLV). Цезарь в своих «Записках о галльской войне» (кн. I, гл. 37) имеет в виду одно из германских племен, обитавших, по-видимому, в бассейне Майна и Неккара 6, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 27, 31, 33, 34, 36, 37, 43, 51, 55, 69, 70, 71, 73, 74, 92, 93, 94, 95, 100, 136, 139, 140, 147, 148, 149, 151, 188, 189, 197, 198.

Свионы — германское племя, жившее в Скандинавии, которая во времена Тацита считалась не полуостровом, а островом, почему Тацит и говорит («Германия», гл. XLIV), что свионы жили «на самом Океане» 72, 73, 74, 198.

- Север* — римский военачальник, участвовавший в походе Валентиана I на алеманнов в 368 году 183.
- Сегест* — один из вождей херусков, тесть Арминия 35, 41, 77, 78, 79, 80, 86, 137, 190, 199, 204.
- Сегимер* — брат Сегеста 35, 41, 86, 154.
- Сегимунт, Сегимунд* — сын Сегеста 35, 78.
- Сегны* — племя, принадлежавшее к группе так называемых левобережных германцев. Этническое происхождение сегнов недостаточно выяснено: возможно, что это кельгизированные германцы, но, может быть, и германизированные белги. Сегны жили между эбуронами и треверами, к юго-востоку от нынешнего французского кантона Живе 28.
- Седузии* — германское племя, по своему происхождению близкое к гарудам; входили в свевский военный союз Ариовиста, до продвижения которого в Галлию, предположительно, занимали восточную часть Ютландии и принадлежали к группе англо-варнов 14.
- Секвана* — река Сена 44.
- Секваны* — галльское племя, обитавшее по северо-западным склонам Юрского хребта и находившееся в дружественных отношениях с римлянами 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 19, 130, 143.
- Семноны* — свевское племя, жившее между Эльбой и Одером, на территории нынешней немецкой земли Бранденбург, откуда позже переселилось на юг 33, 38, 69, 70, 93, 163.
- Сеноны* — город в Галлии, ныне Сан 170, 171.
- Сентин* — Гай Сентин, правитель римской провинции Германии в 6 году 153.
- Сераний* — сын Медериха, брат Хонодомара; был королем алеманнов в 357 году 172, 174, 175.
- Сервильий* — см. *Цецион*.
- Серторий* — Квинт Серторий (123–72 до н. э.), римский полководец, участвовавший в войне с кимврами, а также в борьбе Суллы с Марием (на стороне Мария). В 82–81 годах, а затем в 80–72 годах до н. э. был наместником римской провинции Испании, где пытался отколоться от Рима и основать независимую державу; с этой целью Серторий вступил в союз с царем Понта Митридатом; был убит по приказанию Помпея 105, 201.
- Сеситак* — сын Сегимера, вождя херусков 35.
- Сиагрий* — римский военачальник, подвергшийся нападению алеманнов в 369 году 184.
- Сибини* — упоминаемое Страбоном германское племя 33.
- Сидон* — в 51 году один из королей свевов 100, 101.
- Сикамбры* — см. *Сугамбры*.
- Силан* — Марк Юний Силан, римский полководец, войско которого было разбито кимврами в 109 году до н. э. 134.

- Силий* — римский военачальник в войсках Германика в 16 году 87.
- Ситоны* — племя, жившее на восток от свионов и на север от эстиев, на территории нынешней Финляндии 74.
- Скавр* — Марк Аврелий Скавр, римский военачальник, консул 108 года до н. э.; был наголову разбит кимврами, попал в плен и был убит кимврским королем Бойоригом 69, 142.
- Скальда* — река Шельда 44.
- Скифия Понтийская* — степи по северному побережью Черного моря 122, 202, 205.
- Скифы* — название, которым античные писатели обозначали разные народы, жившие на юге Восточной Европы 122, 149.
- Скордискские галаты* — часть галатов, живших на юге Паннонии, в долине Савы и Дравы 36.
- Солициниум* — город в Германии, на месте нынешнего Шветцингена в земле Баден-Вюртемберг 183.
- Стертиний* — Люций Стертиний, военачальник в войсках Германика 81, 86, 87, 88.
- Стурици* — германское племя, по Плинию, населявшее один из островов в дельте Рейна 43.
- Сугамбры* — германское племя, жившее во времена Цезаря по правому берегу Рейна, между Липпе и Зигом. В 16 году до н. э. нанесли поражение римлянам; в 8 году часть сугамбров была поселена Тиберием на левом берегу Рейна, к северу от убиев, где они были известны впоследствии под названием кугернов. Тацит в «Анналах» (IV, 47) упоминает под 26 годом когорту сугамбров во Фракии. Сугамбрам, по-видимому, тождественны гамбривии (II гл. «Германии» Тацита) 6, 21, 22, 28, 29, 31, 33, 34, 35, 37, 43, 51, 136, 139, 147, 148, 150, 152, 198, 199, 204.
- Сулла* — Люций Корнелий Сулла (138–78 до н. э.), римский полководец и политический деятель, вождь аристократической партии, ожесточенно боровшийся с Марием. В молодости участвовал в кампании против Югурты под начальством Мария 130, 131, 203.
- Сунуки* — племя из группы левобережных германцев, жившее между Маасом и Рейном, к западу от убиев и к востоку от тунгров 115.
- Суомар* — король алеманнов в 358 году 172, 179, 180, 206.
- Таберн* — город во Франции, ныне Саверн. См. *Трес Таберне*.
- Тавр* — Статилий Тавр, консул 11 года 158.
- Тавриски* — племя в Норикуме, упоминаемое Страбоном 36.
- Танфана* — женское божество племени марсов 76, 199.
- Тарб* — династ, упоминаемый Дионом Кассием под 169–170 годами 160.
- Таунус* — возвышенность между реками Майном и Ланом 77, 100.
- Тевтобод* — король тевтонов в 125–102 годах до н. э., взятый Марием в плен после сражения при Аквах Секстийских 135.

Тевтобургский лес — лесистая возвышенность, с которой берут начало реки Эмс и Липпе; составляет часть Судетских гор 81, 153, 189, 199.

Тектосаги — см. *Вольки*.

Тевтоны, товгены — германское племя, одновременно с кимврами совершившее нашествие на Галлию и Италию в 113–101 годах до н. э. 8, 10, 31, 32, 36, 43, 117, 121, 123, 125, 127, 130, 134, 135, 139, 141, 142, 203.

Тенктеры — германское племя, во времена Цезаря жившее по реке Лану, правому притоку Рейна, на запад от хаттов 6, 15, 17, 21, 22, 28, 66, 67, 69, 103, 107, 114, 115, 136, 139, 140, 147, 150, 187, 198, 202, 204.

Тиберий Клавдий Нерон — римский император в 14–37 годах 35, 38, 39, 40, 48, 75, 80, 92, 94, 95, 97, 102, 149, 152, 153, 156, 157, 158, 192, 197, 198, 205.

Тигурины, тигирены — часть (pagus) гельветов; они занимали территорию нынешнего кантона Ваадт в северо-западной Швейцарии 36, 134, 136, 203.

Тирас — греческое название Днестра 32.

Тирегеты — племя, упоминаемое Страбоном 32, 37.

Товгены — тевтоны у Страбона 31, 36.

Токсандрия — местность на севере Галлии 179.

Толоза — город в Галлии, ныне Тулуза 141.

Тольбиак — город близ Агриппинской колонии, ныне Цюльпих 118.

Траян — Марк Ульпий Траян, римский император в 98–117 годах 68, 178, 198.

Треверы — кельтизированное германское племя, обитавшее в бассейне нижнего Мозеля 9, 17, 19, 23, 31, 48, 64, 107, 109, 110, 111, 112, 116, 147, 148, 170.

Трес Таберне — римское укрепление в Эльзасе, нынешний Саверн 170, 172, 177.

Трибоки, трибокхи — германское племя, входившее в свевский военный союз Ариовиста, до продвижения которого в Галлию жили на левом берегу Рейна, по верхнему его течению (примерно в окрестностях Страсбурга) 14, 19, 31, 44, 64.

Тубанты, тубаттши — германское племя, обитавшее в области между реками Фехте и Рейном, к северо-западу от бруктеров и к югу от хамавов 35, 76, 102, 103.

Тудр — родоначальник династии королей у квадов 71.

Туискон — германское божество 51.

Тумелик — сын Арминия 35.

Тунгры — германское племя, перешедшее на левый берег Рейна, по-видимому, задолго до завоевания Цезарем Галлии. Тунгры входили в группу левобережных германцев и жили по Маасу от нынешнего Льежа до Маастрихта 51, 106, 112, 115, 116, 206.

Тунгры — город в Галлии, нынешний Тонгерн 169.

Гуснельда — жена Арминия, дочь Сегеста 35.

Тутор — Юлий Тутор, участник батавского мятежа в 69–70 годах, один из вождей треверов 111, 116, 117, 202.

Убии — германское племя, жившее во времена Цезаря на правом берегу Рейна, приблизительно между реками Майном и Зигом; их соседями с юга были в то время свевы, а с севера — сугамбры. При Цезаре они покорились римлянам, у которых искали защиты против теснивших их свевов; в 38 году до н. э. Агриппа переселил их на левый берег Рейна, где на «месте города убиев» была основана в 50 году римская колония (нынешний Кельн). За несколько десятилетий, между правлениями Цезаря и Клавдия, убии подверглись значительной романизации 15, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 28, 31, 44, 47, 64, 78, 86, 99, 103, 107, 109, 110, 112, 114, 115, 118, 148, 191, 199, 201, 202.

Узипеты, узиты — германское племя, в эпоху Цезаря жившее по реке Липпе и правому берегу Рейна, в нижнем его течении 6, 15, 17, 21, 22, 28, 35, 66, 76, 102, 103, 111, 136, 139, 140, 147, 150, 187, 198, 204.

Укромир — вождь хаттов 35.

Улисс — романизированное имя Одиссея, главного героя «Одиссеи» и одного из главных героев «Илиады» 51, 52.

Урзицин — король алеманнов в 357 году 172, 181.

Урий — король алеманнов в 357 году 172, 181.

Фабий Максим — римский консул в 10 году до н. э. 151.

Фенны — так Тацит называет финнов, живших на север от германцев, вдоль восточного берега Балтийского моря 74.

Флавий — брат Арминия, служивший в римской армии 87, 88, 97.

Флакк Гордеоний — главнокомандующий римским войском в Верхней Германии в 69–70 годах 111.

Флеву — река, вытекающая из озера Флево и ошибочно принимаемая Плинием («Естественная история», IV, 101) за рукав Рейна 43.

Флеву — римская крепость либо у протока озера того же имени, либо на реке Вехт 96.

Фовы — германское племя, жившее рядом с херусками 68.

Фонтей Капитон — римский военачальник, казнивший одного из батавских вождей — Юлия Павла 105.

Форум Юлиум — римская колония в Нарбоннской Галлии (нынешний Фрежюс) 95, 200.

Франки — появляющееся в середине III века название германского народа, происшедшего, по-видимому, от целого ряда прирейнских и приморских племен (хамавов, бруктеров, убиев, узипетов, тенктеров, хавков и других, то есть главным образом так называемых истевонов) путем их сплочения. Франки делились на: 1) нижних франков, ядро которых составляли салические франки, происхо-

дившие, по-видимому, от хавков и обитавшие первоначально по реке Иссель, а затем занявшие Батавский остров и Токсандрию; 2) средних, или рилуарских, франков, занимавших в V веке бывшую территорию расселения убиев; 3) верхних франков, живших по среднему Рейну и отчасти по Майну, — потомков тацитовских хаттов. Одна из ветвей нижних франков, примыкавшая к салиям, занимала бассейн Мааса и включала в себя племена хамавов и хатуариив 167, 168, 170, 179.

Фризы — германское племя, занимавшее берег моря между реками Эмсом и Фли; соседями их на западе были каннинефаты, на востоке — ампсиварии. Они были покорены Друзом Старшим в 12 году до н. э. Тацит различает «больших» и «малых» фризов; с последним, по-видимому, тождественны фризиавоны Плиния («Естественная история», IV, 101) 43, 67, 81, 96, 97, 98, 101, 102, 106, 107, 112, 118, 150, 200, 201.

Фуртий — король квадов, изгнанный ими в 172 году 161.

Хавбы — упоминаемое Страбоном германское племя 34.

Хавки — германский народ, распадавшийся на несколько племен.

Первоначально жили между нижним течением Эмса и Эльбы (причем «большие» хавки обитали на левом берегу Везера, а «малые» — по правому). В середине I века хавки распространились на юг и на запад, дойдя до верховьев Эмса и Везера 34, 38, 43, 45, 46, 67, 68, 81, 91, 98, 99, 102, 118, 119, 150, 187, 190, 191, 198.

Хазуари — германское племя, жившее между Эмсом и Липпе 67.

Хамавы — германское племя, жившее на запад от бруктеров, между Эмсом и Рейном 67, 102, 179.

Хариамер — король херусков в 90 году 159.

Харины — германское племя, входившее, по Страбону, в состав вандилиев 43.

Хариовальд — один из вождей батавов 88.

Хатуари — германское племя, обитавшее к западу от верхнего течения Эмса 34, 35, 38.

Хатты — одно из самых значительных германских племен; первоначально жили по течению реки Эдер (левого притока Везера), затем заняли обширную территорию между Рейном — с одной стороны, верхним течением реки Верра — с другой, и рекой Димелем (левым притоком Везера) — с третьей 34, 35, 40, 43, 65, 66, 68, 69, 77, 78, 87, 97, 99, 100, 103, 104, 111, 136, 150, 151, 158, 159, 165, 197, 198, 206.

Херуски — одно из крупнейших германских племен, обитавшее по среднему Везеру, к северо-востоку от хаттов 24, 34, 35, 38, 43, 68, 78, 80, 83, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 100, 102, 103, 136, 150, 151, 153, 154, 159, 190, 199.

Хонодомар — король алеманнов в 357 году 172, 173, 174, 175, 176, 177.

Хортар — король алеманнов в 357–359 годах 172, 180, 181.

Цепион — Гней Сервилий Цепион, консул 106 года, один из командующих римского войска в битве с кимврами при Аравзионе, в которой римляне потерпели жестокое поражение; причиной этого, как считается, был раздор, возникший между Цепионом и другим начальником римского войска, консулом Гнеем Маллием Максимом, которому Цепион отказался подчиниться 69, 124, 126, 142.

Цериалис — Петилий Цериалис, римский полководец, участвовавший в подавлении батавского мятежа в 69–70 годах 116, 117, 118, 119, 120, 202.

Цецина — Авл Цецина Север, один из военачальников, подчиненных Германику и совершивший вместе с ним поход в Германию в 15–16 годах 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84.

Цивилис — Юлий Цивилис, вождь батавов и организатор батавского мятежа в 69–70 годах 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 198, 201, 202.

Цимберий — вождь свевов во время войны Цезаря с Ариовистом 9.

Цицерон — Квинт Туллий Цицерон, начальник гарнизона, оставленного Цезарем в римском лагере в стране эбуронов в 53 году до н. э. 29.

Эбуроны — кельтизированное германское племя, принадлежавшее к группе левобережных германцев; жили между Маасом и Рейном, в эпоху Цезаря находились в зависимости от треверов 17, 23, 28.

Эвдозы — небольшое германское племя, жившее в южной части Ютландского полуострова 70.

Эдуи — галльское племя, союзное римлянам 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 47, 139, 140, 143.

Элизон — приток Липпе 151.

Эмилиий — примипиларий под командой Германика 88.

Эмилиий — Марк Эмилиий, консул 11 года 158.

Эмс — река 87, 200.

Эратосфен — древнегреческий географ, астроном и математик эллинистической эпохи (276–194 до н. э.) 26.

Эридан — греческое название реки По 129.

Эсти — финское племя, от которого произошли, по-видимому, эсты. Во времена Тацита они занимали весь восточный берег Балтийского моря, от устья Вислы до Финского залива 73.

Ювенал — знатный тунгр, перешедший на сторону Цивилиса 116.

Юеурта — нумидийский царь; сначала был сторонником Рима, но в междоусобной войне со своими соперниками несколько раз

действовал во вред римским интересам; в начавшейся вследствие этого семилетней войне с Римом был побежден Марием и казнен в Риме в 104 году до н. э. 121, 123.

Юлиан — Флавий Клавдий Юлиан, римский император в 361–363 годах, прозванный христианами Отступником за попытку реставрировать язычество в качестве государственной религии 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 206.

Юлий Антоний — консул 10 года до н. э. 151.

Языги, язиги — сарматское кочевое племя, жившее у восточной границы Паннонии, в нижнем течении Тиссы 37, 100, 101, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 205, 206.

Основные даты
из истории древних германцев
и римско-германских взаимоотношений
(II век до н. э. — II век)

Нашествие кимбров и тевтонов на Галлию и Северную Италию	113–101 годы до н. э.
Битва римлян с тевтонами при Норее	113 год до н. э.
Переход кимбров и тевтонов через Рейн	110 год до н. э.
Победа кимбров над консулом Силаном в Южной Галлии	109 год до н. э.
Сражение римлян с кимбрами и тевтонами при Аравзине	105 год до н. э.
Разгром тевтонов и кимбров римским полководцем Марием при Аквах Секстийских и Верцеллах	102 и 101 годы до н. э.
Свевский военный союз Ариовиста в Галлии	72–58 годы до н. э.
Столкновение Цезаря с Ариовистом и изгнание свевов из Галлии	58 год до н. э.
Столкновение Цезаря с узипетами и тенктерами	55 год до н. э.
Первый переход Цезаря через Рейн	55 год до н. э.
Второй переход Цезаря через Рейн	53 год до н. э.
Нападение сугамбров на римский лагерь Адуатуку	53 год до н. э.
Поход Марка Випсания Агриппы за Рейн	38 год до н. э.
Поселение убиев на левом берегу Рейна (основание «города убиев»)	38 год до н. э.
Набеги сугамбров, узипетов и тенктеров на Галлию и поражение римского легата Лоллия	16 год до н. э.
Походы Друза Старшего в Германию вплоть до Эльбы	12–9 годы до н. э.
Походы Тиберия в Германию до Эльбы	8–7 годы до н. э.
Походы Л. Домиция Агенобарба за Дунай против гермундуров и в Северную Германию вплоть до бассейна Эльбы	6–2 годы до н. э.
Переход Л. Домиция Агенобарба через Эльбу	3 год до н. э.

Оккупация Богемии свевско-маркоманским союзом Маробода	2 год до н. э.
Походы Тиберия за Рейн и Везер	4–6 годы
Приготовления Тиберия к несостоявшемуся походу против свевско-маркоманской державы Маробода в Богемии	6 год
Битва в Тевтобургском лесу (разгром легионов Вара вождем херусков Арминием)	9 год
Походы Тиберия в Германию	9–11 годы
Походы Германика за Рейн и Везер против марсов, хаттов и херусков, его борьба с Арминием	14–16 годы
Столкновение Маробода с Арминием	17 год
Сражение Маробода с вождем готов Катувальдой	19 год
Смерть Германика	19 год
Смерть Арминия	21 год
Восстание фризов	28 год
Назначение римлянами Италика (племянника Арминия) королем херусков и усабицы внутри этого племени	47 год
Борьба Домиция Корбулона с набегами хавков на Нижнюю Германию	47 год
Основание колонии римских ветеранов в «городе убиен» и его переименование в Агриппинскую колонию	50 год
Набеги хаттов на провинцию Верхняя Германия и победа римлян над ними	50 год
Изгнание назначенного Друзом свевского короля Ванния из Богемии	51 год
Продвижение фризов и амписвариев к берегам нижнего Рейна	58 год
Столкновение хаттов и гермундуров из-за соляного источника	58 год
Батавский мятеж и организация галльско-германского союза Цивилиса	69–70 годы
Сооружение пограничного вала	85–138 и 154–161 годы
Маркоманская война	165–180 годы

Содержание

Гай Юлий Цезарь	
Записки о галльской войне	6
Страбон	
География	30
Веллей Патеркул	
Римская история	38
Гай Плиний Старший	
Естественная история	43
Публий Корнелий Тацит	
Германия	50
Анналы	75
Истории	104
Плутарх	
Гай Марий	121
Люций Анней Флор	
Из истории римского народа	134
Аппиан	
Римская история	138
Дион Кассий	
Римская история	141
Аммиан Марцеллин	
История	167
<i>Примечания</i>	<i>187</i>
<i>Указатель имен, названий племен, топонимов</i>	<i>208</i>
<i>Основные даты</i>	
<i>из истории древних германцев и римско-германских</i>	
<i>взаимоотношений (II век до н. э. — II век)</i>	<i>231</i>

- Д73 Древние германцы. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 240 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-119-9

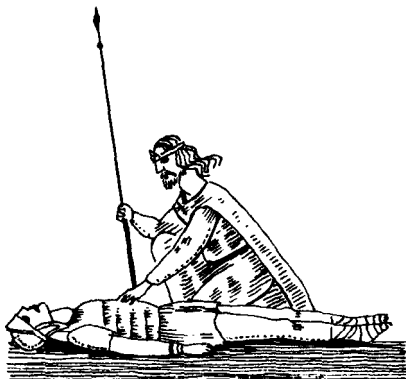
Родственные племена, говорившие на германских языках, к началу нашей эры занимали обширную территорию между Рейном и Вислой, Дунаем и северными морями. Постепенно набирая силу, они в конце концов послужили основой для формирования многих европейских наций. В настоящее издание вошли наиболее значимые сведения о древних германцах из античных источников — «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Географии» Страбона, «Римской истории» Плиния Старшего, сочинений Тацита, Плутарха, Аппиана, Аммиана Марцеллина и других, — которые подробно описывают нравы германских племен, их общественное устройство и способы ведения войны. Выстроенные в хронологической последовательности, фрагменты повествуют о древнейшем периоде в истории германцев — от кимврской войны в конце II века до н. э., когда римляне впервые столкнулись с «северными варварами», до событий II века н. э., предшествующих гибели Западной Римской империи и образованию на ее обломках германских государств.

УДК 94(363)
ББК 63.3(0)3

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Древние германцы

Редактор В. Лазарев
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 08.10.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1200 экз.
Заказ 7136.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО
«Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rф
тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Древние германцы

Родственные племена, говорившие на германских языках, к началу нашей эры занимали обширную территорию между Рейном и Вислой, Дунаем и северными морями. Постепенно набирая силу, они в конце концов послужили основой для формирования многих европейских наций. В настоящее издание вошли наиболее значимые сведения о древних германцах из античных источников — «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Географии» Страбона, «Римской истории» Плиния Старшего, сочинений Тацита, Плутарха, Аппиана, Аммиана Марцеллина и других, — которые подробно описывают нравы германских племен, их общественное устройство и способы ведения войны. Выстроенные в хронологической последовательности, фрагменты повествуют о древнейшем периоде в истории германцев — от кимврской войны в конце II века до н. э., когда римляне впервые столкнулись с «северными варварами», до событий II века н. э., предшествующих гибели Западной Римской империи и образованию на ее обломках германских государств.

ISBN 978-5-91678-119-9

9 785916 781199